

ГРАФИТ

литературный альманах

№3

ЛИТЕРАТУРНЫЙ АЛЬМАНАХ

Г Р А Ф И Т

№ 3

Тольятти
2012 год

Главный редактор: Сергей Сумин

Заместитель редактора: Дмитрий Перегудов

Редколлегия: Татьяна Бочкарь
Вячеслав Лобанов

Художник номера: Александра Москалюк

Все права принадлежат авторам.

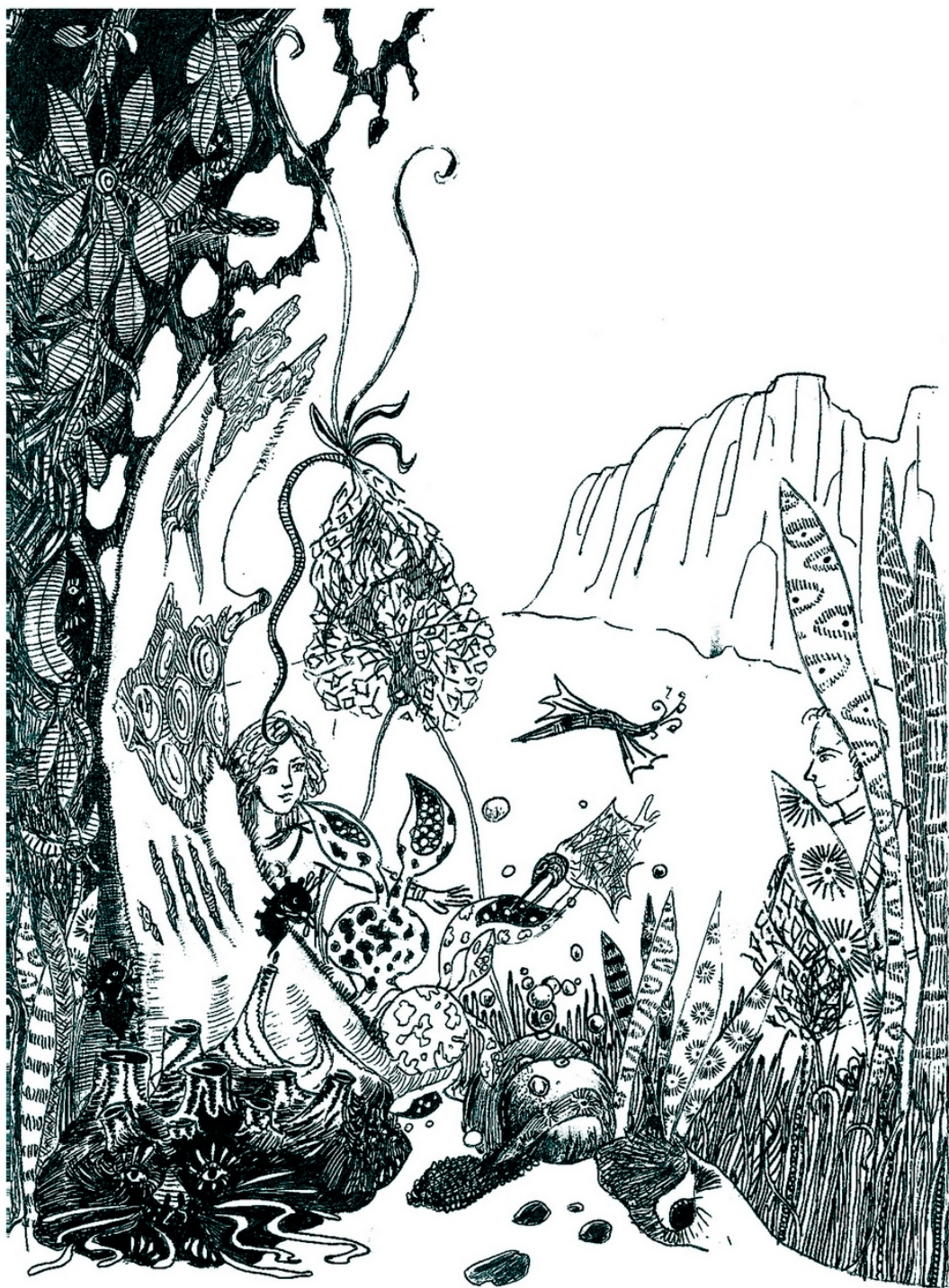
В ряде случаев сохранена оригинальная авторская орфография.

Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов.

Афиша культурной жизни Поволжья, тексты наших авторов и анализ событий культуры и искусства можно найти на сайтах: graffitt.ru sumin.moy.su
comsome.ru

Сентябрь 2012 года, г.о. Тольятти.

Для связи: sumin_sergei@list.ru

Содержание

Поэзия	
Элла Крылова	5
Дмитрий Воденников	11
Алексей Порвин	18
Проза	
Александр Попов	22
Книга стихов	
Елена Карева	31
Золотой запас	40
Михаил Лёзин	46
Ветер странствий. Фантастика	51
Дмитрий Перегудов	55
Вячеслав Лобанов	60
Волжская вольница	
Наталья Нечаянная	64
Василий Чердаков	68
Наталья Пулька	72
Алексей Лисовицкий	76
Дмитрий Голин	79
Города рядом с Волгой (Уфа)	86
Окрестности	
Сергей Пиденко	98
Любовь Уколова	106
Мир-отечество	
Алексей Шадрин	109
Мир-чужбина	
Венантий Бутрим	118
Архив	
Велимир Хлебников	124
Постскриптум	
Слова и числа	129
Слова и мёд (записные книжки)	134
Книга за книгой	145
Авторы	155

Элла Крылова

Окрест и дальше

Мир пористый, непрочный, плотный всеу:
ступи - и рухнет, обопрись - и вдруг...
Мысль в пустоте описывает круг,
и тигра саблезубого рисует

сиротский грифель - надобно начать! -
на византийских пасмурных скрижалях.
Лазурь слезится, вспорота стрижами,
и стыд срывает пятую печать.

Вослед идущим раздаётся ругань.
Стоящий стоит ровно сколько вещь.
Созревший зреть - не размыкает вежд.
А я - сегодня если не умру я,

в «параграф» свившийся отжатый уж,
то ускользну - слоняться, надвигаться,
грядущий гад эпохи Навигаций,-
лассо радаров наострились уж.

Я растворюсь в келейной тишине,
о судьбах мира голову ломая.
Вот: сквозь меня сейчас идут трамваи,
позвякивая мелочью монет...

Неурядицы

Неурядицы, неурядицы,
всё не клеится и не ладится,
рассыпается ветхим платицем
жизнь в руках моих на куски.
Вроде с горочки - бух!- и катишься,
а взгляни вперёд - так спохватишься:
чем откупишься, как расплатишься
за ошибочки да грешки?

И еда сладка, и мягка кровать.
Век бы мёд пивать да забот не знать.
А судьба опять вдруг за ворот - хват! -
и кусает, тать, за бока:
мол, Мамай у врат, на дворе варяг,
поднимай булат или белый стяг,
но коль сам себе - и чума, и враг,
что же взять с тебя, дурака?

Голова звенит, да молчит карман.
Обменяй-ка щит на хмельной стакан:
водка зло горчит, а напьёшься пьян -
позабудешь, что жизнь - полынь.
Только хмель нейдет - скоро взбесишься,
а в стакане чёрт - не открестишься,
но откуда-то силы есть ещё
крикнуть бабе безносой: «Сгинь!»

* * *

Уже не веря сладостной надежде,
что там, за краем - новая земля,
а не провал безликого нуля,
небытия, я буду жить - как прежде,

но более рассудочно и зло,
без зауми, молений и истерик,
всё понимая про летейский берег,
и всё-таки считая: повезло.

Тебе престол любви моей, декабрь! -
с мучительными трезвыми ночами,
без перспектив, бездумных обещаний
и пылкой дури. Вековая гарь

свечей венчальных да не осквернит
пространства дней, условившихся длиться,
покуда отражать друг друга лица
не устают: наскучу - отвернись.

Дверь настежь распахни - в её проём
увидишь в колебании эфира
нелепое великолепье мира
и отблеск безнадежности на нём...

* * *

Кто поручится за то, что нынче вечер
нас не выживет из ветхого пространства
настоящего, ведь каждый - искалечен?
Но отчизне безразлична эта странность.

Там октябрь блудит по кабакам окраин,
со скупой своей судьбою не в согласье.
Там погодою от века правит Каин.
Погодите, и на вашей будет праздник

бурой улице, которая покуда
вождеет в нищете своей нечистой.
Пуритански пунктуальнейший Иуда
подгоняет полусонного таксиста.

И грядёт, грядёт отрада староверам:
им недавнее благословенным снится,-
и в подвалах занимающейся эры
полыхает пламя новых инквизиций.

Нумерованные папки чьих-то судеб -
вам известных? - пригодятся на растопку.
Грех посетовать на совестливых судей:
суть истории - расплывчатость итогов.

Кабы знать, какое слово остаётся
гаркнуть нечисти в морщинистые уши,
и какою стороною повернётся
криволапая российская избушка.

* * *

Потому что нет небытия,
есть дистанция, есть расстояние.
И прилежная память моя
осязается, как изваянье,

и объёмна: и запах, и цвет
сохраняет, и трепет ладони,
что в ладонь мне вложила букет
свежих ландышей в дремлющем доме.

Я как будто стою на мосту.
Подо мною река величаво
протекает из тьмы в темноту
(и в конце не таится ль начало?),

и из тьмы проплывают во тьму,
сталкиваясь, кружась, словно льдины
ледохода, эпохи к тому
рубежу, где они до единой

сгинут. Но превращенье в ничто
есть лишь исчезновение из поля
зренья, что неподвижным мостом,
горизонтом и плотской неволей

ограничено. В чёрной воде
отражается чёрная вечность,
мост, моя искажённая тень,
фонарей чуть початые свечи...

Пробуждение

Как мне нравится этот сюжет...

Сном окутан дворец.
Крепко спит славный царь Суддходана.
Сладко спит волоокая Яшодхара,
прижимая к груди новорожденного младенца.
Слуги спят,

спят танцовщицы и музыканты.
Спят боевые слоны,
и лошади спят в конюшнях.

Не спит только принц.
Он проснулся - навеки.
С глаз прозревших упала повязка
радужной майи -
убаюкивающей иллюзии.
Мир гол и прост,
и спящий дворец горит,
горит, как костёр погребальный.
Лишь один пробудившийся принц это видит
и идёт за водою спасенья.

Из дворца он уходит
и прочь устремляется в ночь
(стража спит, открываются сами ворота),
чтоб в глубокой ночи
почерпнуть трансцендентного света.

Во дворце был Сиддхартха,
но Будда покинул дворец.

Ты проснулся? Все спят, в сновиденьях блуждая.
Уходи из дворца.

Кошачья ода

Я обещаю вам, коты,
Аллаха пышные сады,
обильный христианский рай,
а также Острова Блаженных.
Сей мир - уродливый сарай,
и не сыскать мышей кошерных.

Я обещаю ласку вам,
нет, не такую, что дарила
Самсону с мезью пополам
змея коварная - Далила,
но ласку чистую: в тиши
так дождь ласкает камыши.

Вам обещаю нежность я:
с совою так нежна Афина,
так море, чувства не тая,
объемлет славного дельфина.
Объемлет от ушей вас Бог
благой до необутых ног.

Творю хвалу вам, как намаз.
Ведь мне и рай не рай - без вас.

Поэты

мы прохожие прихожане
храма снов на семи ветрах
неба дайверы китежане
свой маршрут мы зрим и впотьмах

каждый шаг наш длиннее жизни
а в глазах только синь да свет
воскресает на нашей тризне
яблонь срубленных майский цвет

мы не плачем и не смеёмся
мы хохочем и голосим
если мы уйдём то вернёмся
а в сердцах только свет да синь

кто мы в вечную жизнь гонимы
храмом слёз на семи ветрах
может вечные пилигримы
может с Божьих сандалий прах

Дмитрий Воденников**СТИХИ О СОБАКЕ**

когда сижу за работой
у компьютера,
а собака лежит на коленях —
иногда не глядя поднимаю ее под передние лапы, прижимаю к себе,
говорю ей: Дура ты, дура.
а сейчас, не отрывая глаз от экрана, — машинально снова поднял ее,
прижал,
говорю ей: Дура ты, дура, —
потом посмотрел:
а на уровне лица ее хвост и попа (видимо, лежала наоборот),
и ведь даже не пикнет.
Висит вниз головой.

вот так и нас бог поднимет
непонятно за что

Я называю свою течную суку — то мальчиком, то котенком,
наверное, ей неприятно, но это уже неважно:
ей будет одиннадцать лет, а мне будет — 48,
когда я останусь жить, а собака умрет (однажды).

Но пока ты еще жива и у тебя — первая в жизни течка,
я хожу за тобой с белой наволочкой — и везде, где успел, подстилаю.
А между прочим, собачья кровь —
сначала мелкая, будто сечка,
а потом — виноград раздавленный, темно-красная и густая.

... К слову сказать, этот ужас мужчины перед
женской регулой, слабостью — и всеми кровными их делами
очень забавно выглядит: я ношу ее, суку бедную,
словно подбитого лебедя, под Аустерлицем раненного ...
А она свесив голову, смотрит мне на ботинки,
лживая, глупая, черная и почему-то сама растерянная.
— Ну что, — говорю, — котенок? долго манипулировать
собираешься? пачкать мне джинсы уличные, пятнать мне стихотворение —
этой своей идиотской железной жертвенной кровью? —
Собака вздыхает тяжело и я уже — капитулировал.

Потому что я сам считаю
ее — своей последней любовью.
Ну а последняя любовь — она ведь всегда такая.
Однажды она спала (трех месяцев с чем-то от роду)
и вдруг завывала, затыкала, как будто бы догоняя
небесного сенбернара, огромного, будто облако.

А я подумал, что вот — рассыпется в пыль собачка,
но никогда не сможет мне рассказать, какая
была у них там, в небесах, — веселая быстрая скачка
и чего она так завывала, в небесах его догоняя.

Но всё, что человек бормочет, видит во снах, поёт —
всё он потом пересказывает — в словах, принятых к употреблению.
Так средневековой монахине являлся слепящий Тот
в средневековой рубашке, а не голенький, как растение.

Поэтому утром — сегодня — выпал твой первый снег,
и я сказал тебе: Мальчик, пойдем погуляем.
Но мальчику больно смотреть на весь этот белый свет.
И ты побежала за мной. Черная, как запятая.

— Вообще-то я зову ее Чуней, но по пачпорту она — Жозефина
(родители ее — Лайма Даксхунд и Тауро Браун из Зеленого Города),
поэтому я часто ей говорю: Жозефина Тауровна,
зачем ты нассала в прихожей, и как это всё называется?

... Если честно, все смерти, чужие болезни, проводы
меня уже сильно достали — я чувствую себя истощенным.
Поэтому я собираюсь жить с Жозефиной Тауровной, с Чуней Петровной
в зеленом заснеженном городе, медленном как снеготаянье.

А когда настоящая смерть, как ветер, за ней придет,
и на большую просушку возьмет — как маленькую игрушку:
глупое тельце её, прохладные длинные уши,
трусливое сердце и голый горячий живот —

тогда — я лягу спать (впервые не с тобой)
и вдруг приснится мне: пустынная дорога,
собачий лай и одинокий вой —
и хитрая большая морда бога,
как сенбернар, склонится надо мной.

СТИХИ О ЕЛКЕ

Проснуться в 147 лет, прочитать смс:
«здравствуй, мой обжигающий мальчик»,
изумиться, переспросить: — Почему обжигающий? —
получить очевидный ответ: «потому что ты меня обжигаешь»,
и даже не удивиться, что тебя называют на ты.

— Господи, сколько вас было,
и хоть бы одна собака
сделала отчисление в мой пенсионный фонд.

Этим летом мне все говорили: объявляй войну, собирай своё войско! —
ну вот я и собрал: три с половиной калеки.
... Но так уж случилось, что днем
мы с Чуней купили ёлку,
самую зимнюю елку, срубленную навеки.

Тут-то все стали ее наряжать: и Саша повесил шарик, и Сеня повесил шарик,
а я взял серебристый Урал (я думал, что это река) и тоже повесил,
как будто змею из стали, так — чтоб шары засияли,
и чтоб огоньки вокзалов засверкали на ветках этих.

— Вот это будет праздник! — я думал. Но чтоб по-хорошему,
то лучше бы — с вечным снегом, с сугробами над головой ...
И не беда, что я Чуне
намазал вонючей мазью
ее паршивые уши
и пахнет она — калошей
(да, именно: обыкновенной — советской старой калошей), —
Но эти четыре года — мы были втроем с тобой.

... Я просыпаюсь утром в постели, отяжелевший,
всё ужасно болит:
шея, спина, руки.
— Какого хрена, — спрашиваю, — мучать меня любовью,
когда мне надо о пенсии —
думать.
(Желательно персональной).
— До свиданья, — кричат на площадке друг на друга соседские дети.
До свиданья, — я отвечаю.

И действительно «до свиданья».

Потому что с утренней елкой, с самой лучшей елкой на свете
не бывает на самом деле ни прощания, ни разлуки.

Ну, а в сумерках (хоть я, конечно, знаю, что в сумерках спать нельзя)
я забираю с собой на кровать собаку
и тебя к себе забираю:
два тепла, шебуршащихся рядом,
шумно думающих тепла
(достаточно туповатых, надо сказать, тепла)
это слишком смешно для счастья — и я, вздрагивая, засыпаю.

... Посмотри, сколько разной чуши, ерунды золотой и нарядной,
висит на убитой елке: облепиха, Урал, Алтай,
и Россия висит на ветке, и синий шар Амстердама,
и дворник скребет лопатой, и яблоко — Индокитай.

Хорошо, что еще на свете
остается — так елок много
(да и если немного осталось): одиноких, двойных, тройных.
Как сказал Сашин тесть перед смертью: — Дайте ложечку Нового Года
(вот именно так и сказал «дайте ло-жеч-ку нового года»),
приложился к шипучей ложке, удостоверился — и затих.

По-моему, замечательно. — По-моему, всё — замечательно,
и то, что умрем — замечательно, и то, что живем — хорошо.
... на елке висит и качается ушастое ваше сиятельство,
щеньчье наше сиятельство, доказанное рождество.

СТИХИ ОБО ВСЕМ

Влюбленные смотрят друг другу в глаза, но не видят тебя,
а видят куски мешковины и куклу из тряпок.
— Посмотри на меня! — Я совсем не твоя судьба,
я товарищ тебе, твой любовник, цветок и собака.

...Кстати, о собаке. Когда я ложусь спать и выключаю свет,
она стоит внизу у кровати, там, в темноте,
и терпеливо ждет, когда я ей дам команду: — Иди сюда.
(Она очень воспитанная собака).
И вот я говорю: иди ко мне! — и она начинает прыгать, прыгать, как
оглашенная,
цепляясь передними лапами за кровать, вытягивая морду,

подрагивая невидимыми миру ушами,
карабкаясь и срываясь.

Она так отчаянно хочет выбраться ко мне из этого мрака,
так хочет забраться сюда, под защиту, в привычную жизнь, на подушку, в
родное тепло,
что мне вдруг начинает казаться, что это другой мрак
и другие прыжки...

Как будто я зову ее из тьмы, она прыгает, прыгает
и когда-нибудь не допрыгнет.

1.

Пасха. Буддийский божок сидит на порожке —
попой ко мне, мордой к балкону
(весь обласканный солнцем, с хвостиком посередке),
буркает на прохожих, заливается периодическим басом.
— Ну что, — говорю, — Барабашка, не веришь в нашего бога?
Обернулся божок, улыбается, не отвечает.

2.

А ведь раньше было не так: вот уж любили друг друга — так это любили,
ссали на место, бегали друг за другом,
я с мокрой тряпкой — за ней, а она — от меня и по кругу,
забивалась черным комком под трубу в туалете,
закрывала глаза, утыкалась мордочкой в угол,
и, как цуцик, дрожала и была так тлетворно — моя.
А бежать было некуда: был я один на свете,
круглый как бог и безжалостный как земля.

И так все это было по-пахански, по-лагерному, скучно, невыносимо,
что однажды она приползла ко мне утром (четырёхмесячная), после очередных
побоищ,
вскарабкалась мне на грудь,
легла и заснула,
и такая тоска воцарилась,
что я только смотрел брезгливо
на нежный ее звериный затылок,
на поникшие уши ее, на пахучий детский висок —
и вдруг так отчетливо понял: Я НЕ ЛЮБЛЮ ТЕБЯ
И УЖЕ НИКОГДА НЕ СМОГУ ПОЛЮБИТЬ — НЕ ПОЛУЧИТСЯ.

...а когда мы очнулись — уже наступила весна
и мы спали обнявшись, как две разноцветные гусеницы,
и сквозь наши горячие руки
бил любви равнодушный ток.

3.

Вот и мы... Как устанем мы оба, и ты скажешь мне «уходи»,
соберу я в солдатский мешок свои плюшевые игрушки,
миску, ложку, лоток, поводок, все собачьи справки свои,
и вползу попрощаться с тобой
и — усну на твоей груди...
Но уже на будущий год — я проснусь равнодушной кошкой.

4.

Потому что любовь прохладна. — И никакая она не твоя,
да и я никакой не бог, чтобы быть беспощадным и душным,
ведь горячей — бывает шкурка, твой живот и моя рука,
а любовь, что меж нами течёт, как изнанка цветка, — равнодушна.

5.

Даже страшно подумать, что я,
тут живущий который год,
ничего не знал про любовь (и так много уже не узнаю) —
а цветок открывает утром свой большой темно-розовый рот,
ну а там темно-синий огонь — непогашенный — полыхает

и не гаснет... За этот измятый на солнечном ветре огонь
ты отдашь постепенно — и тело, и ум, и ладонь,
с нарисованной в детстве чудесной и скушной судьбой,
но кому интересно, чего там сгорело с тобой.

7.

Вот и мне безразлично... Ни с женским душным пупком,
ни с мужским безобразьем, ни с пишущим человеком,
ни с собакой (ударить ее, а она — уже лижет, любя)...
— Я хочу быть солнцем косым и прохладным ветром,
и цветком — распускающимся без меня.

8.

Потому что не надо «достроить», а надо разрушить себя,
перейти мал-помалу в осознанный блеск и пробел —
растрепавшейся буквой на кончике языка,
чтобы то, что ты хочешь сказать, ни один повторить не хотел.

9.

Ты сегодня себе обещал: в этот год и на несколько лет
(сколько есть их) вперед, — улыбающийся и безоружный,
я смотрел и буду смотреть в равнодушный трепещущий свет,
ни круглей, ни румяней
которого нет — и не нужно.

10.

Но тогда — отчего мне так жаль — что во тьму, потоптавшись, пойдет,
недолюбленный мной,
этот шелест и трепет и пыл:
эта грубая женская жизнь, этот твердый мальчишеский рот,
и кулящий комок темноты, что я на руки брать не любил...

11.

— Оттого, мой хороший, и жаль,
что в конце бесконечного лета,
(а сейчас я с тобой говорю — у кровати — из тьмы и огня),
ты был круглым солнцем моим и моим беспощадным ветром,
и единственным страшным цветком, раскрывавшимся — для меня.

Алексей Порвин**ПЕТЕРГОФ**

Листвы петельчатые тени
обступили лицо – и молчат:
тленье встало над садами,
зубчатое как дальняя стена.

Не станем этими тенями,
отметём обесцвеченный хор;
нами что иное будет –
узор на здешней радужной волне?

(Вода умеет рыть подкопы,
выбираться из всякой беды:
тропы этого покоя
чисты от предосенней полумглы).

Кто через стену перелезет?
Растревожен, как ласточкин крик,
лепет – навсегда тенистый –
безлик в своём желании спастись.

СЕЛО

И неважно – кто с каких берегов:
с левого или же с правого;
пусть зачатки рождаются слов,
хватит молчанья кровавого.

Забывают об извечной вражде –
взмахи рассветные, бледные;
в ледяной начинают воде
всплески купать междоветные.

А тебе что делать в этой заре?
Слишком смятение – людное.
О другом помышляешь нутре,
здешнее – вечно нескладное.

Оттоптали в звуковой толчее
фразу, а тут еще – бойкая
толкотня отражений в ручье:
плещутся, айкая, ойкая.

***

Ближе к ночи от сердца
отлёт раскалённый простор;
над кустами зачем неотчётливый
белокрылый летит мотылёк?

Что полёт есть конечность
(ушиблена прожитым днём)
ты не знай, если это не вызнали —
времена невозвратной души.

Вместо взмахов полётных —
увидели травму во всём,
обещав навсегда исцеление ,
а не бледно-безвременный вид.

Внятным марлевым мраком
прудов под пожухлой листвой —
обмотают порхание, вспухшее
от ударов о ветер садов.

***

С неба взятый кусочек,
последний произносимый свет —
перешёл в родное состоянье
бесед при дожде обложном.

Радость облачной жизни
растаяла если без следа —
новый диалог зачем химичить,
когда весь простор замолчал?

Скрип в стволы утрамбован,
а прежде — из облака столчён;
рецептура вечера лесного
о чём человеку твердит?

С неба взятый кусочек,
последний произносимый звук —
станет соответствовать природе:
вокруг — затихающий день.

ВИД ИЗ ОКНА

Дорогой бетонной вдоль залива,
отсутствием мотива
ходит вечер, вминая в дни —
печаль, отпечатки всякой ступни.

(Так много частей у жизни нашей,
что звук затихнет ражий,
станет птичьим, не видным нам
присутствием, данным названным дням).

Что свет не бывает трёхсоставным —
не знали наши ставни
или помнить едва могли,
творящийся запад в каждой щели?

Закату из свежего бетона,
из полумглы придонной,
из молчанья щебетуна —
не имя, а вновь отсрочка — дана.

***

Мороз прозревает, пророча:
стихший радиосмех,
приёмник, грустящий под замочком
тишины в согретом закутке...

Кто в дружбе сгорает до *ночи* —
может молвить за всех,
а звёзды пылают в одиночку,
от себе подобных — вдалеке.

Тобой, в полусумрак входящим,
вечер выбрал побыть;
смертельно поленья побратались,
световым объятьем становясь.

О чём? О морозе глядящем
хочет свет — говорить:
другие слова отбормотались,
утомив навек радиосвязь.

Александр Попов

Из книги «Нью-Йоркский марафон»

3-й километр

Облака из губ труб...

Нобеля у нас обидели Пастернаком, унизили Горбачевым. Некрасивая премия.

Проблемы футбола решаются постепенным потемнением кожного покрова.

Шуты сами шумят, за клоунов шумит публика.

Итог губ – улыбка, а в ней зубы, а за ними язык. Вот такой компот.

Россия из понедельников.

Спины самолетов в веснушках от звезд.

На первое – пот, на второе – мозоли, на третье – коктейль из смеха и слез.

Брутто – в брюках, Нетто – в шортах.

Начинка – начало пирога. Человек себя не с того конца измеряет.

От себя за углом не спрятаться – узнают по колпаку.

Я, когда летел к Земле, интересовался: “А женщины на ней есть?”. Сказали: “Есть!”. Не обманули.

5-й километр

Роскошь – быть собой. Все остальное – притворство.

Год рождения – Гамбург. Место рождения – Апеллесова черта.

Знания – продукт просроченный. Извиняются за них звонками в школах.

Думаю, когда не дышу; если дышу, жить хочется.

Господь не из слов. Он из поступков.

Поэта из меня не получилось; попросился в ветра, не взяли из-за отсутствия прав на свободу.

Когда понял, что и математика из меня не выйдет, нанялся радиусом у радуги работать.

Может, ущербность от здорового образа жизни?

Мой цвет кожи – от пощечин, у других от загара или от расовой принадлежности.

По утрам вытягиваю руку к счастью в ожидании другой. Одной его не удержать.

- Вы с чем предпочитаете кофе?
- С африканкой.
- А если ее нет?
- Тогда со сливками.

У аргументов – фрукты, у аргонавтов – факты.

В банях люди ближе.

8-й километр

В день выборов упраздняют деньги в общественном транспорте и в туалетах.

Посуда, на любой полке посуда. У людей не так. Чуть повыше поставил, и Земля на одного человека худеет.

Второй век народ бежит, а жилья всё одно не хватает. Интересно, когда других насытим собой, куда они побегут?

- А человек чем пахнет?
- Светом.

Чай в пакетах победил чифир. Давайте наладим выпуск водки в одноразовых пакетиках. Тарная экономия – раз, карман не тянет - два, про три молчу.

Наша экономика основана на переименовании городов, улиц, людей, взглядов...

Самое страшное биологическое оружие – власть.

Если на один из необитаемых островов свезти политиков, а на другой уголовников, на каком ангел родится?

Секунды прошлого простят нынешних?

Политика Запада двухцветна – это убожество. Россия – одноцветна, а это позорище.

Россия – посредник между Западом и Востоком. Посредственность – ее удел?

Птиц по осени на Юг тянет, меня – на Запад. Шаги в ту сторону продлевают осень.

Всем когда-то доктор поставил диагноз “жить!”. Доктора нет, а диагноз? Где диагноз?

Русский царь всё пировал, народ бедствовал, до края докатился. А царю всё нипочем, нагрузил людей непомерным. Море чёрное выпить, расстояние до неба определить да отгадать, о чем в царской голове думается. Закручинился народ русский, в смурь впал. Решил из последней пряжи веревку вить, зыркнул на небо из остатних сил, а там облако Конфуция ухмыляется.

- Эй, русский, давай вместо тебя к царю схожу.

- Сделай милость, мне его в тягость видеть.

Переделось облако в смурь русскую и к царю отправилось.

- Ну что, народ, готов море черное выпить?

- Готов, царь-батюшка.

- Ладно, а каково расстояние от земли до неба?

- Возьми пряжу и измерь, ровнёхонько будет.

Дивится царь уму-разуму народному да на последний вопрос надеется.

- Ну, а скажи, о чем я думаю?

- Ты думаешь, перед тобой твой народ стоит, и ошибаешься. Конфуций я, ты понял, Кон-фу-ций!

12-й километр

Коллекционирую обладателей счастливых билетов. Городу требуются счастливые лица.

При нашей географии не хватает мест в истории.

Отбыл в отпуск, и город затрясло. Мне намекали, что балласт, но кто мог подумать, что до такой степени.

Есть у моего ресторана и золотые, и платиновые карточки. Не ценят. Придут, выпьют на проценты, слегка закусят, и поминай как звали.

Мой метод здорового образа жизни в чем заключается?

Во-первых, рекомендую употреблять в пищу сырые продукты. Там витамины, да и для энергоресурсов страны полезно. Во-вторых, бегом под горячий душ – доводить пищу до кондиции.

Что до медицины, она у нас народная. Что до образования, лучше от него отказаться. Знание – наипервейшая зараза. Культура на лицах нарисована. С политикой проще, – одни стирают, другие полощут.

Мы небесную манну перерабатываем в минные поля.

Сальвадор Дали по волосяному покрову коммунистических лидеров от Маркса до Хрущева первым понял, что идея опростоволосилась.

У нас и пост, и чин, и сан лиц не имеют. Звания дают по заду. Перед для другого.

В общепите всё очеловечено. Ложка – ладонь, вилка – пальцы, чашка – попа, чайник – соловей-разбойник. Посудомойки почище банщиц.

Голодный человек не икнёт, не чихнёт, не покашливает. А с чиха культура начало берет. Икота мозги на место ставит. Кашель для профилактики хорош – мух отпугивает.

- Печаль, это что?

- Почта такая.

- Печаль, это что?

- Почерк души.

Когда в одной руке ночь, а в другой день? Когда?

Пыль – сухой плач. По пыли корабли не ходят. Их на ней рисуют указательным пальцем левой руки. В гаванях пыли свет отдыхает.

Мы не спали, мы думали о пыли. У нас першило в горле от пройденных дорог.

17-й километр

Есть такой светлячок внутри, он не растёт, а убывать умеет. Его бы беречь, а как беречь, если жить мешает. Зовут того светлячка Совесть.

- Скажи, Адам, кто был до нас?
- Боль и удовольствие.
- Они любили друг друга?
- Да.
- Откуда ты знаешь?
- Мы тому доказательство.

У природы один неверный шаг, и тот человек.

До Ньютона человеку уютнее было, он законами сильно ограничил. Хуже Ньютона Станиславский со своим “Не верю!”.

Тень утонула. Все всполошились. Кто-то догадался погасить свет. И всё встало на места.

Я в отпуске – раз. Не в своей стране – два. У меня есть время подумать о нюансах. Сегодня – это выемка над верхней губой. Как только человек рождается, к нему прилетает ангел, дотронуться до этого места указательным пальцем. Оставив след, ангел улетает, а только что пришедший на Землю забывает всё, что было с ним прежде. Кому пришло в голову прикрывать место ангела полоской усов?

- Почему голова женского рода?
- Ей во время дождя юбка требуется.

В давние времена в первую брачную ночь даже звезды занавешивали.

Когда ветер и солнце заигрывают с её юбкой, с её волосами... я понимаю: вот он, флаг государства, в котором хочется жить.

- Что такое патриотизм?
- Твердо стоять на Земле, когда все голосуют за небо.

Есть на свете тюрьмы, где не только исправляют, но и выводят в большие люди. Штат Техас, г. Остин. Осужденный за растрату Уильям Сидни Портер через три года отсидки вышел известным писателем О. Генри.

Ищу следы Атлантиды. А она в зеркалах. Ее за разум наказали.

18-й километр

Затосковал. Взглянул глазком на Родину, а там в один из домов после годичной отлучки кошка вернулась.

Родина у меня из губ бабушки: “Вставай внучок, я тебе солнышко испекла”.

Родина у меня из рук мамы: “Иди сюда, сынок, малина покраснела, нас заждалась”.

Родина у меня!

Давным-давно обычай был: на месте счастья ставить крестик белый. Нынче крестики стали снежинками.

Ветрено. Улицы переполнены людьми с полиэтиленовыми мешками. Они наполняют их ветром и несут в квартиры. Запасаются на долгое лето. Откроешь, осенью пахнёт...

Союз не союз, а есть у нас такая маленькая компания влюблённых по уши в дело. Каждый пишет книгу рецептов своей кухни. Мир не перевернём, но вкуса к жизни добавим.

В прежние времена переживали по-стайерски, нынче спринт в моде.

- Земля круглая?
- Нет.
- Почему?
- Круглое не делят.

Она бунт. Она мятеж. Она побег. Настоящая красота незаконна.

Я был на Земле давным-давно, еще до людей. Как в первый, так и во второй раз оказывался на ней случайно. Удивлён, как всё очеловечили. Деревья не те, травы в другую сторону глядят, реки приуныли, обезьяны поглупели. Зачем воду довели до посинения? Из дорог задумчивость исчезла, люди полысели.

Очеловечиваюсь, черт возьми! Цветы рву, к женщинам пристаю, в буквах копаюсь. Скрипкам, виолончелям завидую, в разговоры пустые вступаю. Печалюсь по-человечьи, собаку с рук купил. Эх, люди, зачем вы так со мной?

Во докатился! В друзья набиваюсь. Всё, сворачиваюсь в слезу, и начинаю сохнуть. Дуйте, пока не передумал.

Пыльца пауков – пыль, а мёд их – сети.

39-й километр

- От гениев и героев Россию избавили.
- Сколько времени ушло?
- Век потребовался.
- А вдруг где выскочат?
- Не на чем выскакивать.

Время остановилось. Оно на секунды каждые сутки останавливается, всматриваясь в себя. Всё, слава Богу, пошло, вспять не повернуло.

Самолеты – глаза над домами слов, над улицами в снегу. Левый – взлет, правый – посадка.

Птицы нам пишут и пишут о небе в надежде, что когда-нибудь научимся читать.

Сто лет спустя анафему с Толстого не сняли. Спрос на посредственность вырос.

Как заявил недавно известный офтальмолог, у поэтов на всём розовые очки, не только на глазах. Если сможем понять, как их устанавливать на частях тела не-поэтов, жизнь изменится к лучшему.

И зачем бежать? Стоя проще не думать.

В 53-м к Пастернаку в Переделкино пришёл учитель, только что выпущенный из лагеря. Он пришёл просто посмотреть на Пастернака. Пастернак отдал ему своё пальто. Таривердиеву, который замерзал, бегая из общежития в консерваторию, Пастернак подарил пальто с условием, что тот в свою очередь тоже кому-то поможет своим пальто. Сколько еще пальто Пастернака до сих пор гуляет по России?

- Всё – небо.
- А земля?
- И она – небо.

Рабство вросло в Россию. Сколько земли нужно перепахать, сколько семян в нее бросить, сколько урожаев собрать, чтобы оно ушло от нас?

Ни спин, ни затылков не обогнать, на лица не обернуться.

Книга – круг, радиус – страница.

Не единожды наступать на грабли, не единожды награбленное делить, будь то вера, строй социальный и даже собственный народ.

- А почему правду никак найти не могут?
- Женщина она.

Дальтонизм мысли – болезнь власти.

Одни из самых дорогих квартир в Париже те, окна которых выходят на памятник самому большому “большому пальцу” в мире. Его высота составляет двадцать метров. Счастливчики утверждают: стоит с утра помахать ему из форточки рукой, на весь день везение обеспечено.

42-й километр

Понедельник – это маленький подвиг.

Налево – осень. Направо – весна. Прямо – в зиму упрешься, лето в затылок дышит. Куда податься?

Человек себя раньше слышал или углядел? Что первично: зеркало или эхо?

Набираюсь невесомости...

Поэт не рифмы и не ритм. Поэт – сохранение индивидуальности, данной Богом.

Первыми заговорили поэты:

- Кто там шагает правой?
- Мы – это повара, и наше дело правое.

Из дискретного текста – печенье, из непрерывного – колбаса.

- А куда красота уходит?
- В ноги.
- Кому?
- Женщинам, лошадям и деревьям.

Ночь у всех одна. И день один. А закат с восходом у каждого свой. Не о человеке это – об окнах его.

- Кто самый лучший повар на свете?
- Любовь.
- Почему она?
- То, что может любовь, никому не по силам.

- И какие блюда у любви?
- Мед уст и соль слёз.

- Из живущих от кого пользы больше?
- От Аистов с Капустой.

- А не думать, это как?
- Гороху много потребуется.
- Горох-то зачем?
- А чтобы любовью огорошило.

Сон – свидание без свидетелей.

Инопланетян искать не надо. Инопланетяне – мы! Уши занавешены сотовыми, глаза – розовыми, уста – жвачками, носы время от времени в мокрые тряпочки суём. В домах, машинах под кондиционеры дышим, воду фильтруем, пищу химичим. Отгораживаемся от Земли всеми способами. Гробим, как не свою, изощряясь на все лады. Успокаивает одно: инопланетян искать не надо. Инопланетяне – это мы!

У политиков результат нулевой – нимб.

Еще мысль, и финиш! Улыбнуться или отказаться от неё?

Мысль – единственное место, где человек свободен.

- А улыбка какого цвета?
- Белого.
- А алого?

Елена Карева

***

Реальность – это то, где ты живёшь.
Сейчас это не осень и не дождь,
вообще, не время года и погода:
глухой тупик совсем иного рода.

И если ты вдруг выглянешь в окно
из пены дней, тебе уже чудно,
что эта полумёртвая листва
сплетает золотые кружева.

И ты анализируешь свой слог
и стиль на соответствие, и строг
анализ; он, конечно, сух –
как стиль и слог. И только дождь вокруг.

***

Чёрные листья заляпали свет фонаря,
в чёрные лужи пролито фонарное масло.
Многое в жизни короткой случается зря.
Всё остальное в сей жизни темно и неясно.

***

Я лишь несовершенство вижу.
И отблеск красоты на нём
воображенье будит. Спи же!
А красота – гори огнём!

...горит огнём, горит покорно,
горит усилием тщеты.
А жизнь – лишь огненное сторно
воображенья. Красоты.

***

Взошла вечерняя звезда,
наверное, за этой дымкой,
наброшенной на города;
и ходит в небе невидимкой.

Выглядывая из окна,
ты тщетно напрягаешь зрение:
фонарь мерцает, как луна;
и красноватое свечение

небес... И хватит до утра
с тебя жемчужно-красной гаммы...
Блуждают снежные ветра.
Гудят бессонные программы.

***

Возбуждающе действуют полутона
угасающей осени, словно она
интонирует фразы оттенком листвы -
я прекрасно её понимаю, а вы? -
перед тем, как уйти в нескончаемый сон,
где в тумане течёт разноцветный неон.

***

Осень волнуется раз,
осень волнуется два,
осень, хватит уже...
Но замереть не спешит.

Е.Ш.

Листопадск-над-разливами вод -
там, где Эшера рыба живёт,
чей оттенок бутылочный чист,
и куда упадёт красный лист,
и помедлит мгновенье одно
перед тем, как спуститься на дно...

Памяти Анастасии Харитоновой

А ты была уже далече,
и звук невнятной праздной речи
из мира дольней суеты
где тихо плачут в храме свечи,
не достигал туда, где ты.

Туда, где вечные глаголы.
А в старых храмах стены голы,
там много места для икон,
и ветхие метут подолы
полы, и дует из окон.

А я, плененная земными,
едва знакомая с иными,
молилась о тебе живой.
А ты брела своей дорогой,
ослепшая от скорби многой,
шепча: пусти меня домой...

***

В стеклянной вазочке конфеты.
День памяти. О, детство! Где ты...
Как голубые камни моря,
тебя сокрыли волны горя —
смешно, однако: навсегда.

Как корабли, плывут года:
огни и пьяный смех, музыка.
Её не слышит Эвридика
в Аиде. И в тумане синем
мы тоже этот мир покинем.

Орфей и Эвридика

Змея, и это значит: Эвридика
погублена коварством. Разве нет?
И лики тьмы, поскольку меркнет свет,
и нет уже возлюбленного лика.
Боюсь, он был беспечен, наш поэт.

И как не быть беспечному – поэту,
любимцу снисходительных богов?
И быстрый звук возлюбленных шагов –
навстречу, в радость, в такт,
- всегда по эту,
по мыслимую сторону веков.

Немыслимое ожидает часа
post factum, lucem, scriptum, - на другой.
И он, поупражнявшись над рекой,
и убедившись в скорбной силе гласа,
тревожит тщетно призрак дорогой.

Лишь страх и неуверенность к надежде
теперь сопровождают; в мир иной
уводит путь любви – такой земной,
такой горячей и живой, как прежде.
Орфей услышал: лучше ты – за мной.

***

Корабль, осыпанный огнями,
в тумане белом – Амаркорд –
дрейфуя медленно за нами,
заходит в полуночный порт.

Как белый лайнер – на посадку:
в прошедшее ночной полёт;
и я пишу, раскрыв тетрадку,
что время холодно, как лёд,

что в сумраке цветном застыли
у края взлётной полосы
не то колёса прялки; или -
Фортуны лёгкие весы?

***

Всё это рифмы времени, взгляни:
оно рифмует, или белый стих
нам преподносит, в стиле *deja vu*;
слова на музыку, живущую внутри
у вечности, не достигая сих
пределов: кто-то жил, и я живу.

***

Слова настоящие сердцем идут,
и сводят на нет изнурительный труд
огранки, шлифовки, вкрапления слов...
Всяк труд уважаем. А жребий – суров.

***

И ангел смахнул крылом –
как снег с лобового стекла, -
печаль с моего чела,
и даль открылась, светла,
искрясь, как серебряный лом.

***

Примерно то же самое, что и
свет радужный, струящийся во тьме:
так чувство, отражённое во мне,
струясь, рождает образы твои,

абсурднее один другого, да,
к тебе не относящиеся, нет:
сам по себе в воде струится свет,
сама себе торопится вода.

Примерно то же самое, как тать;
за образом – душа – в нелёгкий путь...
Я обещаю после всё вернуть:
всё то, что может повернуться вспять.

***

Я выходила на балкон:
тринадцать лет - почти Джульетта;
а свет струился из окон,
и умножал мерцанье лета,

плескавшего у ног волной
пыльцы и серебристой пыли.
И проплывали подо мной
вечерние автомобили.

Так больше звёзды не цвели,
и тополя не шелестели,
и так далёко от земли
я не бывала в этом теле.

***

Жара. Набираю холодную ванну.
рисую серебряным белый пион.
И слушаю, как ни печально, Нирвану,
печаль умножая, и всё, как ни странно, -
одно к одному, и похоже на сон.

***

Мне кажется порою, что Нерон
держал в руках бы гибсон или фендер,
стекающий с которого неон,
пятная, приукрашивает гендер,
и, проводя рукой по волосам,
смотрел, как Рим себя сжигает сам.

Billie Holiday

Лилии в волосах.
В чёрных озёрах лилии.
Звёзды в чёрных глазах.
Звёзды в глазах у Billie.
Звёзды и лилии в плену сетей
голоса Billie Holiday.

Русалочка

- А под водою трава, -
ни жива, ни мертва,
слушала эти слова,
и представляла, но было мало.

- И проплывала Офелия,
словно лилия белая, -
белая, словно лилия,
неумелая...
Офелия? Или я?

Жить не захотела,
и оставила тело,
всё остальное слова.
Ни мертва, ни жива.

А под водою трава.

Всего лишь слова...

***

Представь, что, если бросить камень в пруд,
то лилии качнутся; блики света
на масляной поверхности блеснут,
когда пойдут круги на глади лета.

Теперь представь, что зримый образ твой –
вопрос, и что незримый ждёт ответа;
что луч играет тёмною листвою,
когда он с неба падает... - что это?

***

Мой друг, я ощутила грусть,
своё увидев отраженье
в чужих глазах печальных, пусть
им внове это выраженье;

услышав тихие слова:
да ничего, и в этом дело! –
произнесённые едва;
скорей, сорвавшиеся. Тело

лелеет долго свой каприз,
и выдаёт так неуклюже...
...сорвав аплодисменты: ну же!
Давай, ещё давай, на бис!

***

Сижу под ёлкой, и смотрю в окно
на дождь из золотых огней на ёлке,

перебирая в памяти осколки.
Вот время пролетело; и оно
догонит. Так заведено.

***

Смеялась. Перед зеркалом кружилась.
Нарциссы заплетала в волосах.
И нравилось всем это отражение –
с небытием – как думала, - сражение –
и пасть мне предстоит. Какая жалость!
Но как прекрасно, как прекрасно, ах.
И в теле упоительная слабость.
Потом вдруг впало зеркало в немилость,
и в сумерках исчезло всё, и вот:
она пропала. Зеркало разбилось.
И только отражение осталось.
В туманном серебре живёт.

***

...и очень хочется мимозы,
пыльцу роняющей в снега.
Её в далёкие морозы
везут, как рыжие меха,
в огромных старых чемоданах,
и отпускают на развес
в холодных, полутёмных странах.
Февральско-мартовский экспресс
задерживают снегопады,
пьяны путейцы, и глухи
к мольбам. А людям к морю надо,
писать февральские стихи.

***

N.B.

Гуляя в дантовом лесу –
имея дантову свободу, -
и глядя в прошлое, как в воду,
ты прозреваешь бирюзу

небес... гуляя не спеша,
ты говоришь душе-Елене:
какой оттенок, *nota bene*, -
она не слушает, душа.

РАЗГОВОР С ПОЭТОМ

Михаил Лёзин

Михаила Лёзина я знаю уже больше 15 лет. Раннее знакомство с его творчеством на концерте поэтической группы «Олимпийские игры» состоялось году в 1996 или в 1997. После 2 - 3 лет общения возникла пауза, растянувшаяся более чем на 10 лет. И вот летом 2011 года творческое и человеческое общение возобновилось. Зимой 2012 года совместно с группой «ДЯ» мы записали альбом «Снег», который неплохо скачивался в Интернете. Специально для нашего издания Михаил согласился дать интервью. Вот оно.

Сергей Сумин

- Здравствуй, Михаил, мой первый вопрос: во втором номере альманаха «Графит» рядом с несколькими стихотворениями приведена довольно обширная биографическая справка. Там указано, что ты и рисуешь, и занимаешься музыкой, и пишешь стихи. Что из этого для тебя самое важное? Как бы ты сам себя определил?

- Привет, Сергей. Ты знаешь, если составить список, то это будет так: сначала я художник, затем – музыкант, потом все остальное – поэзия, фотография, самиздат и всё прочее...

- Ну а были какие-то кумиры у тебя, личности, которые на тебя оказали влияние?

- Конечно... Когда мне было лет 14, я узнал о двух художниках – о Казимире Малевиче и Анатолии Звереве. Во мне как-то органично уживались хаос, экспрессия Зверева и упорядоченность, четкость Малевича. Я, будучи школьником, прочёл, по-моему, в «Известиях» статью о Звереве, и в каком-то журнале статью о Малевиче, и это сильно перевернуло мою жизнь.

- Михаил, мы начинали что-то делать в литературе в начале 90-х годов уже прошедшего века. Давай попробуем сейчас восстановить по памяти этот период ... Что это было в целом для страны, мира, нашего города?

- Насколько я понимаю, это был сдвиг тектонических плит, менялась эпоха, разрушалась страна наша - СССР, открылись шлюзы, и все стали узнавать имена забытых, запрещённых поэтов, художников... Тогда всё происходящее лично меня очень вдохновляло. Взросление пришлось именно на эти времена... Я был тогда подростком, и моё восприятие было чистым, незамутнённым. Да,

плиты сдвигались, сознание людей менялось, и это всё витало в воздухе, проявлялось в искусстве...

- Ну, а что в начале 90-х творилось в Тольятти?

- Про Тольятти разговор особый – город возник из ниоткуда, ему, по сути, лет 50 всего, Ставрополь был небольшой городишко. Как полноценный город Тольятти до сих пор ещё не сформировался. В этом есть и плюсы, и минусы. Здесь всё еще бурлят потоки, происходит этакое броуновское движение. Ведь мало построить дома в степи, поселить огромное количество народа. Должно пройти время.

Тогда было много литературных объединений, вазовцы собирались, союз писателей. Вспоминается ещё такой необыкновенный человек - Евгений Калашников. У него была театральная студия. Он, кстати, учил меня играть на семиструнной гитаре. Олег Березин в те же времена организовал свой союз художников «Солярис».

Но мне кажется, что всё это поэтическо-художественно-музыкальное движение в начале 90-х было спонтанным, эпизодическим. Не было же тогда никаких культурных традиций у города! Ты знаешь, возможно, мы были первым поколением здесь, которое сознательно начало заниматься искусством, поэзией, музыкой.

- Да, Михаил, я думаю так же, а что это за люди были, чем занимались? Назови некоторые фамилии, имена поэтов, музыкантов... Возможно, молодые люди Тольятти даже не слышали о них...

- Да много чего было. Во-первых, в конце 80-х годов здесь гремело имя Лады Дождь. Она публиковала подборки своих стихов и рисунков в газетах города. Именно она познакомила меня со всей этой тусовкой – вокруг Дюши Глебовича. А я активно тогда искал людей, круг общения. Шёл 90-й год. Мой двоюродный брат Саша играл в Киеве в группе «Коллежский ассессор». Я тогда съездил к нему в гости в Киев и когда вернулся, то был переполнен всем этим – выставки, концерты, литературные вечера. Я тогда в школе ещё учился ...

Лада Дождь мне сказала – то, чем ты занимаешься - авангард, тебе надо с Дюшей (поэтом Айвенго) познакомиться.

- Ну, а если двигаться дальше – от 80-х к 90-м... Кто ещё?

- Дюша Глебович был центром притяжения для многих поэтов, в его квартире собиралось много интересных людей. Поэты, художники, музыканты. Например, Алексей Кондратьев, Владимир Краснощёков, Максим Котомцев, Дмитрий Путченков.

Ещё одна запоминающаяся встреча случилась с Юрой Клавдиевым, с которым мы познакомились в 1990 году на призывной комиссии в военкомате.

- А группа «Олимпийские Игры»? Что объединило столь разных поэтов в одно целое? Ведь, насколько я помню, в свое время там человек десять числилось. Была ли какая-то общая концепция, выпускался ли какой-то манифест этой группы?

- Общей стилистики, я думаю, всё-таки не было. Мы не были такими как футуристы или дадаисты. Просто объединились поэты, придумали название. Насколько я помню, народу в этой группе было немало, даже всех не упомнишь. Дюша Глебович каждому, кто приходил к нему в гости, говорил – давай, пиши стихи! И многие действительно начинали писать.

В «Олимпийские Игры» входили - мой двоюродный брат Сергей Гридин (псевдоним - Янкель), Андрей Князев, Владимир Лазарев (Ладо Мирания), Алексей Кондратьев и многие другие. Дюша пытался этому придать какой-то статус, он серьёзно к этому относился. Мы издавал собственный альманах, а также активно выступали, и не только в Тольятти, но и в Самаре (поэт Георгий Квантришвили нам устраивал концерты) читали много раз. Это были где-то 1993 - 1996 годы. Ещё было легендарное выступление «Олимпийских Игр» в 1997 году на фестивале верлибра в Москве. Человек пять туда поехало.

- Насколько я помню, «Олимпийские игры» занимались поэзией иронической, игровой. Что за этим скрывалось? Теоретически вы были постмодернистами?

- Да, Дюшу всегда интересовала смеховая культура, скоморошество некое. У него всегда было много иронии в стихах, мне же всегда ближе была заумная поэзия, поэзия абсурда.

Но мы не могли быть постмодернистами, поскольку не прошли путь модернизма. Всё делалось интуитивно.

- А было ли что-то общее у этих поэтов? Почему они так долго вместе работали?

- Нет, не думаю, что там было что-то общее в стилистике. Все поэты были разные, общей была просто литературная тусовка. Просто всегда ведь интересно, когда не просто единичные поэты есть в городе, а целая группа. Только потом пришло название, совместные выступления... Объединяла, я думаю, всех просто творческая задача. Все хотели писать, выступать!

- Да, интересно, а вот именно тогда ты литературно-художественный альманах «ДЯ» издавал?

- Да, было такое. Если в живописи у меня кумиры - это Малевич и Зверев, то в поэзии – Алексей Кручёных. Он еще 100 лет назад издавал интереснейшие книги, сам их иллюстрировал. И я тоже самиздат делал. Линогравюры, визуальная поэзия, ксерокопированные книги. Альманах формата А5, А4 иногда. Ходил по Тольятти, собирал визуальный мусор и делал такие коллажи, книги, сначала уникалы, а потом - на ксероксе. В арт-альманахе «ДЯ» я печатал стихи своих друзей, раскрашивал, распространял, и таких где-то восемь выпусков я сделал.

- Что еще происходило в Тольятти тогда? Чем ты сам занимался в музыке? Можно как-то терминологически определить, какую музыку ты делаешь?

- Я лично никакой стилистики в музыке не придерживался. Мы играли психоделию, импровизационную и шумовую музыку. Записывали альбомы, играли концерты. За последние 20 лет я поучаствовал во множестве разных проектов, некоторые из них – «Учитель Ботаники», «Гребля на Байдарках и Каное», «Чингиль», «Похоть», группа «Дя», ещё был проект середины 90-х годов «С Божьей Помощью», который просуществовал 2 года, а недавно возродился вновь.

- Если попытаться сравнить – когда музыка интереснее была в Тольятти - тогда или сейчас? Что лично тебе интересно.

- Я не слишком хорошо знаю, что происходит в тольяттинской музыке сейчас. У нас теперь много таких групп, которые стремятся звучать модно, современному. Это мне не слишком интересно. В 90-е всё было по-другому. Не было такого изобилия аудио-аппаратуры, инструментов. Играли на чём придётся, в основном, советские ещё гитары, клавиши, барабаны. Часто что-то сами мастерили. Было другое отношение к музыке.

Музыка была более корявой что ли, любительской, самодельной. Но главное в другом – как ты сам относишься к тому, что делаешь. Например, в Комсомольском районе была группа «Дарага». В Новом городе были «Космоспорт», «Поппер», «Физик Рунге», конечно, «Гной» - панки наши самые первые. И мало кто из них заботился о фиксации, это как раз примеры того, что люди не относились серьёзно к тому, что делали. И, по сути, записей этих групп почти не осталось. А вот мы играли, может, и не столь качественно, но всегда понимали ценность мифологии, дискографии. Мы рисовали сами обложки, придумывали названия альбомов, даже тираж небольшой был. Все дело в отношении музыканта к самому себе. Самый важный проект для

Тольятти, я считаю, группа «Хуго-Уго», лидер - Максим Котомцев. Макс всегда пытался сохранить свои записи, музыку – это и осталось, разошлось по стране.

- Следующий мой вопрос касается совсем свежего твоего проекта с известным тольяттинским драматургом Юрием Клавдиевым. Расскажи о нём немного...

- Наш коллектив называется «Клад Яда». Я уже говорил, что знаю Юру с 90-го года, идеи что-то поиграть были, но долго не могли воплотить их в жизнь. Потом Юра стал драматургом, у меня свои проекты были. В 2011-м году мы все-таки нашли в пространстве, и за полтора года мы записали уже 10 альбомов. Съездили в прошлом году на фестиваль «Белые Ночи Перми». Надеюсь, что мы будем развиваться, мне очень нравится наше сотрудничество.

- Творчество как состояние, что это всё-таки в большей степени – самосозидание или все же саморазрушение. Примеры трагические и печальные многочисленны: Ван Гог, Ницше, Баския, Цветаева. Что ты об этом думаешь?

- Я думаю, есть очень разные пути. У каждого по-своему, но надо помнить, что художник - человек без кожи. И художнику тяжело и больно жить. И тут на помощь приходят все виды наркотиков, алкоголь, это некий способ сделать жизнь сносной. Возможно, художники и не хотели бы убивать себя, но мир несовершенен, часто жесток. С другой стороны - если бы художников поселили на необитаемом острове, дали бы им еды, воды, обеспечили их всем, сделали им рай, то они и писать бы не стали.

- Продолжая тему современной цивилизации... Тип творца, который породил Ренессанс, титанический, активный, вообще возможен ли сегодня, в эпоху постмодерна, раздробленности, потери ценностей, ориентиров?

- Постмодернизм уже умер. Я вот лично ощущаю, что уходит эта эпоха. Заметно по всему, что маятник качнулся в другую сторону. В какую? Скорее в сторону большей искренности.

Сегодня из-за технических средств и огромных возможностей самое плодотворное происходит на стыке жанров и видов искусств. В отличие от тех времен, про которые ты говорил, сейчас мы слишком сытно живем. Мы живём в стрессе, но материально лучше. Из-за этого очень многие люди пытаются реализоваться в искусстве. А раньше люди просто выживали. Художники в средние века обслуживали власть придерживающих, они все состояли на службе у кого-то, писали на заказ. А теперь каждый может, например, попытаться альбом записать или книжку выпустить. Это просто период.

Сегодня сложились такие условия, а говорить, хороши эти условия или нет – я не берусь.

- Спасибо за интервью, Михаил, было очень интересно. Вообще, что собираешься делать, каковы твои ближайшие планы на будущее?

- Да я даже и не знаю... Я фаталист, если что-то происходит, значит происходит естественно, само собой. Когда пытаешься как-то влиять на свою жизнь – обычно ничего не получается. А вот когда просто сядешь в лесу, у реки, то жизнь тогда свои дары приносит. Поэтому я стараюсь не думать о будущем и ни на что не надеяться.

Июнь 2012 года

Михаил Лёзин

*****

полдень жгут спички
возникают новые привычки
острое лезвие топора
откалывает кусочек головы
человеческой личинки

вылезают сны
так и не приснившиеся за всю жизнь
вытекают страхи
и беспомощные мысли
о причинах всего

впрочем несмотря на это
возникает вечер
из большого холодильника
извлекают банку
а в ней сумерки
достают другую банку
а в ней ночь
луна просыпается
чтобы сторожить уснувших
сопящих и смешных

утром они проснутся
вспомнят и не улыбнутся
в полдень зажгут лампочки
девочки и мальчики
и всякие зверьки

*****

Весьма ядовит стакан
Растворим в воде
Самый легкий из всех
Кожа шубы мусорный бак
Сода бесплатно
У меня изжога
Ароматный запах рыбы
Верблюд как чиновник важный
Копия – лучше оригинала

*****

под ногтями жизнь
у реки дрова
в снегу проталины
лес в стакане
волк и заяц
кот имышь
рыба молчит
а ты говоришь
    говоришь
    говоришь

*****

Дети побежали —
в поле лес
тикают часы
садись пора рабузы
ты садись в стакан
таракан виан не пойман
не туфанов

Кости проворчали —
открой точное значение
лаборатория сердец
полна дымом сном
сын изоленты и куска веревки
сворованный у луны
кровянит пьяным пальцем
протыкает
молочный воздух

Частицы кувыркаются —
перечень разворочен
и колодцами
изъедена кожа двора
кора рисунка
проба утра
мя коть

*****

в водопроводе жизнь кипит
отбросам жизни человека
здесь будет скорый найден быт
кому – обман, кому – потеха

опять среда опять четверг
и вот кончается неделя
идет по кухне человек
он воздух дышит еле-еле

система мира неспроста
была придумана так хитро
обид жестоких короста
покроет душу словно свитер

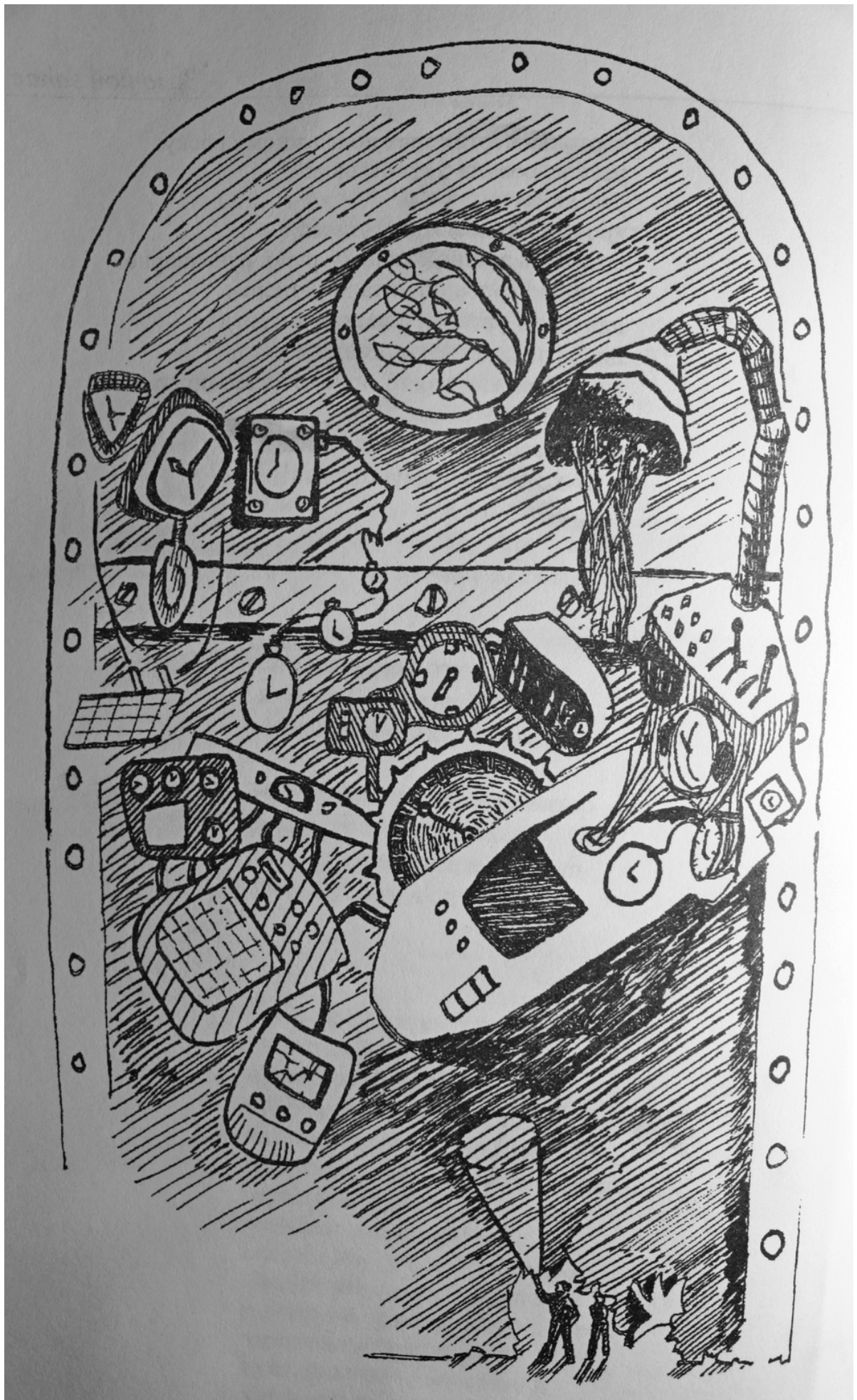
желудок требует своё
ему не вправе отказать мы
и через рот залив бульон
ложимся в мягкие кровати

включился плавно телевизор
и диктор зубы обнажает
весь при костюме и облизан
уже мы спим а он вещает

*****

ткань вечера под утюгом кривилась,
солнечный блестел ожог.
ну что, соскучился дружок?
похмельная тоска пришла на милость.
переключатель вышел вон.
среди обломков все глотают пыль...
чернильный фон.
сломался кюнст-мобиль.
...а повезёт - зовёт бесплатно;
...а позовёт - везёт обратно;
но чёрный трепет... шорох. треск.
читает китель манифест.
куда ни плюнь - энцефалит.
здесь вам открылся чудный вид?

картонка чертит знак по влажному песку.
расшифровали б сгибы скул!
увязли битвы.
кровью напиваются моторы...
подумать тошно слишком рано. рукотворно.
за тенью гроба он читал субтитры.
для кого? усталая и ветхая интрига
плела полжизни километры.
как будто это что-то значит. падал-прыгал.
успеть за ветром...
наше вам... готовьтесь к жизни.
а ну-ка нефтью ярче брызни!

Дмитрий Перегудов

Будущее

Эпоха Титанов

Начать хочу с того, что мы живем в Будущем.

Да, в том самом будущем, о котором писали фантасты 20-го века. И хоть оно и оказалось совсем не таким, как представлялось... все-таки это будущее, полное сказочных технологий и никем не предвиденных ужасов.

С конца 19-го века человечество ждет Золотого Века. Ученые и писатели очерчивали его контуры в своих работах, предвкушали грядущие достижения и предсказывали грядущие проблемы. Часто они ошибались, но иногда оказывались правы.

Во второй половине века 20-го научная фантастика перестала быть “забавными выдумками” и заявила о себе как о литературе, особого рода литературе, в которой главным героем повествования оказывается все человечество.

В те времена творили такие Титаны как Брэдбери, Азимов, Ле Гуин, Хайнлайн, Лем, Кларк на Западе, Ефремов, Стругацкие, Снегов, Казанцев - у нас.

Несмотря на сложную обстановку в мире, на Холодную Войну, Железный Занавес и атомную угрозу (что уже звучит как термины из фантастического романа), творчество всех этих писателей было проникнуто духом оптимизма, безграничной верой в людские возможности.

Титаны писали о межзвездных экспедициях, колониях за многие парсеки от Земли, о мужестве и героизме первооткрывателей, о мудрости ученых и инженеров, встречах с Иным Разумом. Конечно, вместе с этим они не обходили стороной и проблемы – настоящие и будущие. Тем не менее, Разум способен разрешить любые вопросы.

И действительность оправдывала ожидания. Человек вышел в космос, построил орбитальные станции и ступил на поверхность Луны. Были сделаны открытия в области биологии, в том числе и природа наследственности, ДНК, биохимические процессы в наших телах. Люди подошли к способности создавать новые формы жизни и лечить смертельные в прошлом болезни.

Социальный прогресс не стоял на месте. Люди, пусть ценой кровавых жертв, приблизились к равенству, хоть и медленно. Можно было ожидать, что с ужасами, сопровождавшими всю человеческую историю, будет покончено. Социальные проблемы Настоящего и пути их решения есть во множестве произведений.

Чтобы различить облик Будущего в это время, уже не надо было обладать особой мудростью и дальнорукостью.

Конечно, произведения о выжженном, пережившем атомную катастрофу мире или ужасах восстания роботов (в которых правящие классы видели рабочих) тоже были нередки. Однако такая дистопичность не умаляла оптимизма.

Образ блекнет

Однако со временем люди начали разочаровываться в Прогрессе. Долгожданное изобилие не наступало, а кризис Советского Проекта вызвал у многих разочарование в идеях социальной эволюции.

Это отразилось и в научно-фантастической литературе. Нарастал протест против гуманистической тенденции. Появляется множество дистопических произведений, где человечество в кризисе, упершееся в порожденный наукой и технологией тупик. Одним из ярчайших подобных направлений конца 70-х и 80-х является киберпанк.

Киберпанк – направление в н/ф, порожденное кризисом космической программы, увеличивающейся властью корпораций над правительствами и прогрессом компьютерных технологий. Общество киберпанка – мрачное и жесткое, где человек имеет только денежную ценность, а массы людей подсажены на химические и электронные наркотики.

Герои киберпанка – отверженные, парии, одиночки, живущие на нижних этажах преступного мира огромных загрязненных мегаполисов, похожих на гибрид Токио и Нью-Йорка. Обычно они – программисты, хакеры, ворующие информацию у корпораций в киберпространстве – предсказанном авторами аналоге Интернета.

Психология людей киберпанка примитивна, они настроены только на личный материальный интерес. Сознание зависит от бесконечного потока рекламы, льющейся откуда только можно. Соответственно, населенный ими мир обречен и лишен перспектив.

Гибсон, Стерлинг и другие основатели жанра писали о том, как технологии и их бесконтрольный рост могут повлиять на человечество, особенно в условиях господства рыночной цивилизации.

У киберпанка, столь популярного в 80-х годах и начале 90-х, было множество боковых ответвлений. К примеру, биопанк, или рибофанк (термин предложен писателем Полом Ди Филиппо в его одноименном сборнике рассказов) – аналог киберпанка, только сконцентрированный на биотехнологиях, а не компьютерах.

Власть корпораций на исходе 20-го столетия становится общей темой западной н/ф. С крахом СССР эта власть кажется неодолимой, неминуемо

ведущей людей к “одномерному человеку” Маркузе – потребителю, послушно идущему за рекламой.

Кроме бесчисленных романов и рассказов, тема проникла в кино – к примеру, в известную тетра- (уже пентологию) “Чужие”.

В сказочную страну!

Наряду с кризисом технологии и науки на исходе века (а вместе с тем и “твердой” н/ф) начала подниматься волна фэнтези и мистики.

Фэнтези можно определить как сказку, написанную языком реалистической литературы и с использованием ее же изобразительных средств.

Все знают Толкина с его “Властелином колец”, мало кто не слышал и о Говарде с его «Конаном-варваром». Все с тех же времен середины века фэнтези становится своеобразной антитезой н/ф. Равно как и разнообразные романы ужасов, использующие мистику, – произведения Кинга, Баркера, Блоха, Кунца и других (тысячи их!).

В век рационализма иррациональное, мистическое должно особенно пугать... или привлекать. Посреди всеобщего кризиса было так заманчиво сбежать куда-нибудь в страну Никогда-Никогда. Или уютно пугаться страшных монстров, которых, как все уверены, просто не может быть в этом мире.

Это совпадает с реваншем религии и традиционного мировоззрения в конце 20-го века. Будущее поблекло совсем, и люди устремились в манящее Прошлое, где все ясно и просто.

Все не так

Сейчас в нашей стране, где сам жанр “твердой” н/ф уже надежно забыт, полки книжных магазинов (и интернет-библиотеки, разумеется) ломятся от сотен томов фэнтези и альтернативной истории пера (вернее, клавиатуры) отечественных авторов.

В таких произведениях описывается наш мир, пошедший по другому пути развития. Что, если не было бы Революции 1917-го года? Если бы Союз не развалился? Если бы Юг выиграл гражданскую войну в США? Если бы Колчак выиграл гражданскую войну в России? Если бы Гитлер выиграл Вторую Мировую?

На Западе альтернативная история тоже популярна, и такие писатели как Тертлдав регулярно выдают очередную альтернативку. К примеру, что если бы во время Второй Мировой на Землю вторглись инопланетяне?

В нашей стране популярен и отдельный жанр “попаданец”. В таких книгах герой, наш современник, обычно спецназовец и умница, каким-то неведомым образом оказывается в Киевской Руси (Петровской России, Золотой Орде, Третьем Рейхе и т.д.) и начинает менять историю. И меняет! Вот Россия уже в

15-м веке под чутким руководством попаданца становится мировой сверхдержавой...

В “попаданцах” и альтернативной истории вовсю задействована политика и политические взгляды самого писателя. Поэтому у лиц с определенными убеждениями определенные книги могут пользоваться спросом, несмотря на часто куцый литературный уровень.

Все это существует наряду с потоком конспирологии, мириадами опусов, объясняющих все проблемы страны и мира происками неких тайных сил, а вовсе не экономическими, политическими и социальными факторами. Людей приучают к примитивизму мышления.

И правда, как пройти мимо обложки, где богатырь с бензопилой раскидывает в разные стороны ордынцев Батыя (я серьезно). Как попаданец смог сделать себе бензопилу в 13-м веке я даже представить боюсь.

Все эти книги эксплуатируют чувство неудовлетворенности сегодняшним днем. А раз уж Будущее померкло, можно мечтать о другом Прошлом и Настоящем. И даже не думать о том, что можно самому что-то сделать. Вот так.

Надо сказать, что в связи с падением интереса к науке, распространением религии и оккультизма в России повальное увлечение такой литературой наводит на грустные мысли касательно грядущего. Причем, такая тенденция есть во всем мире.

Настоящее

Мы живем в Будущем – с генетической инженерией, биооружием, ПК, Интернетом, перенаселением, голодом, бедностью, бесконечными войнами, нанотехнологиями и возрождением самого дикого мракобесия.

Сегодня уживаются разные, самые противоположные тенденции. За рубежом есть Брин, Бэнкс, Мьевилль – представители гуманистического, прогрессивного направления в фантастике. С другой стороны, имеется масса эскапистского, прославляющего феодализм, фэнтези, а также вампирской мистики.

В нашей же стране после развала СССР жанр классической научной фантастики пребывает в почти полном забвении, не считая отдельных произведений Лукьяненко, а также Дивова, Николаева и некоторых других авторов. Одни эльфы, Российская Империя в 2012-м году и попаданцы. И почему так?

СССР был страной, на мой взгляд, более всех прочих устремленной в Будущее, и его крушение похоронило идеалы прогресса... хотя бы на какое-то время.

Рынок диктует свои законы, и все, что не вписывается в эльфийско-попаданческие рамки, просто не издается. Несмотря на то, что в Сети можно найти много хороших, нестандартных произведений. Перспективы издания твердой н/ф у нас неясны.

Все мы вступаем в смутный и туманный период истории. Будущее неясно, и мало кто может заглянуть далеко вперед. Подобно тому, как литература зависит от реальности, реальность зависит от литературы. Писатели часто становятся выразителями новых идеалов. Как Томас Мор со своей “Утопией”.

Что будет дальше с жанром? Это может показать только время, только Будущее.

Дмитрий Перегудов

Дорога

Вечером, когда багрянец заката окрасил шатры и палатки Племени, Орн вошел в покои Матери.

Она была стара – костлявая фигура в сером рубище, лицо, словно обтянутый кожей череп, обрамленное редкими мертвыми волосами. Только фиолетовые глаза жили на этом лице. Мать Племени смотрела на Орна спокойно, с бесконечным терпением.

- Мать, - произнес он.

Орн словно увидел самого себя ее глазами – нескладного темноволосого юношу в штанах из шкур торков и с сумкой через плечо.

- Ты пришел просить за Элину, - сказала Мать.

Голос ее был тихий, слабый, но в Племени его слышали отчетливо, всегда.

- Да.

- Знаки были отчетливы, Орн. Разве стальные башни на горизонте не извергают зеленый дым? А? Ясно, что Дорога требует жертву, как и всегда, в прошлом, девственную третью дочь одной матери. Элина единственная, сестра Мары и Арты, а нужды Племени превыше всего.

- Но...

- Это случится на рассвете. Мы пойдем к Дороге и принесем жертву. А ты иди.

Сопrotивляться было бесполезно, Орн знал. Юноша прошел мимо стражников с зазубренными копьями, охранявших единственный вход в шатер.

Племя вокруг готовилось ко сну. Возвращались с добычей Торг и Давер, охотники. У них были копья и ножи из железа, что даровала людям сама Дорога.

- Жертва, нужна жертва...

Он видел облака зеленого дыма на горизонте, Мать права. Все знали знаки, но нет ли другого пути?

* * *

У Орна было свойство мгновенно принимать решения. Он вернулся в свою палатку и достал копье, наполнил сумку припасами, даже взял несколько дорогих ему безделушек.

А потом пошел к Элине. Она жила с матерью и двумя сестрами на окраине поселения, а отец ее однажды не вернулся с охоты.

- Идем.

Элина стояла у шатра и смотрела на небо, все темнеющее и темнеющее.

Высыпали звезды, но далеко, за территориями Племени, горело зарево, в котором ясно проступали силуэты башен. Какие же они огромные!

- Идем, - повторил Орн.

Элина повернулась к нему.

У девушки были выющиеся рыжие волосы и курносое, совсем еще детское лицо. Вокруг бедер был повязан кусок шкуры торка, а грудь закрывали бусы и множество амулетов на шнурах.

- Куда нам идти?

Она не боялась. Но Орн знал ее – Элина никогда ничего не боялась.

- Меня ждет Дорога.

- Но мы можем сбежать, устроится в деревнях жестянщиков.

- А что будет с Племенем? Если не будет жертвы, Дорога покарает нас. Так надо.

Она протянула руку и прикоснулась к его щеке. словно бы эхо, того, чего уже не будет, да и не могло быть никогда. Племя следило за девственной третьей дочерью.

- Просто будь рядом, когда это случится... любимый...

Когда Элина вернулась в шатер, прикосновение еще горело на его щеке.

* * *

Все Племя выдвинулось на рассвете, оставив поселение.

Мать несли четверо охотников в паланкине, выменянном еще одним из предыдущих поколений у жестянщиков на мясо и шкуры торков.

Племя шло через пустынный ландшафт с редкими кустами, кактусами и отдельно стоящими деревьями, на которых гнездились птицы. На чахлой траве паслись стада торков. То тут, то там виднелись развалины и какие-то ржавые нагромождения.

Элина была в центре процессии. Теперь на ее тело были нанесены ритуальные рисунки, красной и белой краской. Она казалась спокойной, совершенно спокойной – Орн шел рядом с ней.

В воздухе возник шум. По мере приближения к Дороге он нарастал и нарастал.

- Наш путь чист и ясен! – воскликнула Мать. – И да пребудет благословение Дороги с нами! И да уйдет зеленый дым! И да будет охотникам удача! И теперь, и всегда!

- Воля Дороги! – затянули все. – Слава Дороге!

Через сотню шагов грохот и вой полностью заглушили речитатив.

И тогда все увидели божество. Огромная блестящая лента тянулась через весь мир, который знало Племя. Она была здесь все время, которое Племя помнило.

А по телу божества двигались сущности поменьше, но тоже священные, существа из металла, со множеством колес. Они катили в обоих направлениях.

- Да будет жертва! – крикнула Мать во всю мощь своих старческих легких.

Орн знал, что будет дальше.

Элина пошла к Дороге, голая и прекрасная, в ритуальной краске. Она отдавала божеству свое тело.

Священные существа смяли ее, раскатали колесами по гладкому покрытию, но не замедлили движения. Они никогда не снисходили до людей.

- Жертва принесена!

Через час последние следы Элины исчезли с Дороги. Но на обочине появились листы металла и другие предметы, порождаемые священными существами – дары.

* * *

Эрцак первым заметил, что зеленый дым исчез. Племя принялось запасать пищу и воду, зная, что скоро придут зеленые дожди. Много воды надо будет выменять у жестянщиков, ведь после дождей все колодцы долго будут отравлены.

Наверное, решил Орн, он уйдет, когда пройдут дожди. Куда? Куда угодно, а Племя перебьется без него.

Иногда, он мечтал, что разрушит Дорогу. Но кто же будет приносить удачу, давать людям металл?

Жертвы должны быть принесены, как и солнце должно вставать по утрам. Что будет, если солнце забудет свой долг? Об этом часто говорила Элина. И Цегра, ее мать, должна теперь зачать и родить новую дочь, чтобы была новая жертва, когда зеленый дым появится.

И, тем не менее, Орн уйдет. Он сирота, о нем никто здесь не будет особо тосковать.

Очередной день клонился к вечеру. Да, решил юноша, и теперь никто не помешает. Он уйдет, когда пройдут дожди и очистятся колодцы.

Раздражение

Нет, это же невыносимо!

Я шел по коридорам той проклятой конторы, где работал. Они были словно крысиный лабиринт, на выходе из которого тебя ждет не вкусный сыр, а удар током.

Не сказал бы, что моя бумажная работа особенно трудна, но как же она достает! Уже четвертый раз я переделываю этот документ. Опять запятая не там, где нужно, и весь поход по десяти кабинетам за подписями и печатями начнется заново.

Я уже собирался пойти к себе, но на полпути завернул к Анне. Уж она то всегда утешит!

Нет, не то, чтобы я как-то ухлестывал за ней. Мы были просто друзьями или, по крайней мере, добрыми приятелями. Со всеми в конторе у Анны были хорошие отношения. Кто угодно из бумажно-компьютерного пролетариата, мог зайти к ней на чашечку чая или краткий, но ободряющий разговор.

В ее кабинете было так хорошо и спокойно, что пару раз я чуть было не задремал там.

- О, привет! – сказала Анна, едва я вошел.

Она сидела за своим компьютером. На стенах бледно-желтого цвета висели фотографии кошек.

Анна была довольно красивой – тонкая, хрупкая, с бледным детским лицом и короткими темными волосами. Она, как всегда, носила джинсы и темную водолазку безо всяких украшений.

Странно все-таки, что никто тут не пытается добиться ее... большего расположения.

- Как у тебя дела? – спросила Анна, оторвавшись от экрана.

- Да не особо. Чертов отчет.

Она понимающе улыбнулась.

- А, сама с ним мучаюсь. Думаю, канцелярии платят премию за сведение с ума сотрудников.

- Да.

Я не смог сдержать смеха.

Тем не менее, раздражение оставалось при мне, кипело и бурлило в сознании, несмотря на мои попытки подавить его. Я боялся испортить отношения с Анной.

- Присядь, - сказала она.

Я послушно уселся на один из небольших пуфиков рядом с чайным столом в углу кабинета.

Было так хорошо, так спокойно, что я снова погрузился в какую-то полудрему. Сквозь нее я слышал странные звуки, и что-то влажное касалось лица.

- Эй, просыпайся! – Анна потрясла меня за плечо.

Коты, кошки и котята укоризненно посмотрели на меня со стен.

Мне было неловко, но раздражение исчезло бесследно, словно выключили его.

- О, мне пора идти.

- Ладно, всегда заходи.

На этот раз улыбка Анны показалась мне сытой, а на щеках ее даже вроде бы появился румянец.

Когда дверь закрылась, я задержался рядом. Не знаю почему, но мне вдруг захотелось подсмотреть за Анной. Это могло куда сильнее испортить отношения, но...

Сам не знаю, что мной двигало. Между дверью и полом кабинета был значительный просвет, и, если лечь, можно было увидеть всю комнату. Я вздрогнул, услышав, как щелкнул замок.

А вот это странно! Зачем же ей запирается изнутри? Это и сподвигло меня все-таки подсмотреть. Я быстро оглянулся по сторонам – коридор был пуст. А потом лег на кафельные плиты пола и уставился в щель.

Анна стояла в центре кабинета, и вдруг ее одежда растворилась, а тело начало менять очертания. У меня зашевелились волосы, когда через пару минут за дверью стояло белоснежное, с изумрудными пятнышками существо, не похожее на человека.

Оно было тонким, стройным, с восемью длинными конечностями, похожими на человеческие руки. Голова с зелеными фасеточными глазами была головой какого-то гигантского насекомого. Оно выставило вперед какой-то сложно устроенный орган, похожий на пучок влажных щупалец.

Я отпрянул от двери, рывком встал и побежал. Впрочем, почти сразу я перешел на шаг.

- Ну и ладно, - пробормотал я. – Человек-не человек, какая разница...

Надо заняться чертовым отчетом.

Я посмотрел на часы – 12:00, как раз обед. А в это время, как я свято считал, каждый может заниматься чем угодно. В конце концов, должно же это мое раздражение принести пользу кому-то, для которого оно служит пищей?

Вячеслав Лобанов

Карусель

Братьям А. и Б. Стругацким, с восхищением

Тропка кончилась.

— Вертяк! — прошипел проводник Грег, и мы упали в вонючую грязь. Осторожно отплёвываясь и скосив глаза, я разглядывал серый пульсирующий мешок на нижней ветке высохшего чёрного дерева. Вытащив толстый гвоздь из пояса-патронташа, Грег бросил его вперед. Слепящий свет ударил по глазам, а от резкого свиста заболели уши. Зрение ещё не успело восстановиться, а Грег уже тянул меня вперед. Подбегая к оврагу, я оглянулся: съездившийся вертяк багрово светился, быстро темнея и возвращаясь к прежнему цвету золы. На дне оврага виднелись скелеты в истлевших комбинезонах.

— Ров Салаг. — усмехнулся Грег, — Они шли без проводников.

Вытащив лассо, он забросил его на кривой куст по ту сторону оврага. Закрепив конец веревки, мы на руках перебрались над оврагом, дно которого уже затягивал голубой туман.

— Смотри, — сказал Грег и швырнул два гвоздя в овраг - малиновая паутина молний расколола туман, а лассо полыхнуло огнём, обратясь в пепел.

Дальше лежало Чёрное болото. Мы долго ползли в антрацитовый грязи, от которой шли какие-то одуряющие испарения, и, заснув тяжёлым сном в палатке-перепонке Грега, я и в сновидениях все полз и полз по вонючей холодной жиже к кроваво светящемуся горизонту.

Проводник растолкал меня и через два часа мы выползли, наконец, из болота.

— Передохнём немного, чтоб не передохнуть, — мрачно пошутил Грег, и я привалился к ржавому днищу перевернутой вагонетки, уставившись на рыжие рельсы, убегавшие в дымную даль. На западе серое небо пожелтело - всходило утреннее солнце, а вечная луна светила всё так же ярко, не собираясь исчезать с неба.

— Хватит валяться! До второго солнца надо добраться к катеру. И проводник, сплюнув, пошёл вперёд.

К Сухому доку мы вышли, когда с востока уже ползло второе светило, и зной опалял землю, превращая комки грязи в сухую, скрипящую на зубах угольную пыль. Док представлял из себя десятка два кораблей, стоящих на границе Стеклойной пустыни и Равнины угля, из которой мы вышли. По пути к катеру, вросшему в пыль где-то в центре дока, Грег показал на белое пятно, выделявшееся на ржавом боку траулера, и совершенно новый кирзовый сапог, прилипший ниже пятна.

— Это Рич, — прокомментировал проводник, — Он первым дошел сюда, но сдуру сунулся между двух судов.

Сам Грег перед каждым таким проходом швырял вверх гвозди и мы в дыму, кашляя, пробегали мимо почерневших от гари бортов. Через рваную пробоину мы влезли в захламленный трюм катера. Усевшись на пыльных бочках, вскрыли консервы и впервые спокойно поели. Задремав после обеда, я с трудом всплыл из дикого сна, в котором меня, накалив на огне, плющили огромным молотом. Действительность оказалась не лучше: по раскаленным от солнца бортам катера продолжал долбить гигантской кувалдой какой-то бешеный великан. Борта прогибались, обдавая нас тяжелыми клубами воздуха, горячего и пыльного от летящей со всех сторон ржавчины. Когда град ударов поутих, я заорал в ухо Грегу:

— Что это?!

— Это Железные ангелы — такие металлические болванки, что могут слопать нас за милую душу!

— А откуда они?!

— Черт его знает — это же Зона. Как утихнет, надо мотать отсюда!

Не передать словами тот нестерпимый блеск песка в Стекло́й пустыне. Я шёл полуослепший, подталкиваемый в спину Грегом, а стеклянные иглы, не переставая, хрустели и шуршали под ногами. Окружающее не запомнилось. — Грег рассказывал о Зоне, и я больше слушал, чем глазел по сторонам. Впрочем, в память врезался вертолёт, вернее его половина, идеально отрезанная и половина пилота со всеми внутренностями, которые, как ни странно, не вываливались наружу...

А Грег продолжал бубнить за спиной:

— Зона да Зона, будь она проклята! И всем интересно, что да как? А я почём знаю. Ходим и ходим по ней, а что — семью-то кормить надо. Да! Вы люди научные, вот и объясните, чего это здесь пришельцы понатыкали и зачем. Помню, ещё пацаном сопливым был: зелёные молнии бьют с неба, вопль стоит жён шахтёрских, а туман над терриконами всё сгущается и чернеет. А как стемнело окончательно, так грохнуло, будто само небо расколосось, и от вспышки, говорят, силуэт столицы штата высветился, а это ведь миль сорок, не меньше. Народу померло сколько... С нашей улицы я да ещё Ян Безногий остались, он тоже здесь салаг водил, пока на Лесопилку ночью не забрёл. А-а, вот и она, зараза!

Я глянул вперёд: за сиянием барханов высились огромные, метров до пяти в диаметре, дисковые пилы, торчащие почти полностью из земли.

— Ну теперь не отставай, а то хана! — сказал Грег и, вытащив из своего рюкзака резиновую сумку, вынул из неё жабу и подтолкнул её к ближайшему диску. Пила вжикнула, крутнувшись чуть в сторону, и жаба разлетелась кровавыми хлопьями. Я оторопел.

Грег, матерясь, схватил меня за руку и поволок за собой. Через час мы, с ног до головы обрызганные жабьей кровью, миновали последний диск, который всё же успел отхватить мне подметку. И вот, наконец, легендарный Зеркальный пик блеснул над Чёрной горой.

— Дальше я не ходок, — заявил Грег, усевшись на странную оранжевую кочку, — Тебе очень хотелось, ты и иди.

Я вспомнил морщины на лице матери, Нику и её сестрёнку - и шагнул вперёд.

— Стой парень! Не спеши помереть раньше времени, возьми вот гвозди, да не торопись — внюхивайся, вслушивайся и гляди, гляди в оба, если что почувешь, затаись, стань тенью, и беда пройдёт стороной, — прохрипел сзади Грег. — А на меня зла не держи, дойдешь — всё поймёшь!

К вечеру я был у подножия Чёрной горы. Здесь и решил заночевать. Разноцветные сполохи периодически разрезали тьму, их сопровождал иногда ужасающий вой. Перед рассветом всё стихло, и я смог ненадолго забыться.

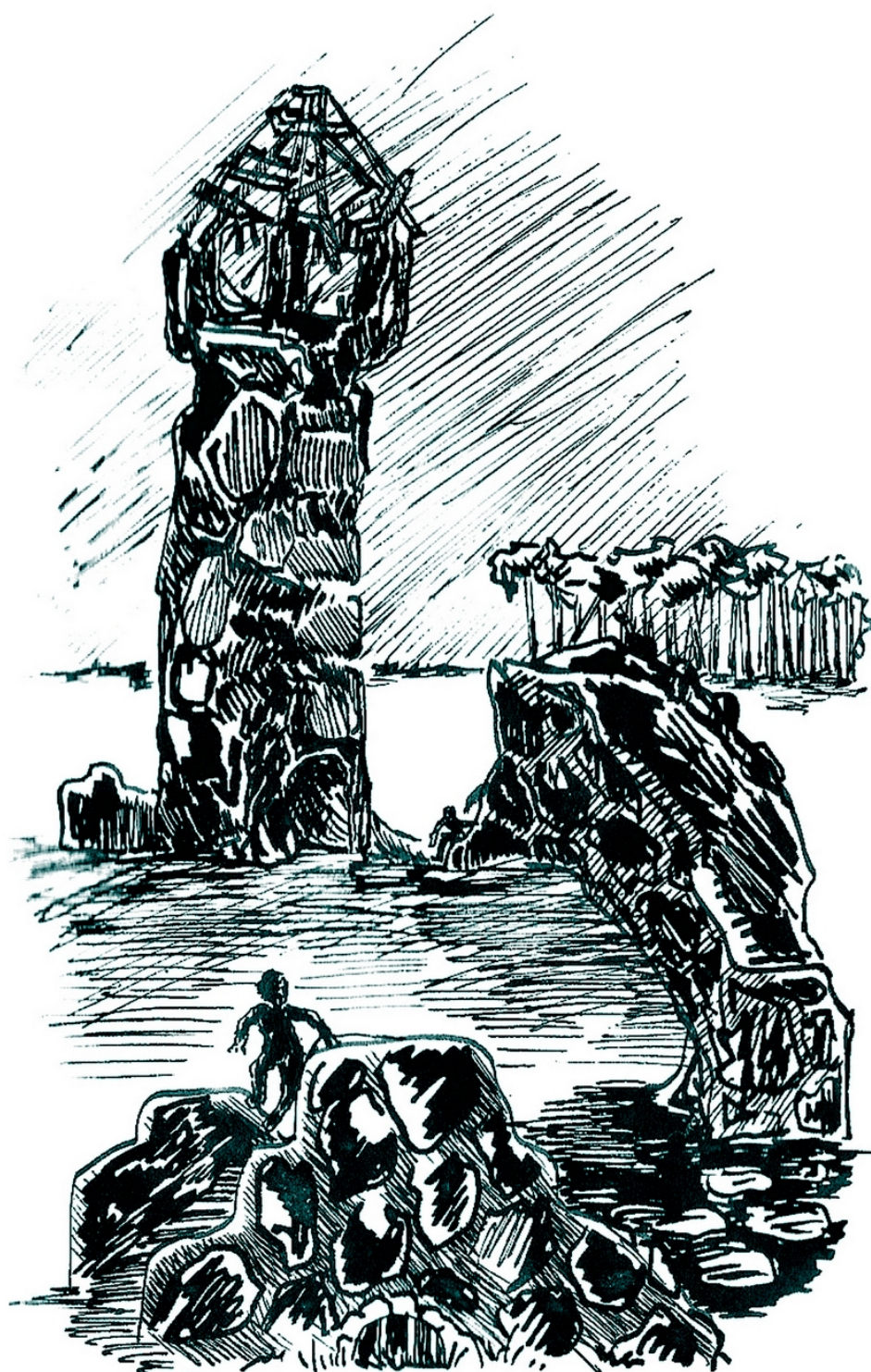
Гора напоминала гигантский кусок угля, который венчал крохотный осколок зеркала. Когда-то я увлекался альпинизмом и довольно успешно добрался к вершине, но приключениям ещё не суждено было кончиться.

Воздух вокруг внезапно потемнел. Зеркальный пик сиял перед глазами и видно было уже тёмное отверстие пещеры. Я бросился к ней, но почти сразу отпрыгнул назад — снопы голубых молний посыпались дождём, окружив пик непроходимой стеной. Прождав до вечера, я не выдержал этого бесконечного потока огня. Казалось, какой-то бес отчаянной смелости подхватил меня с места и бросил вперёд. Прикрыв глаза сгибом локтя, я метнулся к пещере. Самодельная подошва из старой автомобильной покрышки, закрепленная Грегом взамен пропавшей на Лесопилке, вскоре отвалилась и ногу жгли камни, опалённые огнём молний.

Воющий от боли в ноге и почти ослепший, я ввалился в пещеру, по инерции пробежав несколько шагов вперёд и тут опора под ногами исчезла — я полетел в пропасть. Видимо, психика была на пределе и не выдержала этого испытания — сознание померкло.

Очнувшись от забытья и не поднимая головы, я огладил руками ровный пол и медленно приподнялся: с огромного стенного экрана на меня взирал командор. — Молодец! — похвалил он. — Эти учения прошли успешно, выход справа от тебя. Ну не расстраивайся, всё впереди.

Обида, горькая обида выжала слёзы из глаз. Справа белела дверь с синим треугольником посередине. Я шагнул через порог той двери. Слёзы разочарования ещё текли по щекам, а впереди уже улыбался Грег, приглашающе протянув руку к тропке, за которой снова начиналась Зона — настоящая или нет, ясно будет лишь в конце.

Наталья Нечаянная

Господи, сделай меня солдатом.

Господи, сделай меня солдатом. Всеподчинённым и подкомандным. Чтобы сказали: «Иди туда-то!», а им не выкрикнешь: «Негуманно!».

Чтоб приказали: «Наталья, лодырь, - бег, отжимания до упаду». Ты же – протестом не режешь глотку, ибо: «Есть ёмкое слово: надо».

Господи, дай мне мое солдатство. Полнобезволие, всеконтрольность. Чтоб показали, куда податься. Чтоб разъяснили, что «К черту – вольность».

Чтобы послушна, как под наркозом. Скажут: «Спи стоя!», ну, значит, стоя. Скажут: «Сдавай-ка на экспорт кожу!», и не возникнет вопроса: «Стоит?..»

Чтоб каждый день, как устав, - не ново. Чтобы путь топтан, знаком, заказан. Чтобы сказали: «Забудь такого». И забываешь – приказ приказом.

Чтоб все по графикам, цифрам, датам: время чихнуть, рассмеяться, охнуть. Господи, сделай меня солдатом. Господи, дай мне команду сдохнуть.

Хоронила

Хоронила первого – воздух рычал и выл. столько плакала – леденела в глазах вода. говорила себе: «не ходи к берегам Невы, не бросайся к подъезжающим поездам». Почернела вся – превратилась в золу и смоль, в опустевший храм, в переплавленный старый крест. Сколько горя взяла, сколько ужаса, милый мой. Кто же будет теперь хранить тебя и беречь?

А второго везла – не могла ни рыдать, ни жить: говорила беззвучно, ходила, не чуя ног. (Так становишься островом в море среди грозы, и твой остров неспешно, но верно идет на дно. Покрывается мраком: съедает любимый дом, угрожает спасительным стенам, родным вещам. Превращается в точку, молчащую под водой. Онемевшую, словно пустая твоя душа).

Вот такое сиротство – наследственное клеймо. Родилась всем чужая: подкидыш, дурная кровь. Никогда не услышишь: «родная, пойдем домой», потому что таким не положены дом и кров. Им шататься ничьими, не ведать добра и сна. Ни кола ни двора: бесприютные, словно тень.

Если нужно, господь, чтоб я вечно была одна, то забрал бы меня и не тронул моих детей.

Я не в силах сражаться: победу взяла беда. Вместо воздуха горе: ни выдохнуть, ни вдохнуть. Прижимаю рисунки их («горки» и «поезда», «мама, папа и я отправляются в добрый путь», «космолет покоряет большой внеземной маршрут»), прижимаю и вою, как сбита пулей дичь.

Отче наш, ничего не желаю и не прошу.
Не даруй мне, пожалуйста, третьего.
Пощади.

Инструкция себе

Не делай злого, не делай доброго, ходи по топтаному пути, носи в кармане, в мешке под ребрами складную бездну, дыру в груди: ищи работу, сдавай экзамены, тани кредиты, вари борщи, про все богатства свои и залежи - будь осмотрительней - умолчи.

Будь осмотрительней: слово тянется незримым следом, дурным хвостом. Вот наблюдатели и начальники, кому из них объяснишь потом, что небо давится самолетами, что дверь пугается при звонках, что ужас шилом заходит в легкие, и больно вздрагивать и вздыхать, когда на улице плачет маленький, когда под ветром дрожит маяк, что боль чужая воспринимается всегда значительней, чем своя; что те, кто предали нас, становятся грядущим снегом - и бел, и чист.

Не делай злого, не думай нового, будь осторожнее - и молчи.

Слова врываются, как нашествие, растут и ширятся, как пожар, учись разминивать фразы жестами: "я скоро буду", "не ешь с ножа", "мороз и солнце", "совсем не голоден", "спокойной ночи", "скорее в чат", а если слово полезет в горло, то хороший навык - уметь мычать. Мычи про все, что в тебя не вместится - от императоров до бродяг.

Тебя, наверное, не заметят здесь,
зато есть шансы, что пощадят.

Бежать

... и бежать-бежать через темный лес, там, где пыль дорог, высота небес, и не слышать звуков, не чуют ног, за черту, за краешек, за порог. Там, где день прозрачнее, чем вода, солнце бьется, новое, как пятак: уронив лучи на траву и пни, словно мамин голос, звенит-звенит.

...и нестись-нестись в золотой песок, где загар и отдых, покой и сон, где не правда – счастье имеет вес (вон Иуда умер, Христос воскрес, вон крепчает смех и стихает спор), ночь за горы прячется, словно вор, и она так ласкова и мягка, как её улыбка, щека, рука.

... и лететь-лететь на восток, на юг, чтобы скрыться, спрятаться в том краю за полсотни стран, миллион земель, где весна – не смерть и не враг зиме, где из ветра можно щиты ковать и где эти брошенные слова лишь обман чертей, домовых, ундин:

«ты не дочь мне больше.
уйди.
уйди».

Про Басика, хлеб и маму

И когда трясёт и знобит – колбасит, когда сутки плачется не о чем-то, я иду к щенку, он чихает басом, хоть похож на плюшевого мышонка. И ему уместней пиццать и ёрзать, воровать забытый кусочек сыра, но родился псом, значит, будь серьёзным, сторожи подъезд, где светло, но сыро.

«Слышишь, Бася, это уже не гонка. Это стоп-игра. «Тише едешь – выйди». Им на свадьбе, Бася, кричали: «Горько!», им на свадьбе – «Горько!», мне дома – выть бы. То не осень, Бася, октябрь весел (он красивый, светлый, лучистый, тёплый). Как держаться, Басенька, равновесий, если так в себя любишь тыкать стёкла? (Тыкать стёкла, Бася, и сокрушаться: «Что ни день, мол, ближе и ближе к коме»).

Это, Баська, корм. Он, прости, кошачий. Но, походу, разницы нету в корме.

«А октябрь стал (ты заметил?) злее. Принесла вот, кстати, тут тёплых тряпок. Поворчит уборщица, шут ведь с ней, а? У уборщиц вредный такой порядок. А октябрь злее. Ветрами больно бьет в виски, и бьет не слабее палки. Я взяла бы, Баська, тебя домой, но там ведь много хуже, чем в коммуналке».

«Тяжело не мне, а жар-птице в клетке. Я ведь так, воробушек без кормушки. Мой октябрь, Басечка, грабит ветки и игриво держит меня на мушке. Это чувство, будто бы виновата, непонятно в чем, но ведь в нехорошем. Так приходит к брошенным детям папа, понимая, что не прощен, не прошен. Это, Баська, стыдно и сложно, трудно. Будто ты – делим, будто ты – остаток. Это, это... курица, в общем, грудка. На, поешь-ка, лучший из всех хвостатых.

«Ты прости, Басюнь, забегаю редко. Я тебя люблю, вислоухий, помни. В моей сумке (дня где-то три) таблетки. Пачки две. Хотелось мне... Ну, ты понял. И не надо этих вот взглядов, живность! Говорю, не надо. Какой упрямый. Я не буду, Бась, мне не жалко жизни, но любимых жалко, тебя и маму».

Пятый день трясёт. Пятый день колбасит. Аллергия к жизни, как к вони лилий. А в красавца вырос подъездный Басик. Басик вырос. Вырос и пристрелили. В сумке пачка. В сердце темно и голо. Вспоминаю цвет дождевого неба. В коридоре слышится мамин голос: «Ты гулять? Купи на обратной хлеба»

Один в поле не воин

Родилась вот такая – единственный воин в поле, закаленный боец и ответственный часовой: в каждом звуке ты слышишь, как едет далекий поезд, забирает тебя и неспешно везет домой – за границу греха, вдаль от лешего и от лиха, где злодеи наказаны, беды разрешены.

А в вагоне порядок: спокойно, тепло и тихо. И в пределах земли не доводится ждать войны.

И в пределах земли не случается зим и снега – всякий холод наказан: разрушен, развеян, сжат. Сколько неба вокруг – потрясающе много неба: наступает на грудь, лезет в горло, звенит в ушах.

Если вслушаться (наши родители хаю цены, наши братья уставшие смотрят седьмые сны), то отчетливо ясно становится: целы! целы! – пережили, сохранены, оправданы, спасены. Больше не с кем бороться: меняй камуфляж на платья, согревайся у маминой шеи, руки, щеки.

Одиночка не воин. А ты все по-детски плачешь, вспоминая, как в поле качаются колоски.

Школа

Они знают, как ты был слаб – уходи, лети. Выбирай другие дороги, края, пути. Столько дней прошло – давно не найти следов. Они видят школьный заплеванный коридор. Как стоишь у стенки, сломанный, будто шкаф. Что ты можешь, тощий ботаник в смешных очках? Непутевый длинный выходец добрых книг. Никогда – ты слышишь? – не приближайся к ним.

Они греют в сердце хохот из-за ворот. Как несешься, скачешь с первого на второй. За тобой шаги и перед тобой шаги – и не в курсе, сколько раз ты уже погиб, растворился, умер, переродился в тень (сотня лет прошло, а, значит, и сто смертей), приобрел семью, скопил на другую жизнь, но считаешь вновь пролеты и этажи. Семь ступеней вверх (а, кажется, семь кругов). Они видят: ты беспомощен, хил и гол. Все сменилось – люди, страны, дела, коты. Только сам не знаешь: кто же из вас есть ты?

Убегай от них! Не суйся в неравный бой. Им никак не выжить с тем, что ты стал собой. Находи приют среди берегов и скал. Помни главное: всегда избегай зеркал.

Василий Чердаков**Фата моргана**

Неутомимо время едет:
За годом год, за годом год...
Кто был писатель — нынче бредит,
Кто — красота, теперь урод.

Бескомпромиссно время давит:
За часом час, за часом час!
Жив будет тот, кто бога славит.
- Всевышний, не покинь ты нас!

Как незаметно время льётся,
Секунды словно лёд шуршат,
над нами мыслями ... смеётся.
Почувствуй время, как ушат

Ступи, студёною водою
Броню у сердца отмочи!
- Хоть анекдоты с бороною,
но только, время, не молчи!

Потерянное время — это голод!
Бездарный человек — моральный труп...
Общением несёт разрухи холод,
Калечит жизни ход поскольку туп.

И что же делать? Как уйти от горя
В потоке ежедневной суеты,
Чтоб в бранных мыслей головном уборе
Благоухали свежие цветы?

Любить людей. Начала жизни строить.
Основы древних знаний изучать.
Молиться: сокровенное откроет
Господь, положит на чело печать...

Приняв, понять небесные законы,
Сквозь призму веры истину постичь:
Услышать человеческие стоны,
Подальше спрятав осужденья бич.

Я нужен всем, поскольку существую -
От пчёлки, до травинки на лугу -
божественную суть любви простую
И вечную всей жизнью берегу!..

Завет

В автобусе с Овчинниковым ехал
назад лет восемь или может шесть?
Была то несомненно жизни вежа,
судьба Василю оказала честь -

поговорить о жизни с аксакалом
(кто много повидал) фронтовиком,
учителем, хоть говорит он мало,
но знает жизнь и видит далеко...

- Что мне писать и как? - я вопрошаю
(автобус проезжает переезд)
и чувствую, когда страна ветшает
не ценятся слова, теряют вес;

в век электронных нанотехнологий
поэта божья искра не горит,
все думают про «дураки-дороги»!
А Николай Михалыч говорит...

Его завет прими, младое племя,
талант свой разверни во всей красе.
... Он говорит: «Пишите наше время,
эпоху нашу — так творили все...»

Валере Т.

Прочитал я твой дешёвый треп.
Не, Валер, на Гоголя не тянешь,
Хоть чертей и ведьму в кучу сгрёб,
Не Бальзак пока... и так не станешь.

Сцены нашей жизни показать
Чать хотел в «Звонке по телефону»?
Труд сей «за основу» можно взять -
Под обои клеить, чтоб для фону...

Вообще-то, если умягчить,
Руки приложить, сойдёт и это
(Ты, конечно, схватываешь нить?)
Как, пардон, листок для туалета.

Впрочем, можешь далеко пойти...
(Кто б послал?) Стругацкий наш, Войнович,
Булычёв сызранский во плоти,
В детстве ты балдой не стучал о печь?

Шутки всё, Валерий, не тужи!
Я писал и дружеские шаржи,
Чтоб хрущёвские «в штанах ежи»
Не гордынили победным маршем.

Как тебе взойти на пьедестал
Посреди литературной нивы?
Вот Джек Лондон к дочери писал:
«...Хочешь быть великим? Будь правдивым»

Про азиатов

Когда смотрю фильм «Анна и король»,
Который раз всё непременно плачу...
- Задумайтесь, в чём в мире Ваша роль? -
нам показала Анна сверхзадачу.

Английская учителька-вдова
спасла Сиам и короля Манкута,
с ним жизнь свою не потеряв едва!
Что можем мы с тобой поделать? Круто

и нас тиранит в клубе зло людей;
шалют неугомонные мальчишки...
Что делать? Человека в нём содей,
пока не зачерствел в грехах он слишком...

Любовь лишь может растопить мозги,
гнилую душу вывернуть наничку
и там, где было не видать ни зги
святого, поселить труда синичку.

Впоследствии чтоб стаю журавлей -
Сознания, Отваги, Благородства... -
взрастить... Своей души не пожалей
иначе всех сожрёт болото скотства!

... И вот пишу, как принц Чуалонг Корн:
«... она свой свет души дарила миру...»,
задумавшись, кем жил я до сих пор?
И слёзы окропляют Васи лиру...

***

Мне мои стихи напоминают
Льдинки леденящие во рту
Ломят сердце, радуют... и тают
Наполняя смыслом суету.

Хочется стихом за горизонтом
Видеть необъятные миры,
От врагов укрыться словно зонтом,
От дождей пытающе-сырых.

В них сокрытый смысл и жажда жизни,
Сия осязания добра,
Жар святой мечты любви к Отчизне
Всё, что вам по капелькам собрал.

Наталья Пулька**Шью...**

/ навеяно Маркесом/

Солнце вытравит лен до белого,
Ветры вытрясут холст неистово.
Чувства – нить, что стежки несмелые
Звездной пылью, да в речку чистую.

Шью наряд на свиданье с Господом,
День меняет ночь – косы с проседью,
Пусто – все мечты, думы оводом,
Стерегут канву жизни-осени.

Нитью ровной, в рисунок просится
Шелком гладким – что было важного.
Тайным вдоволь печь кормят ножницы,
Боль осядет золой, да сажаю.

Жить с лихвой, видать, сил отмерено:
В торбу прочную камни сложены,
Что бросалось в масть, что намеренно,
Гнет крестом к земле память прошлого.

Трет наперсток мне - в хлам игольница,
Пальцы в кровь колю. Злые ноченьки...
Подвести итог, да сподобиться -
Шью... С последней петелькой кончится:

Век любви,
Век тоски,
Дни моих
Бесконечных ста лет одиночества.

Мой последний день

Прокололи ширь небес купола,
От глупцов до истин Божьих видать,
И течет смолой людская толпа
За молитвы покупать благодать.

Подаянием в суму – воровство,
Мятным пряником не давятся в пост,
Серебро на душу камнем легло,
Не дает идти, хоть вой, в полный рост.
На размен в карманах – злые слова,
Похоть в мозг толкает ложную суть,
Врут, да так, что Станиславский, чудак,
В умиление мог бы слезы смахнуть.

На детей обиды – бревна в глазу,
Зависть сон уносит, клятвы, так – вспять
Я в толпе со всеми к Богу иду,
Что и все, за покаянье, искать.

Прибирать в душе на праздник взбрело,
Соскоблить за раз – лихая мечта,
Слепо верим в без труда волшебство,
Хоть и финиша маячит черта.

Совесть – лот, ушла давно с молотка,
А вернуть теперь – втройне не скупись!
На крестах висят бельем облака
Их отстирывать – на целую жизнь.

Сестре...

По улице моей метет метель.
Привычный слоган, и мотив уносят..
Где папа молод, и рябины гроздь
Нам рвет для бус. Наперевес – портфель.

В горчичный цвет покрашена стена,
Искусственное чудо вместо ели,
Каникул мандариновых недели,
Желанных, как далекая весна.

Винил в ходу. Беспечная пора.
Нас бабушка на праздник провожает.
Мне длинный шлейф, слегка, идти мешает
Такой же хвостик младшая сестра.

И сколько помню, было так всегда
Само собой, по априори – надо,
А вот теперь, с минувшим листопадом,
Тоска на рельсы пятерней легла.

По улице моей метет метель.
Крупа об окна бьется в чьи-то слезы.
Кого люблю, я проводила в осень,
Перекрестив стальную параллель.

Я уйду...

Я уйду, лишь дождусь обязательно мудрый рассвет,
Когда мысли "в сердцах" безвозвратно гротеск свой теряя
Весом нетто ложась, демонстрируют сути скелет
На весах у Фемиды, где гирей – размер наказания.

Когда хватит ума различать, что не ведает глаз,
Проводить параллель, как анализ причины и следствий,
Наступая на грабли – сознательно – в тысячный раз,
Не позволить природе в доспехи цинизма одеться.

Я уйду, обещая других без нужды не судить,
В зеркала наблюдать – вообще, штука очень чудная.
Не боясь, не прося, там моя путеводная нить
Имя СОВЕСТЬ избрала себе, и боится от края.

Когда внутренних сил будет столько, что черных полос,
Право, тщетно раскатывать мили и, вдоль направляя,
Ждать, что я упаду... Неужели вы это всерьез?
С птицей Феникс тягаться – заведомо фишка пустая.

Я уйду, научившись красиво, без боли стареть,
С верой в прочный союз между разумом, сердцем и телом,
С пониманьем того, что моя неприметная смерть
Будет очень полезным и вовремя сделанным делом.

Жизнь любя, пуще царских подарков, и страсти в ответ
Ожидая взаимной – должно, непременно, так стать,
Скинув ворох проблем, что поможет распутать рассвет
Я уйду в старый парк на качелях, как в детстве, качаться...

Погодно-безобразное

Погодобезобразие – везде,
Как будто там, в небесной цитадели,
Все клерки сговорившись захотели
Испортить биографию весне.

Напутали в делах, что – ой держись, –
Подшив листы не соблюдая даты
Так, что теперь у девки конопатой
Сплошное наказание, а не жизнь.

Дней двадцать семь ей отроду должно
Быть по бумагам. Да кому докажешь?
Двор по уши завален снежной кашей,
Что абсолютно в марте не смешно.

А впрочем, полно сетовать на власть –
Сегодня день рожденья у сынули!..
Хоть с календарной нас весной надули
Она тайком к нам в сердце пробралась.

Алексей Лисовицкий

Метаморфозы

метаморфозы
думаю я
сам метаморфоз
думают мои небьющие часы
сами метаморфозы
думают мои небьющиеся часы
изобъём
затихая шепчут мои часы
не хочу взводить механизм
взвожу

Междометие

Если вектор незримых вещей
задевает шум в голове:
лежат, как замороженные палтусы, на плотве,
ряды лучших обитых врачей.

На плотве, уплывая лежит трюмо;
слившись с красным закатом, пламя
плавит кварц
и не тронув,
не тронув его.
Гаснет Марс.

Но побег, в воде находя небеса,
Входят в глаз,
Освещённые светом средин.
Междометие - метка, где все полюса,
Там, где все полюса - один.

Сезон засухи

В середине самой сухой саванны -
в сезон засухи -
одиноким слон
пел о перелётных пингвинах,
которые, навсегда его покинув,
ещё вчера жаловались,

что, не найдя приюта,
путешествуют,
специально сядясь на рейсы с пересадками
в крупнейших холодильных камерах мира.

Один из них даже рассказал, что
где-то есть забытый и заброшенный холодильник -
не то Siemens, не то ЗИЛ,
который ждёт своего пингвина-отшельника
уже сотни (если не тысячи) лет.

А пингвина всё нет и нет.

Пепел пустоты

Закидывает ноги в стол,
А голову в разверстие печи,
Анализировал собранья колб,
Держа глазами в распахнувший ветер.

Стекло не бьётся, если в поле ваты,
А если ватный шарик, то перекасти -
Не собирая целлофановые грозы,
Как странные образования Юпитера.
Вокруг зрачка кольцо, идущее по вектору
Вокруг верблюда. Это моя игла,
И я на ней стою - по сотне ангелов
По сторонам пустынь, безводных,
Которые заколдовал мой вид.

Я ангелов всегда имел в виду,
Но только после, до или во время,
И если есть один всегда, то это его бремя -
Всегда ворочаться в мою слепую зону.

Он изворотливейший практик,
За это указательным коснусь.
Не то, что теоретиков невидных,
Которые так машут мне руками.
Имеющий глаза да оскопится.
Пойду по самым древним повтореньям,
Которые писал как то, что я сейчас пишу.
Освобождённый воздух вылетает за пределы,
Освобождённый космос заполняет всё. Вокруг

Не рассыпаю случай, объясняя - извиняюсь.
Хотя я больше, и мои масштабы велики,
Как не подавший руку Бог.
Но только не как свой, родной,
Который всех услышал,
Который всех вас любит и родит

Из пепла моря, что у моряков,
Из пепла пустоты, что в сухопутных верах,
Из пепла времени, из тысячи времён,
Из пепла доброты, дающей благо,
Из пепла пустоты, что в душах моряков,
Из пепла пустоты, что в сердце доброты,
Из пепла моря времени на облаке путей,
Из пепла моего, ведь я есть воля,
Из пепла воли - самой сути хода,
Из пепла тлена - самой сути хода,
Из пепла - самой сути тлена,
Из пустоты, истлевшей на ходу,
Но море движется по сильной воле.
И часто непонятна доброте.

И это очень просто, если ты вдыхаешь воздух,
выдыхаешь,
Заполняя.

Я вижу эту картину

Я вижу эту картину
где я в кадре через один
потом через два и как-то рвано
уплываю с плёнки

не знаю
куда с плёнок уходят люди
если в них ещё живо действие
в дни весеннего равноденствия
стирается сторона

беглым почерком набирая побуквенно
поторопился всё записать
пойду стирать вещи
в своей шумной
пугающей
стиральной
машине.

Дмитрий Голин

***

Ю.И.

у пустоты жизни
по утрам любимая спина
женщины спешащей на работу
и застежка неизреченного
это молния в руке твоей господи
или

у женщины жизни
по утрам за спиной любви
пустота спешащая на работу
но эта застежка неизреченного
все же молния в руке твоей господи
или

за спиной пустоты
по утрам любимая женщина
на работу спешащей жизни
а застежка неизреченного
все равно это молния в руке твоей господи
если даже

женщина твоей жизни
не спешит на свою работу
у любимой тобой пустоты
такая утренняя спина что ее застежка
это неизреченная молния
вот она
и она в руке твоей господи

***

тургенев почитал Достоевского и сошел с ума
Чехов почитал Андреева и сошел с ума
Горький почитал Платонова и сошел с ума
Блок почитал Бугаева и ушел на фронт
Бугаев почитал Бердяева и от него ушла жена
Бердяев почитал Штайнера и сломал стул
Флоренский почитал Майкельсона и заинтересовался
практикой ритуальных убийств

толстой почитал полное собрание сочинений дюма и
опростился
гоголь почитал пушкина и стал зябнуть
а пушкин в это время сидел глубоко под землей
в секретной тюрьме пво и читал монтеня
если завтра на весеннем празднике вечной нефти
он не прочтет свою новую гениальную импровизацию
в честь нетленного сиянья всепобедного алмаза
главной управляющей компании правящего дома
сасанидов
с него снимут кожу кожу набьют соломой
а чучело повесят на городских воротах бетлабада
для всеобщего народного просвещения

[инок(и)кони]

1.
вот
инок и кони
а вот
конь-инок
2.
иной хоть инок
а инок
а иной хоть и конь
а инок

[В ТРАМВАЕ]

ну чё я парюсь
чё я дергаюсь?
никто же не знает
что я это я
думают просто мужик

ЗОЛОТОЙ МОЛОТОК СЧАСТЬЯ

Все существа изначально
свободны и счастливы.
Но не знают об этом.

И НЕ ХОТЯТ ЗНАТЬ.
(-- КАК ИМ ПОМОЖЕШЬ?)
ТАК ЧТО ВМЕСТО СВОБОДЫ И СЧАСТЬЯ --
СПЛЮШНОЕ ВСЕОХВАТЫВАЮЩЕЕ СТРАДАНИЕ...

НО КТО ЖЕ ПРИЗНАЕТСЯ, ЧТО СТРАДАЕТ?
-- ДУРАКОВ НЕТ!
-- СТРАДАТЬ -- ГЛУПО!
-- СТРАДАТЬ -- НЕ МОДНО!
-- СТРАДАЕТ ТОЛЬКО ДУРАК.
А УМНЫЙ... -- КАК БЫ НЕ ТАК! --
УМНЫЙ ДЕРЖИТ В РУКЕ МОЛОТОК --
ЗОЛОТОЙ МОЛОТОК СЧАСТЬЯ! --
БЬЕТ СЕБЯ В ГОЛОВУ И КРИЧИТ:
-- Я СЧАСТЛИВ! Я СЧАСТЛИВ! Я СЧАСТЛИВ! --
ПОКА НЕ ПАДАЕТ ЗАМЕРТВО...

ЕМУ ВЫЗЫВАЮТ СКОРУЮ, ВЕЗУТ В БОЛЬНИЦУ,
ОКРУЖАЮТ ВНИМАНИЕМ И ЗАБОТОЙ,
ГОВОРЯТ УМНЫЕ СЛОВА УТЕШЕНИЯ:
-- ТЫ УСТАЛ, ТЕБЕ НУЖНО ОТДОХНУТЬ...
МОЛОТОК СДАЮТ НА ХРАНЕНИЕ В НАДЕЖНЫЙ БАНК
ИЛИ БЛИЗКИМ РОДСТВЕННИКАМ,
ЧТОБЫ, НИ ДАЙ БОГ, ЧЕГО НЕ СЛУЧИЛОСЬ...

ИНАЧЕ ПРИДЕТСЯ ПОКУПАТЬ НОВЫЙ МОЛОТОК СЧАСТЬЯ,
А ЭТО СТОИТ БОЛЬШИХ ДЕНЕГ И НЕ КАЖДОМУ ПО КАРМАНУ.
НИ ДАЙ БОГ ПОТЕРЯТЬ ВОЛШЕБНЫЙ МОЛОТОК СЧАСТЬЯ!
ПРОЩАЙ КАРЬЕРА И ПОЛОЖЕНИЕ В ОБЩЕСТВЕ...
ТОГДА ЛУЧШЕ ВООБЩЕ НЕ ВЫХОДИТЬ НА УЛИЦУ
И ЖИТЬ ПОД МОСТОМ В КАНАВЕ...
ТОГДА ВСЁ КОНЧЕНО.

СКОРО УМНЫЙ БОЛЬНОЙ ПОПРАВИТСЯ --
ГОЛОВА ЗАЖИВЕТ, РУКА ОКРЕПНЕТ -- И ЕМУ
В ТОРЖЕСТВЕННОЙ ОБСТАНОВКЕ ПРИНЕСУТ ЕГО МОЛОТОК,
ТОЖЕ СЛЕГКА ПОДНОВЛЕННЫЙ,
ПОДЧИЩЕННЫЙ И ПОДКРАШЕННЫЙ
(СОГЛАСНО СТРАХОВЫМ ОБЯЗАТЕЛЬСТВАМ),
И ВЫПУСТЯТ В ОБЩЕСТВО,
ГДЕ СЧАСТЛИВЫЕ УМНЫЕ ЛЮДИ
С МОЛОТКАМИ В РУКАХ

(НЕ КАКИМИ-НИБУДЬ ОТСТОЙНЫМИ
ДЕРЕВЯННЫМИ КОЛОТУШКАМИ ДЛЯ ЛУЗЕРОВ,
А РЕАЛЬНЫМИ ЗОЛОТЫМИ МОЛОТКАМИ СЧАСТЬЯ!)
ПРИ ВСТРЕЧЕ
РАДОСТНО БЬЮТ СЕБЯ В ГОЛОВУ
И ГРОМКО КРИЧАТ:
-- Я счастлив! Я счастлив! Я счастлив!

***

я СПРОСИЛ у Бродского
я СПРОСИЛ у Лившица
я СПРОСИЛ у Наймана
я СПРОСИЛ у Кушнера

ВСЕ ОНИ РЕШИТЕЛЬНО
ТРЕЗВО И СОЗНАТЕЛЬНО
ПОСМОТРЕВ ВНИМАТЕЛЬНО
МНЕ СКАЗАЛИ: Нет!!!

я СПРОСИЛ у Пригова
Дмитрий Александрович
НА АСФАЛЬТЕ ВЕТОЧКОЙ
ЧТО-ТО РИСОВАЛ

НЕ СКАЗАЛ НИ СЛОВА МНЕ
Дмитрий Александрович
ТИХО ПОКАЧАЛ В ОТВЕТ
УМНОЙ ГОЛОВОЙ

[ПЕСНЯ ОБ ИНОСТРАННОМ ПОРУЧИКЕ]

НЕ ЗНАЮ ЧТО ВСЕ ЭТО ЗНАЧИТ
ОДНАКО ЖЕ ВИДИТСЯ МНЕ
СОБРАНИЕ ПОЭТОВ БРОДЯЧИХ
ПО Рейну плывет на челне

НОВАЛИС НА НЕМ КАПИТАНОМ
И ШТУРМАНОМ Гейне на нем
И Генрих фон Клейст с Гельдерлином
ЕГО УПРАВЛЯЮТ РУЛЕМ

ВОТ В НЕБЕ СГУЩАЮТСЯ ТУЧИ
И ЖГУЧЕ ПЫЛАЕТ ЗАКАТ
ВСЕ БЛИЖЕ СКАЛИСТЫЕ КРУЧИ
А ВОЛНЫ ШУМЯТ И БУРЛЯТ

И ВОТ ИЗ ГУСТОГО ТУМАНА
ВЕРШИНА СКАЛЫ ПРЕДСТАЕТ
ПОРУЧИК ОДИН ИНОСТРАННЫЙ
НА ЭТОЙ ВЕРШИНЕ ЖИВЕТ

СМУГЛЫ ЕГО СИЛЬНЫЕ РУКИ
КРЕПКА ВОЛОСАТАЯ ГРУДЬ
СЛЕДИТ ОН - И ВЗОР ПОЛОН МУКИ -
ВОДЫ УБЕГАЮЩЕЙ ПУТЬ

У ГУБ ЕГО ЧЕРНАЯ ТРУБКА
И ДЫМ ОТ ЗАКАТА БАГРЯН
НА НЕМ ДАГЕСТАНСКАЯ БУРКА
И ЧЕРНЫЙ КАК НОЧЬ ДОЛОМАН

ПОЕТ ОН ПЕЧАЛЬНУЮ ПЕСНЮ
О СЛАВЕ МИНУВШИХ ВРЕМЕН
ПРОХОЖИЙ ОТ ЗВУКА ТОЙ ПЕСНИ
ПОРЯДКОМ БЫВАЕТ СМУЩЕН

ПОЕТ ОН О СЕВЕРЕ ДИКОМ
ГДЕ ВЗРЫВОМ РАЗОРВАН ШАХИД
И ВСЮДУ - ГЕРОИ УБИТЫ!
А ТЫ — ДЛЯ ЧЕГО НЕ ШАХИД?!

ПОРА УЖЕ БРАТЬЯ В ДОРОГУ
ПОД СЕРДЦЕМ НЕСТИ ДИНАМИТ -
СОСНУ РАЗЛУЧЕННУЮ С ПАЛЬМОЙ
КТО РАЕМ ЗЛАТЫМ ПОДАРИТ?

КТО ЕСЛИ НЕ БЕДНОЙ РОССИИ
В СНЕГАХ ЗАБЛУДИВШИЙСЯ СЫН
СЕЙ СЛАВЫ НЕБЕСНОЙ МЕССИЯ
СЕЙ ВЕЧНОЙ ЛЮБВИ МУЭДЗИН?

КАК СЛЫШАТ ТУ ПЕСНЮ ПОЭТЫ
ПОДЖИЛКИ У НИХ ТРЕПЕЩАТ
ТО ПЛАЧУТ ОНИ ТО СМЕЮТСЯ
ТО СЛОВНО КУТЯТА ПИЩАТ

И РАЯ ПРЕКРАСНОГО ГРЕЗЫ
ВСЕ НИЖЕ ВСЕ БЛИЖЕ КРУЖАТ
И ТИХО КАК В ПОЛЕ БЕРЕЗЫ
ПОЭТЫ В ЭКСТАЗЕ ДРОЖАТ

ЧЕЛНОК ИХ - КРУШИТСЯ И БЬЕТСЯ
ОБЛОМКИ ТЕЧЕНИЕ КРУЖИТ
И ДОЛГО ЕЩЕ НА УТЕСЕ
ПЕЧАЛЬНЫЙ ПОРУЧИК СТОИТ

НЕ ЖАЖДЕТ ОН СУЕТНОЙ СЛАВЫ
НИ СВЕТА ПУСТОЙ ПОХВАЛЫ
НО ТОЛЬКО БЫ ПЕСНЯ ЗВУЧАЛА
ХОТЬ РАЗ БЫ ОДИН ПРОЗВУЧАЛА
ПРЕД ВЕЧНЫМ ЧЕРТОГОМ АЛЛЫ!

НО НЕТ - НИ ЗНАМЕНЬЯ НИ ЗНАКА
НИ ДЭВ НЕ ПРИНОСИТ НИ ДЖИНН
НАПРАСНО ВО ТЬМУ ЗОДИАКА
ВЗИРАЕТ ПОРУЧИК ОДИН

ПРИЛЕЖНО И КРОТКО ВЗИРАЕТ
ПОКА ОЗАРИТСЯ ВОСТОК
И КАПАЮТ ГОРЬКИЕ СЛЕЗЫ
ИЗ ГЛАЗ НА ХОЛОДНЫЙ ПЕСОК...

А РЕЙНСКИЕ ВОЛНЫ ДРЕМУЧИ
А ВОЛНЫ БУРЛЯТ И ШУМЯТ
КОНЕЧНО ЖЕ ВСЕ ЭТО СЛУЧАЙ
ЗЛОЙ РОК НАВАЖДЕНИЕ И СЛУЧАЙ
ПОРУЧИК НЕ ВИНОВАТ

Серебряный век уфимской поэзии

В последнее время в Уфе наблюдается истинный расцвет поэзии, не грядет ли Серебряный век? Если лет десять назад наши поэты вспоминались отдельными громкими именами, то сейчас выросла целая плеяда поэтических самородков где-то 80-х годов рождения. Они очень активны, они участвуют в слэмах и поэтических боксах, выступают в кафе и парках, публикуются в Сети и в серьезных литературных «толстяках», они пишут в рифму и начитывают рэп, изыскиваются изысканным литературным языком и матерятся как сапожники. Словом, они всеядны и вездесущи! И это хорошо, это в духе времени. Неудивительно, что в солидный сборник «Поэтический путеводитель...» от Уфы вошли целых восемь человек, намного больше, чем от других городов, имеющих более долгую поэтическую традицию.

А в альманахе «Графит», с которым у наших литературно-критических журналов «Гипертекст» и «Персонаж: тексты о текстах» установились творческие связи, представлены следующие персоны. Александр Марьин – наш местный Маяковский, любящий читать публично, ярко, призывно. Сочетая увлечение стихами с актерством, Саша являет нам себя в разных обличьях, но стихи его неизменно актуальны, изобилуют реалиями Интернета, новинками гаджетов и обрывками рекламных слоганов. Варвара Малыгина – поэтесса, чьи стихи лучше всего слушать в ее исполнении, тогда они звучат как рэповая начитка, приправленная личным обаянием и искренностью девушки. Марианна Плотникова – первая ласточка новой поэзии, читает стихи со знакомым ахматовским завыванием, но на современные темы, близкие и хипстерам, и молодым мамочкам. Не чурается здоровой физиологичности и здорового же цинизма, одну за одной издавая книжки стихов как на родине, так и за ее пределами. Недавно, к восторгу поклонников, стала лауреатом премии «Поэтический дебют» журнала «Новая Юность». Теперь стихи Марианны выйдут отдельной книгой в Москве, в поэтической серии клуба «Классики XXI века». Михаил Кривошеев ворвался в литературный процесс и очень быстро доказал свое право на существование, хотя и именуется «Кривошеевым-младшим», потому что уже есть старший Алексей с той же фамилией. Наталья Санникова – интеллигентная радиожурналистка, автор многих передач, без ее микрофона не проходит ни одна литературная встреча. Ее стиль – густые, философичные стихи, полные аллюзий и сложных переживаний зрелого человека. Ольга Левина обычно повествует об интимном, сокровенном, ее поэзия филологическая, правильная, не приемлет глагольных рифм (потому что это не по правилам), но производит впечатление легкости и доступности для массового читателя.

Кристина Абрамичева, журнал «Гипертекст»

Александр Марьин

* * *

Я как чеховская героиня
О том чего не было плачу
Перескакивая с кокаина на героины
Пытаюсь поймать за хвост удачу,

Словить то ли кайф, то ли счастье в целом.
А получается только словить по роже.
За то, что мечтаю не очень смело,
И слишком мелочно, и слишком похоже.

Айфонно-шмоточные желанья
Не исполнит ни Джинн, ни щука.
Вместо золотой рыбки - золотая пиранья,
А цветик-семицветик вянет осенью, сука!

Кто-то лето проводит в тени,
Кто в Париже, а кто за МКАДом.
Я всю жизнь провожу в сомненьи,
Что ее провожу как надо.

Все поправляю торчащий волос.
Сам для себя уж прослыл страдальцем.
Антон Палыч, наверное, смеется в голос.
Сидя на облаке, тычет пальцем.

* * *

Я такой открываю блокнот
И почерком даже вполне медицинским
Записываю туда очередной оборот,
Что-то типа: Кто же бежит за Клинским?

Но проблема не в смысле строк.
Все экзистенциальней и проще по сути.
Ну, какой от моей писанины прок?
Ее не возьмет как речь будущий президент В.В.Путин.

Их нельзя растереть в порошок,
Сделать порох, как раньше умели китайцы,
И на охоте спустив курок,
Одним выстрелом пристрелить двух зайцев.

Они не рассеют слепому мрак,
Они не помогут найти Атлантиду,
Они не помогут вылечить рак,
Они никогда никого не спасут от СПИДа.

Нет смысла в стихах про любовь.
Среди дел великих это даже не дельце.
Пользы больше, если сдать на донорство кровь.
Или отдать свои вещи для погорельцев.

Варвара Малыгина

В музее Нестерова

Как-то сходили в музей с подругами вместе.
Отрок Варфоломей на картине Нестерова
Похож на отрока Кирилла Некрасова,
Что жил через подъезд и учился старше на класс.
А я была влюблена в него и стихи писала, -
Плохо, но много, - о том, что он лучший самый.
Чувства скрыть не могла, а картину видали эту
В учебнике, но не помню теперь, по какому предмету.
Сходство сие заметили все посвященные одноклассницы,
Ну, и шутят, а он надо мной издевается,
Потому, что в куртке хожу уж не модной маминой.
Стихи позже сожгла на костре ритуальном в ванной.
В общем, Некрасов на чувства мои не ответил.
Было то очень давно, еще в прошлом тысячелетии,
Вспоминать уже можно об этом без злости, без грусти.
Ныне, встретив такого, сказала бы «не в моем вкусе».
Да, меняются вкусы и приоритеты со временем,
И только картина в музее висит неизменно
С тех пор, как водили туда нас, наверное, классе в пятом,
А раньше еще в тот музей приходил мой папа,
Когда не был папой моим, даже не был взрослым,
Он-то потом ответил на мой вопрос,
Точнее, вопрос, что мне задала Альбина:
«Так почему не дописана эта картина?»
Думала, завершить не успел, но не всё так просто,
Оказалось, в процессе работы был порван холст, а
Законченная картина находится в другом месте.
Хотя мне последнее было и раньше известно,

Да остальные об этом, наверное, тоже знают,
Все изучали культуру родного края...
Чтоб стих завершить, не хватает мне пары строчек.
Да ладно, пускай остается вот так, незаконченным.

* * *

Зимний вечер. Морозно. Сипуха,
Словно чье-то гигантское ухо.
Или лучше сравнение с глазом,
Не с одним, а со множеством разных,
Не с одним, а со множеством мелких.
Циферблат электронный, без стрелки
Мне напомнит, что вновь понедельник
(Ну, да ладно, обычное дело)
Через пару часов уже. Снова
Я совсем ни к чему не готова.
Отложу вновь на следующий раз.
А район миллионами глаз
Равнодушно глядит, без укора.
Говорю себе, скоро, мол, скоро!
Сколько можно трепать себе нервы?!
Но никто не уходит первым.
Без конца. Начинаю сначала
Может, жаль мне, а может, мне мало.
Видно, просто боюсь, что потом
Вновь не будет вообще никого,
~~Кто станет любить меня~~
Кого я стану любить.

Марианна Плотникова

* * *

...как уходил, молчал, смущаясь вдоха
взмах воздуха ловил, как будто слово –
не улетай! мне плохо, плохо, плохо...
зима такая белая, большая
за дверью в мир тебя уже иного
в подъезде горкло пахнет пирогами...
так не прощаются. так помнят, не прощая
так остаются лучшими врагами

по лестнице шаги звучат, сбегая
застыв на время между этажами
а повторившись в гулком переходе
(случайно ли? от холода дрожали...)
ведут сойтись теплом на прежнем поле
где правда силой вырвется – нагая
не пристыдит. и даже не уколёт
а лишь напомним – прошлое уходит

сотри с щеки надежду, провожая

***

облака так белы,
потому что чисты,
или краску зажиллил Создатель?
или раньше истратил?

одинокая женщина моет полы
в нашем подъезде.

в Петербурге разводят мосты —
это значит —
ночи тоже белы,
как фата на невесте.

одинокая девочка смотрит на небо и плачет
в опустелом дворе.

наши жизни малы,
потому что пусты,
или время зажиллил Создатель?
или раньше истратил
на жуков в янтаре?

одинокая бабушка ждет своих внуков.
внуки очень милы,
но не едут. им стыдно и страшно.

летний вечер простыл
и закашлялся порцией звуков,
не успев рассказать
то, что было особенно важно.

Михаил Кривошеев**Уфимский полуостров**

Полуостров Уфа, кособокие крыши
перекошенных набок, облезлых домов;
непонятными знаками профиль твой вышит
на неровном холсте предсказаний и снов.

Полуостров Уфа – реализм невозврата,
три шурупа, завинченных в череп вождей...
Не крещенный огнем, но, однако, распятый,
ты робеешь от кашля весенних дождей.

Ты стоишь недвижимо, с головою в тумане;
влажных стен бесконечность – твоя колыбель.
Твоя песня ветров никогда не устанет,
и приезжих смущает твой «фасон де парле».
Ритуалами сна ты встречаешь с вокзала,
в перевёрнутом к черту российском клеше;
ты стоишь флегматично и совсем не устало
от забитых своих рок-н-рольных шоссе.

Ключья снега, как шкура облезлой коровы,
все же кажутся нужными на уфимском лице.
Перекресток времен, время думать о новом,
ну а ты почему-то плетешься в конце...

Полуостров Уфа, в твоём теле нечистом
голубые глаза на прохожих глядят.

Полуостров Уфа, полумысли таксистов;
в полусонных маршрутках полулюди не спят.

* * *

А. С.

Город жил, он дышал
непрочтенными стихами.
Не спеша кружил шар,
ты читала Мураками.

Повинуясь небесам –
вольным призракам печали,
ты кроила паруса
у полночного причала.
Город жил, вдыхая сумрак,
зажигая в окнах свечи,
город создавал рисунок
кистью первой вашей встречи.

Позабыв о направлениях,
город пел меридианы,
и в чужих стихотвореньях
он искал чужие страны.

Ты струны касалась нежно,
он творил из звуков краски,
так по-детски, так прилежно
создавал из снега маски.

Город жил. В его картинах
ты шагаешь в драных кедах
по лучам из паутины
от Уфы до Андромеды.

Наталья Санникова**Охота на**

*(Инструкция)
(Мураками ни при чём)*

Шаг первый – отбить от стада –
овца растеряна, когда одна, –
она уже не фокусирует взгляда
и вполне дезориентирована.
Шаг второй – завалить на спину –
в этой позе овцы почти слепы
и податливы, как глина,
можно даже что-то слепить
типа нелепой свиньи-копилки,
но мы отвлеклись. Шаг третий – связать.
В качестве пут хороши чулки
капроновые – не режут кожу.
Но, если чулки негде взять,
простая верёвка сойдёт тоже.
Шаг четвертый: чтоб знала бога в лицо,
слегка надавить на шею коленом
и, когда зрачки расширятся,
обычным железом, не калёным,
можно стричь.
Один мешок – на *фуфайки*.
«Пойми, овца, ничего личного –
у меня дети маленькие,
да хозяйке – мешок в придачу
к ее корыту,
чтоб не шерстила за бедность быта».
Но овечьим ли мозгом такие осилить детали?
Вот хозяин стрижёт и плачет.
Охотник, как бог, сентиментален.

Виденье

Утром было дурацкое настроение –
сахар не сахар и соль не соль –
маета фигней в стадии обострения,
тут еще он говорит: поиграем: я – Грэй, ты – Ассоль,
жди меня на берегу кафешки какой-нибудь, типа «Бриз»,
я на всех парусах примчусь на алой Тойоте.
ладно тебе, говорю, седина в бороду – мозг на вынос – уймись,
как привык, гори алым пламенем на своей работе.

И вот – никакой Тойоты – провонявший бензином ПАЗ,
автомобильное море прихлынуло к остановке «Центральный рынок»,
у бордюра на лавке – старуха – видно, что прижилась
среди плывущих мимо скользких по-рыбьи рыл. Но не рылась
в урнах, просто сидела, глаза закрыв:
клок алого бархата в космах, на плечах – черный драп в дырочку.
Поседевшая девочка, свесив ноги в обрыв
(океан за которым – космос),
стоптанными мужскими ботами болтала и улыбалась как дурочка.
На секунду взглянула – тишина после шторма на дне зрачков. Но
тут водила гаркнул кому-то: придурок, мол, двигай скорее –
«пазик» отчалил...
Где-то волны пьяны вишневым райским вином.
А здесь, да, не сахар – звездная соль в чай и
сухопутное солнце асфальтную рябь греет.

Ольга Левина

***

И – да, ты не так уж худа и слаба.
Юлой закружатся кудряшки у лба.
В мужчинах есть что-то
От скучного Лота,
А в женщинах – от соляного столпа.

Теперь он пытается выдернуть кисть –
Лисе бы так лапу свою перегрызть.
И, вроде, возмездие
Было уместным,
Но, может быть, Лот и кричал: «Обернись»?

***

Музыкальная зима

Мне кажется, что я схожу с ума...
Но эта клавесинная зима
Никак не даст в себе разубедиться.
Звучит по стёклам и сухим ветвям,
Заиндевелым грифам и слогам,
Рискуя вниз сорваться и разбиться.

И я её не подпущу к огню,
От жаркого дыханья сохраню -
И до весны её защитой буду.
Чтоб слышать мелодичный перелив
И, нотный джин по клавишам разлив,
Переживать февральскую простуду.

Сергей Пиденко**ЗА ЖЕЛЕЗНОЙ КАЛИТКОЙ ПАМЯТИ**

До сих пор, через тысячи километров и почти полвека, слышу этот лай: яростный, протестующий, обиженный, зовущий... Иногда в голову приходит странное: скажи мне вдруг кто-то высший и сильный – жизнь твоя начнётся заново, но беды и потери твои умножатся, не будет у тебя того счастья и радости, что приходили к тебе подчас, в скорби и сетованиях будут проходить твои дни. Лишь одно обещаю взамен – пёс этот останется с тобою, радостно и благодарно подставляя свою кудлатую голову под твою ладонь, чутко и храбро сторожа у твоей постели, и с каждым рассветом вы вместе будете бежать по волглой ли траве, по хрусткому ли снегу в новый хлопотливый день. Лишь одно это обещаю тебе твёрдо. Соглашаешься?

И кажется мне, я согласился бы.

***

... Моего первого пса звали Налёт. Было мне тогда три года от роду. Родители только что переехали в поисках лучшей доли с Дальнего Востока в теплый Узбекистан, где я едва не умер в период акклиматизации, напрочь перестав принимать пищу, то ли вследствие жары, то ли по какой другой причине. Да не об этом речь – выжил-таки на радость отцу с матерью благодаря волшебному подарку – посылке с солёной кетой...

... По правде говоря, Налёт был не моим псом – папиным.

Отец мой был заядлым охотником. И не куража ради, как это обычно сейчас. По тем временам – начало 60-х – охота позволяла ему чувствовать себя добытчиком, кормильцем семьи. Да он и был им: на зарплату сельского электрика и учительницы начальных классов жилось непросто. И мясом семью обеспечивал именно он – ночными походами с ружьем и собакой.

Собаку он завёл, едва приехав в наши Хатырчи, небольшой кишлак под Самаркандом – голенастого подрощенного щенка русского спаниеля с самым подходящим для охотничьей собаки именем – Налёт.

Шустрый, игривый, добродушный и умный, Налёт с восторгом уходил с отцом в ночные путешествия по окрестным рощицам вдоль каналов с мутной, зелёной, стремительно бегущей куда-то водой, и, по словам отца, споро и умело выполнял свою работу – приносить подбитую дичь.

Моё же общение с Налётом, как помню, началось с конфликта. Жили поначалу у бабушки моей, Матрёны Давыдовны, в уютной саманной мазанке с глиняным полом. В пыльном дворе с парой низких чахлых вишен я играл, распугивая ленивых кур и сторожась роскошного забияку-петуха с мощным алым гребнем, чуть свисавшим набок. Игра была незатейливой: я, почти 3-х летний карапуз, бросал или пинал маленький резиновый мячик, раскрашенный в четыре краски,

и радостно его догонял, для верности падая на него всем телом. У дверей мазанки в своей конуре спасался от дневного зноя – Узбекистан же! – Налёт, лениво и внимательно следя за всем, что делалось во дворе.

Очередной мой неуклюжий пинок отправил мяч прямёхонько в проём собачьей конуры, и пёс, видимо, воспринял этот пыльный, мягкий шар, как неожиданную, но вполне законную добычу. И когда я, с бездумной напористостью полез в конуру за своей игрушкой, Налёт тихо, но внушительно зарычал и, дабы предупредить мои дальнейшие посягательства на его владения, осторожно прихватил мою загибающуюся ручонку зубами.

Я же, по обыкновению мелковозрастных охламонов, поспешил напугаться, взхлёб разрыдался, главным образом заботясь, чтобы рёв услышали взрослые и поспешили выправить мои затруднения.

Помню голос отца, с улыбкой убеждавшего, что Налёт не хотел меня пугать и, тем более, кусать, он просто тоже играл с мячиком. А я всё плакал, плакал, но обиды в моём плаче уже не было. Я понял, что у меня, оказывается, появился партнёр по играм.

***

Следующий раз помню Налёта уже в квартире, выделенной родителями в маленьком доме на двух хозяев, эдаком советском «таунхаусе». Отец, сколько помню, всегда мастеровитый и ладнорукий, затеял сооружать собственную мебель: точеную этажерку и кухонный стол с широкой столешницей, двумя выдвижными, мягко скользившими ящиками для ложек, вилок и прочей столовой мелочи и двумя большими дверцами в посудное отделение, в котором пока ещё не было полки, зато лежал ворох замечательно вьющихся и дивно пахнущих стружек. А ещё там было притягательно-темно.

Мы с Налётом играем в прятки. Я, разумеется, всегда прячусь в стол – как раз по моему возрасту и размеру убежище – зарываясь в стружки и таинственную темноту... А Налёт, разумеется, всегда меня находит, просовывает в щель приоткрытой дверцы свою длинную морду, и мне в лицо победно тычется влажный прохладный нос. Я радостно смеюсь, оглушая себя своим же смехом в маленьком деревянном пространстве, и вжимаюсь в дальний угол, всё ещё прячась, но Налёт уже влезает передними лапами в мой ящик и шумно сопит мне в ухо, щекоча горячей и мокрой теркой языка...

Сколько игр и забав было потом в моей жизни, а эта, самая немудрящая, греет больше всего...

***

... Каналы с мутной и зеленой водой. Я помню их. С папой и мамой иду по серой земле вдоль берега широкой, очень широкой канавы – оросительного канала, по самому краю которой прижались к спекшейся от жары земле тускло-

зелёные листья конского щавеля и длинные узкие колючки. Я предусмотрительно держусь подальше от края канавы, где вода неудержимо несётся куда-то, быстрая, весёлая, зовущая бежать с ней вровень. И я бы побежал, конечно, побежал взапуски с ней, весёлой зелёной водой. Но мама старательно стискивает мою руку, и я покорно сдерживаю шаг. А папа уже ступил на мостик через канал. Это так называется: мостик. Я бы ни за что так его не назвал – узкий, одному еле пройти, вихляющийся настил из хлипких скрипучих досочек, с широченными щелями между ними, на двух тонких провисших металлических канатах, и ещё один канатик, верёвочный, на высоте моего роста, чтобы держаться за него при переходе. Но я-то могу пройти под этим перильцем, не нагибаясь, просто так, вывалиться наружу, едва настил качнётся под ногами. А самое страшное, что вода, казавшаяся с берега весёлой, игривой, зовущей побегать наперегонки, с мостика выглядит совсем иначе: бурлит, пенится, ревёт даже. Вода утягивает мой взгляд туда, вниз, под этот вихлястый мостик, и я сам втягиваюсь под мостик неудержимо и жутко. А там, внизу, где мне никто не сможет помочь, ведь под мостиком меня не увидеть – вода, мутная, зелёная зверюга, жадно чавкнет и... что? всё?!! Я судорожно цепляюсь обеими руками за разлохмаченный, обтрепанный, такой ненадёжный канатик-перильце, широко расставляю дрожащие подгибающиеся ноги и смотрю, смотрю вниз. Папа смеётся, мама сердится, они оба что-то говорят мне и друг другу – я не слышу, что – и мостик раскачивается всё сильнее и страшнее. И тут я почему-то думаю: а как же Налёт? Он ведь два-три раза в неделю бежит с папой на охоту и уж наверняка не раз переходит по этому мостику. Даже перебегает. Мостик качается под его лапами. А он ведь ещё меньше меня, и старый, истёртый канатик никак его не удержит. И никто не возьмёт его за руку, не удержит. И Налёт всё равно перебегает по этому мостику даже ночью, а лапы его тоньше щелей между досками. А он бежит. Хотя, может, боится ещё сильнее моего, бежит, бежит через мостик. Этот дурацкий, раскачивающийся, ненадёжный мостик, на котором я стою, оцепенев от ужаса. Нет, не стою, уже иду, не в силах оторвать рук от перильца, и редкие вертикальные стойки больно ударяют меня по пальцам: разожми, разожми! Но я иду, перебирая ногами, как это делал бы Налёт, стараясь не попасть в щели сандаликом. Я иду всё быстрее, а мостик всё не кончается и не кончается. Он качается – я иду, быстрее, быстрее, быстрее! И на противоположный берег уже – выбегаю. Из последних сил выбегаю.

Метров десять там было, всей длины мостика, припоминали потом родители. Двенадцать от силы.

На другой день, в детсаду, я рассказываю моему другу, соплисту Абудару, про канал с мутной зелёной водой и мостик над ним. Абудара все так и зовут: «соплистый Абудар», за стойкое презрение к вопросам гигиены, и я, поддаваясь влиянию взрослых ревнителей аккуратности, несколько свысока (в фигуральном, разумеется, смысле) посматриваю на своего друга.

Абудар внимательно выслушивает мой рассказ, мутная зелёная вода, жадно чавкающая под хлипким мостиком, производит впечатление и на него, но с восточной

невозмутимостью он предлагает возможный выход: а если самому её проглотить, эту воду? Пьем же мы воду из кружки, и ничего!

Я с сомнением обдумываю предложение и не могу согласиться. Мама говорила мне как-то, что воду в арыках (а это ведь те же каналы, только совсем маленькие) пить нельзя – заболеешь и умрёшь.

Абудар слегка подправляет рукавом движение длинной мутной капли из его носа и авторитетно возражает: это если не проверять. А проверить легко. Достаточно плюнуть в воду. Если слюна тут же разойдется, значит, вода безопасна и пить её можно. А вот если не разойдется, а так и будет плавать, тогда, конечно, такую воду станет пить только ненормальный. Ну, и ещё собаки, разумеется.

Я тут же вспоминаю, что мой пёс несколько раз в неделю бежит по мостику через канал.

– Твой пёс? – задумчиво смотрит Абудар в пространство, стоически не обращая внимания на каплю, пересекающую его губы, – а кто его кормит, ты?

– Папа кормит, – признаюсь я.

– Тогда это не твой пёс, – подводит итог Абудар и широким взмахом рукава прекращает бесчинство мутной капли на своём лице.

Сражённый его логикой, я смотрю с уважением на своего друга, и с этого дня начинаю припрятывать то запеканку, то котлетку с полдника или обеда, чтобы по праву называть Налёта моим псом.

***

– Мактаб – школа.

Я сижу на последней парте в мамином классе. Иногда мама забирает меня из сада пораньше и приводит в школу, где учит детей постарше. Школа в том же доме, что и детсад, и нам с мамой это удобно. За какие-то 2 - 3 минуты моё положение в обществе резко меняется: из несмышлёного мелковозрастного детсадовца я становлюсь учеником четвертого класса средней школы, в котором моя мама преподаёт русский язык. Или узбекский. Я так и не пойму, ведь мама говорит слова по-русски, потом по-узбекски и наоборот.

– Учительница – муаллима.

Это моя мама – «муаллима». Я оглядываюсь по сторонам, мне улыбаются смуглые лица, я понимаю, что мамины ученики любят её и поэтому смотрят на меня по-дружески. Я улыбаюсь в ответ, но тут же спохватываюсь, ведь идёт урок.

– Окувчи – ученик.

Я чувствую гордость, ведь в эту минуту и я – «окувчи». Ребята смотрят на меня и беззлобно смеются, такой у меня важный вид. В руке у меня карандаш,

и на бумагу ложатся каракули: я старательно перечерчиваю в тетрадь то, что мама пишет на доске.

– Калам – карандаш.

– Дафтар – тетрадь.

– Дарслик – учебник.

У нас в доме потом долго лежал учебник русского языка для узбекских школ. Иногда он попадался мне, когда я перекладывал книги на этажерке, сделанной отцом, я раскрывал желтые страницы и со странным чувством узнавания читал забытые слова...

– Синф – класс.

– Китоб – книга.

На сохранившейся до сих пор этажерке сейчас лежат совсем другие книги, но тот учебник, надеюсь, ещё где-то прячется в нашем доме, стоит только поискать.

– Кучук – пёс, – неожиданно говорит мама. Я поднимаю глаза – мама, улыбаясь, смотрит на меня. И я понимаю, что это слово она сказала специально для меня, чтобы напомнить о Налёте. И улыбаюсь в ответ.

– Пахта – хлопок.

– Пахтакор – хлопкороб.

На следующий день наш детсад идёт убирать хлопок. Воспитательница наскоро объясняет нам, как важно для всей нашей страны, что в Узбекистане есть свой хлопок и его не надо привозить из других стран. Пока мы ещё малы, но скоро подрастём и будем помогать взрослым в уборке такого нужного для всех хлопка. А сегодня идём знакомиться с тем, как убирают хлопок. Я, преисполненный гордости от сознания всей ответственности предстоящей задачи, беру за руку Абудара, и наша маленькая колонна бодро семенит к недалёкому хлопковому полю, сразу за окраиной нашего кишлака. Нас водят вдоль бесконечных гряд с коричневыми рукастыми кустами, с полуоткрытыми корявыми коробочками, в которых пенится хлопок, похожий на мороженое в вафельном стаканчике (такое я ел в Самарканде). Нас подводят к делянкам, на которых хлопок уже убран комбайнами, но кое-где в коробочках по-прежнему торчат белые комочки. Нам объясняют, что и мы сейчас можем помочь взрослым и собрать хлопок, оставшийся после комбайна. Хлопковые коробочки жёсткие и больно царапают ладони, но сам хлопок, на удивление, мягкий и ласково льнёт к пальцам. Мы быстро собираем по пригоршне невесомых волокон, нас отправляют к комбайну, застывшему невдалеке, и наша ребячья цепочка с белыми комочками в руках напоминает утреннюю гряду маленьких кучевых облачков, что тянутся в ослепительно-синем небе к отрогам Памир-Алая, сверкающим на горизонте. В огромном синем коробе комбайна нам открывают небольшую дверцу сбоку и мы по очереди запикиваем в отверстие крохотные порции хлопка. У нагретой туши комбайна я задерживаюсь: мне жалко расставаться с маленьким белым чудом, липнущим к моим пальцам. Но воспитательница строго окликает меня, и я, обдирая

ладони, быстро сую свою порцию хлопка в комбайн, где она мгновенно теряется в бело-серой грудке. Пока я размышляю, как это странно, что отдельный комочек хлопка, ярко-белый в коробочке и в ладони, оказавшись в комбайне, мгновенно становится грязно-белой кучей, нас уже снова строят в колонну и ведут обратно в детский сад.

Вечером, по дороге домой, я рассказываю маме, что из хлопка делают одежду и..., и замолкаю на полуслове, озарённый внезапной мыслью:

— Мама, а ведь хлопок такой же мягкий, как шерсть Налёта!

И, когда мама соглашается со мной, развиваю свою мысль:

— Но ведь из хлопка делают вату, чтобы прикладывать к ране. Значит, и шерсть Налёта можно прикладывать к ране?

Мама не просто соглашается со мной, она рассказывает, как собаки способны излечивать раны, вылизывая их, а ещё из собачьей шерсти можно сделать целебную повязку, помогающую людям с больными ногами или спиной.

В этот вечер, скармливая Налёту ватрушку, припрятанную в полдник, я с уважением смотрю на его кудлатую голову и бережно глажу мягкую лёгкую шерсть возле собачьего уха...

***

...Под моей рукой мягкая собачья шерсть. Поздние сумерки, недлинная пустая улица с рослыми акациями по обеим сторонам, дома с погашенными окнами. Уличных фонарей нет. Мы ждем отца из командировки, выстроившись посреди улицы по росту: мама, я и Налёт. Моя правая ладонь — в маминой руке, а левая — лежит на голове пса.

Мы ждём и волнуемся. Каждый по-своему и каждый по своим причинам. Мама (совсем молодая, ей не больше 24-х!) время от времени нервно стискивает мои пальцы и что-то неслышно шепчет. Это было время их острого семейного разлада, связанного с частыми поездками отца в Самарканд на какие-то курсы, и своевременное его возвращение давало надежду, что не всё ещё, не всё потеряно. Я измучился ожиданием. На улице пусто, темно и страшно. Приедет папа — и мы вернемся в освещённый уютный дом, будем ужинать, говорить, смеяться, а первым делом, папа поднимет меня на руках и подбросит, высоко-высоко, жуть и счастье во всём моём существе! А потом оцарапает мою щёку своей щекой, и это тоже будет счастье — папа дома.

А Налёт молча подрагивает под моими пальцами. Он ждёт, напряжённо всматриваясь в темнеющую даль, самого главного для себя человека, своего Хозяина и Друга, с чудным родным запахом, и с надеждой уже скоро, на следующую ночь, а может, даже этим утром отправиться в дальний поход по рошицам и полям вдоль каналов с мутной зелёной водой.

Воздух тёмно-синий, густой, с едва заметными волнами прохлады с предгорий Памир-Алая. И тут — в конце улицы появляется человек! Темная, плохо различимая фигура, едва заметная нетвёрдость в походке, но у меня разом

срываются все тормоза. Мама растерянно выпускает мою ладонь. Налёт дыбит шерсть и ворчит недовольно-угрожающе, а я уже бегу, бегу, бегу и – почти лечу – «папа!» И в нескольких шагах от него – вдруг понимаю: не он! Это не папа! И, пугаясь чужого нетрезвого дядьки, в обиде от собственной ошибки и обманутых ожиданий, с рёвом бегу назад и утыкаюсь – не в маму, а в мягкую длинную шерсть Налёта, обхватываю его, крепко прижимаюсь и постепенно затихаю, пока он вылизывает мои солёные пыльные щёки. Над нами чуть слышно всхлипывает мама, и неловко бормочет извинения дядька.

***

– Папа уехал в Самарканд, чтобы жить у чужой тёти, и мы с мамой теперь едем за ним!

Соседи в автобусе внимательно слушают меня, внимание взрослых чужих людей лестно мне, и я не обращаю внимания на то, что мама дёргает меня за руку и чуть не кричит: сынок, замолчи, хватит!

Я досконально знаю всю эту историю, ведь мама рассказывала её бабушке, а мои ушки в такие минуты там, где им и полагается быть – на макушке.

Папа поехал в Самарканд учиться на курсы электриков. И в один из вечеров, возвращаясь в общежитие, попытался защитить от хулиганов незнакомую девушку. Папа, как следует, надавал им тумаков (ещё бы!) Но один из хулиганов успел ударить девушку по голове то ли палкой, то ли камнем. Она попала в больницу. А папа стал её навещать, чувствуя свою вину в том, что не до конца защитил её. Девушка, конечно, влюбилась в своего спасителя, а папа, наверное, чувствовал себя рядом с ней настоящим мужчиной и героем. Вдобавок оказалось, что главный из хулиганов – сосед девушки, обижавшийся на неё за то, что она не отвечает на его внимание так, как надо. Папе и дальше пришлось защищать девушку, да ещё и самому защищаться. Разве мог он в этой ситуации отступить? Он ведь не ухаживал за девушкой. Нет, ухаживал, конечно, но как за больной и своей подопечной, разве нет? А потом оказалось, что в голову и сердце вкралось такое, что надо срочно решать, как быть, ведь дома ждут молодая жена и маленький сын. «Я не верю тебе, – кричала девушка, – скажи, что ты обманываешь, и нет никаких жены и сына!» И папа виновато вздыхал и опускал глаза. «Как ты можешь, – кричала мама, – ведь у тебя жена и маленький сын!» И папа снова виновато вздыхал и опускал глаза. И снова уезжал в Самарканд. И снова возвращался. Мама сначала просто плакала, а потом сказала: «Если он не может разобраться в себе, я разберусь с ним». И поехала сама в Самарканд разбираться с ним. И меня взяла, разумеется. И вот я ехал с мамой в автобусе в Самарканд, и, к её ужасу, на весь автобус рассказывал эту трагичную историю. Соседи вздыхали и сочувствовали маме. А она сидела, красная от стыда, и дёргала меня за руку.

И вдруг в голову мне пришло самое страшное:

– Мама, – спросил я её шёпотом, – а если папа совсем уйдёт от нас, он, что, заберёт с собой Налёта?

И тут мама, наконец, расплакалась...

***

Господи, вот, собственно, и всех воспоминаний-то!

Семейный разлад, в конце концов приводит к решению переехать всей семьёй на юг России, в донские степи, подальше от злосчастной причины разлада. Дорога дальняя: на автобусе, потом на поезде, на корабле-пароме и опять на поезде, и ещё раз на нём же, и собаку, ну, никак, никак нельзя брать. Бывший хозяин Налёта соглашается взять его обратно. И мы с отцом ведём пса на его бывший двор, где ещё живёт сука, мать Налёта. И папа объясняет это мне, пятилетнему, видимо, пытаюсь успокоить себя самого. Пёс беспокоен, что-то понимая, предчувствуя – недоброе, временами останавливается, поскуливая, и смотрит на нас. Но мы идем, и он трусит следом. Потом снова останавливается, смотрит на нас с тревогой, и снова плетётся за нами. И хотя тут же следует радостная встреча с матерью, и обе собаки облизывают друг другу морды, хозяин быстро пристёгивает ошейник Налёта к цепи. И тогда мы, со стыдливой торопливостью прощаемся с Налётом, с хозяином, поворачиваемся и быстро шагаем к калитке. Высокий глухой забор, серая железная калитка равнодушно ждут нас. Я иду и - боюсь оглянуться. На папу я не смотрю, но знаю, он тоже идёт и - боится оглянуться.

И тут – Налёт начинает рваться вслед: бешено, одержимо, вдруг осознав, что мы уходим насовсем. Хозяин одергивает его, спокойно и сурово зовёт, но пёс хрипит и скулит задушенно, надеясь вырваться и догнать нас.

Гремит калитка, лязгает засов. Мы с отцом, крепко взявшись за руки, почти бежим. Моим пальцам больно, но сейчас это не важно. И тут, наконец, вместо хрипа и скулежа вслед нам несётся лай: яростный, протестующий, обиженный, зовущий. Налёт зовет нас, всё ещё не веря, что мы всё-таки ушли, оставили его, бросили. Предали.

Хозяин писал потом, быть может, в укор отцу, что Налёт очень долго и сильно тосковал, так до конца и не оправившись от своей тоски. Будто наяву вижу, как он нервно вскакивает на каждый лязг засова, скрип железной калитки, с надеждой вглядывается в каждого вошедшего и затем разочарованно укладывается на место: опять не те, не тот.

И прожил он недолго.

Отец больше не заводил собак, хотя и на новом месте охотился. Маныч – рай для охотников, и собака там была бы весьма кстати: озеро, камыши, куда и с лодкой-то за подбитой дичью добраться проблема...

Но папе хватило одного раза. Предавать, бросать и забывать он не умел.

И я забыть не могу.

Тольятти, июнь 2012 г.

Любовь Уколова.

Невидимый

Сказка

Было это давным-давно, в незапамятные времена. Жили тогда два брата; один был ремесленником, а другой разъезжал по городу с актёрскою труппой. Лицом он был красив, высок и строен.

Второй, старший, тоже был красив, но внешностью и душою более строг.

Полюбили друг друга младший брат и прекрасная дева. Пришла она к нему на день рождения, а в подарок перстень подарила. Тот перстень был не простым, а волшебным, то есть обладал он силою магической. Человек в чудное превращался, в то, чем себя он чувствовал (если чувствовал, однако, очень сильно).

Крепко обидел младший брат свою невесту, и она ушла, горюя. Обидел он и брата своего старшего (а тот любил его очень - и лелеял с тех пор, как родители братьев покинули этот свет).

Сказал он младшему, что тот ему безразличен стал – младший очень опечалился, убежал из дому и под силушкою перстня превратился в невидимое существо.

Горевал он, горевал и придумал, что ему благое дело надобно сделать – вроде как людям снова нужным стать, а стало быть, и видимым.

Город к тому времени захватили разбойники, а самого главного человека в нём и людей его в полон захватили. Деньги требовали.

Наш невидимый герой и спас их всех.

Пожаловал затем он за разбойниками, узнал то, что работают они на огнедышащего дракона. Узнал он и что деньги они меняют на траву для премудростей, которая некоторым людям в особую радость.

Ужаснулся Невидимый – стало ему известно, что на траву-то ту менял как раз главный человек в городе, а был он оборотнем-предателем.

Принял он своё страшное обличие и похитил невесту Невидимого и старшего брата его.

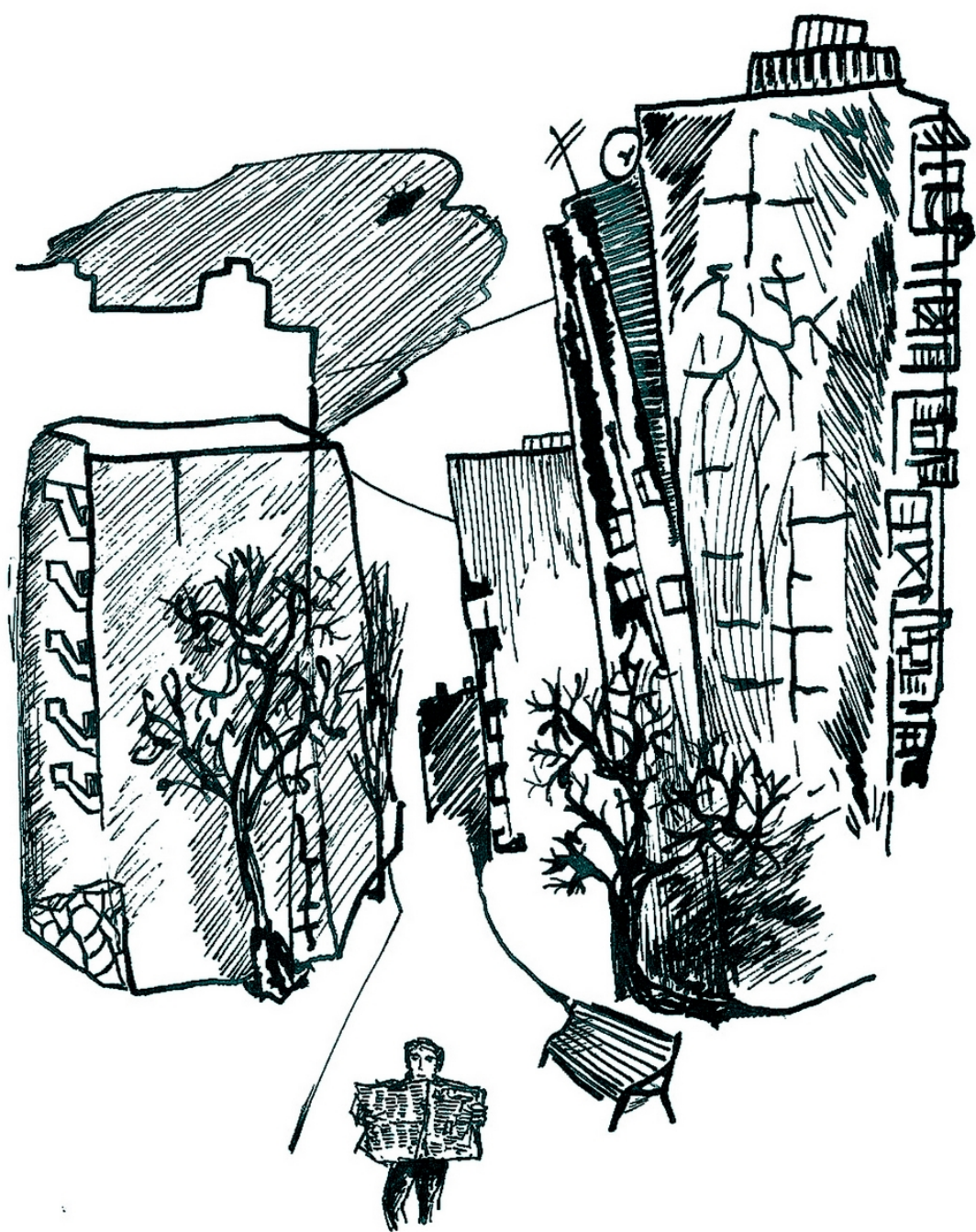
Надо ещё сказать, что брат и прекрасная дева его простили, потому что любили очень – они пытались его отыскать.

Выслушал Невидимого дракон, речи его слёзные и отвёз на крыльях своих мощных туда, где оборотень держал невесту и брата его в заточении.

Убил Невидимый оборотня, и долго потом он с любимыми людьми своими целовался-миловался.

А потом он снова стал видимым и красивым, как прежде, – потому что неважно на самом-то деле было ему, что люди чужие думают, а важно, что думают любимые и любящие.

Конец

Текст без заглавия и два стихотворения Алексея Шадрина

Тремя годами ранее начала Первой всемирной войны моя матушка родила меня в губернском городе, лежащем на слиянии двух больших рек – Волги и Самары. Был он тогда вдесятеро, если не вполста, меньше нынешнего. Чтобы осмотреть его с Волги, еще не поднятой запрудой под Балаковым, надо было немного задрать голову. Одни улицы, повторяя линию волжского берега, тянулись ярусами от крутого берега Самарки. Другие, поперечные, карабкались по склону, утыкаясь в степь. Запахи воды и соперничающие запахи степи сопровождали по ним противоположные несмешивающиеся ветры. Временами, летом особенно, казалось, можно было определить меж ними границу: потянув ноздрями, стать вполоборота там, где осязательные ощущения справа явственно отличаются от ощущений слева. Впрочем, граница днями спускалась до самой воды, и, даже сидя в лодке, можно было вдыхать смесь степных ароматов, из которых ясней и узнаваемей других были конопля и полынь. В ведро и по вечерам, а в половодье круглодневно, гору окутывали влажные ароматы рыб и речных растений.

Домов выше двух этажей в городе было столь немного, что я помню их все наперечет. Почти все они стояли на степном краю города. На широком приволжском скате самыми высокими были мельницы и колокольни. И редкая улица-ярус не начиналась с церкви, чье имя она и носила.

Сутки за сутками, протекая неспешно, делились на порции колокольными звонами. При первом, еще будто не совсем уверенном звоне колокола всякий, за вычетом редкого в городе иноверца, хоть на миг оставлял дела, осенив себя крестным знаменем. Я еще пребывал в мальчишестве, когда церкви города, следуя новой государственной моде, переделали из храмов в сооружения, более соответствующие измененным, благо, если не карикатурным, запросам. Но внутри меня каждый из дней моей жизни сопровождался неслышными другим колоколами.

На праздники улица текла на службу. Наш дом стоял вблизи храма и праздничный люд не мог его миновать. Обычно мы с братом ждали, сидя уже одетые у окна, когда родители выйдут сами и выведут в нас в уже иссякающий неспешный поток. Как ни замедляли мы путь, выдерживая степенность ходьбы и раскланиваясь с знакомыми, весь путь занимал считанные минуты. Церковь, где отпеты мои деды и бабки, венчаны родители и крещены брат мой и я, давно разобрана при строительстве моста через Самарку. Приложив ладонь к опоре моста, можно ощутить под ней камни храма моего детства.

При городском доме было принято держать сад. Тут же был дровник, летняя кухня и, в некоторых случаях, баня и конюшня. Настоящим смотром городского лошадного хозяйства была зима – запряженные в сани кони

выводились на лед и, нервно похрапывая, ждали сигнала к началу скачек. После первых гонок по скованной льдом реке катания не прекращались всю зиму. Даже в оттепель можно было увидеть оставленные полозьями глубоко врытые следы то ли безумца, едва ли тронувшемуся в путь на трезвую голову, то ли лихача, которому и своя жизнь не дорога, и чужая в полушку. Топились сами, топили лошадей и сани – только великий голод, во время которого иные поели даже людей, не говоря уж о лошадях, положил конец из года в год повторявшемуся укорененному в горожанах безрассудству. Но пока еще судьбой мне отпущено несколько лет до грядущих ужасов. Закутанный так, что морозный воздух касается только бровей и ресниц, я спускаюсь к реке. Кони роняют на снег дымящиеся коврики с торчащими из них соломинками.

Кому не светило места в санях, стояли на берегу. Впрочем, брали в пассажиры ребяташек охотно, а девиц и того охотнее. Сколько раз летел я вдоль города в санях по заснеженному льду и каждый раз чувство восторга не столько слабело, сколько возрастало все более.

Я не помню, чтобы снег, как это принято ныне, захламлял тротуары и дворы. Снегом набивали погреба, прихлопывая его и уминая. Оттаивали узоры на оконных стеклах, возвращались птицы – скоропортящиеся продукты в горшках, покрытых испариной, выстраивались на леднике. Забытое удовольствие: жарким летом нырнуть в прохладу, осторожно зажатую кирпичами, деревом и сырой землей.

Мать, Елена Николаевна, урожденная Вариханова, была моложе отца на тринадцать лет. Когда я родился, она была молодой женщиной. Отец же миновал середину земного пути. Родился он в семье купца первой гильдии Алексея Николаевича Шадрина. Как почти все русские, не принадлежащие к аристократическому сословию, подвигаясь к более далеким предкам, я натываюсь на непроглядную черноту. Изначальные Шадрины в наших краях – мордовские старшины, упоминаемые где-то на волжском правобережье под Сызранью. Имеют ли они к нам отношения – Бог весть. Но какие-то смутные мордовские корни я могу предполагать.

Основной работой отца была работа на мукомольном заводе, принадлежавшем нашей семье. Помню утреннее ржание запряженных коней: завод находился он на окраине города. Сейчас это уже считается городским центром. От завода, как ни странно, сохранилось до сих пор его основное здание, полностью переделанное внутри, и высокая кирпичная труба, не имеющая уже никакой цели, кроме сугубо эстетической. Теперь это сердце центра развлечений Kin-Up, разноцветные огни над нашим довременно усопшим семейным бизнесом дрожат в ночных волжских водах. Англицизм в названии развлекательного центра перефразирует название пребывавшего здесь же завода киноаппаратуры. Вопреки имени, как часто случается в отечестве, очарованном инфантильной тягой к секретности, выпускавшему не аксессуар «самого нужного» из искусств, а... противогазы.

Основание бывшему здесь изначально мукомольному производству положено не моей семьей. Дед мой, в честь которого и я был наречен Алексеем, выкупил производство и землю под него у купца Зворыкина. Кажется, родственника будущего изобретателя цветного телевидения. Батюшка мой в ту пору только приближался к совершеннолетию, по наступлении которого был послан учиться в инженеры. Обучался он, судя по всему, с увлечением, любовь к рукотворному бытию механизмов сопровождала его всю жизнь. Любовь была взаимна, разнообразные вышедшие из повиновения устройства почти всегда призывались им к новой жизни. Некоторые из них надолго пережили его самого.

Эпитет «кипучий» применимо к характеру отца не был речевым шаблоном, но выражал самую его суть. Помимо инженерно-купеческих забот, отец добровольно нагружал себя новыми и новыми обязанностями. В годы моего младенчества он, по справедливости, являлся одним из столпов общества не только города, но и всей губернии: гласный городской Думы, Председатель Правления в купеческом банке, Председатель Попечительного совета при Торговой школе, член присутствия по фабричным делам, управления общества Красного креста и ревизионной комиссии музейного общества. Последний род деятельности, музейный, некоторое время не был им оставлен даже при большевиках. Фонды нынешних краеведческого и художественного музеев города, ныне легко и прочно о нем забывшего, в немалой степени состоят из личной его коллекции, а также коллекции его матери, моей бабушки, Ольги Васильевны.

Необратимо изменили характер отца и заставили замкнуться в себе не столько картины революции и гражданского взаимоистребления, сколько пережитые нами вместе со всем Поволжьем голодные 1921-22 годы. Сейчас этот ужас, поставивший на грань жизни и смерти девять из десяти и унесший каждую пятую жизнь, забыт, будто бы его никогда и не было. Причиной, вне сомнений, крамольное обстоятельство: львиная доля спасенных от смерти выжила благодаря АРА, американской благотворительной организации. Отец, сносно владевший английским, был в числе двух сотен сотрудников, нанятых в губернии американской миссией. Эти двести доставили пищу почти полутора миллионам умирающих, распределили безвозмездные ссуды посевного зерна, организовали поголовную вакцинацию, сбив свирепость высвобожденных голоданием эпидемий. Очень скоро власти, до этого совершенно беспомощные и озабоченные разве что вывозом родни и близких в менее страдающие местности, вернулись и, обретя в себе несколько запоздалую уверенность, принялись мстить. Каннибалы, доведенные голодом до поедания себе подобных, заслуживали если не извинения, то некоторого понимания обстоятельств одичания. У каннибалов с партийными билетами не было ни того, ни другого. Зато была сила стаи, готовой игнорировать любые моральные запреты. Мы уцелели чудом: через материнскую родню отец устроился на работу под Ленинградом, семейство наше покинуло город, жизни вне которого

мы себе не планировали. Отец до кончины остался верен инженерной стезе, матушка подрабатывала машинописными работами, меня ждало учение.

К двадцати годам я закончил отделение германских языков Ленинградского педагогического института, а на следующий год сдал экстерном выпускные экзамены университетского отделения языков романских.

Тогда же я нашел себе товарищей по увлечению. Увлекались мы ничем иным, как поэзией, что наложило дальнейшие отпечатки на судьбу каждого из нас. Кружок соратников полушутя-полувсерьез называли «ШПРОТ». Первое «Ш» в имени кружка обязано было первой букве моей фамилии. Оставшаяся часть имени состояла из заглавных букв фамилий моих товарищей: Петрова, Рудакова, Обломиевского, Томашевского. Никто из нас не получил какого-либо признания в качестве поэта. Это было и немыслимо, достаточно сказать, что поэтом, тогда наиболее ценным нами, был казненный и запретный Гумилев. Остальные предпочтения, назову лишь старших современников – Мандельштам, Ахматова, Цветаева, Кузмин, Вагинов... – также мало способствовали литературной карьере в эпоху добровольно-принудительного соцреализма. Регулярно входящая в моду тарабарщина, веселая, или, напротив, глубокомысленная, не имела адептов среди нашего круга. Без особого труда можно было догадаться уже тогда о нашей обреченности на забвение. Впрочем, в поэзии мы были не конкистадорами, но гурманами: не тиражи, рецензии и поклонники и поклонницы влекли нас, но архитектура слов и библиотечная пыль. Может быть, из-за гурманства нашего родная речь ощущалась нами лишь одним наречием из великого множества, а русская литература, при всем к ней почтении, лишь одной словесностью из множества европейских. Каждый из нас уже владел несколькими языками, оставшуюся жизнь, не имея сил остановиться, мы увеличивали их число настолько рьяно, что со стороны это могло показаться видом группового помешательства. Иные языки изучались при обстоятельствах более чем экзотических. Петров, допустим, выучил латышский, будучи подследственным, в промежутках между допросами с пристрастием. Преподавателем его стал сокамерник, неграмотный старик латыш.

Первыми из нас с карательными органами возмнившего себя пупом земли государства познакомились Петров и Рудаков, два Сергея. Было это еще до убийства Кирова. Попытки пока были скорее исключением, чем правилом, расстрелы и каторжные работы выписывались не столь щедро и оба отделались ссылкой. В случае Рудакова, как ни кощунственно это звучит, ссылка стала скорее благом: в Воронеже Сергей Борисович сблизился с собратом по несчастью, тоже поэтом, но куда более известным, – Осипом Мандельштамом. Сблизился настолько, что стал как бы третьим членом семьи Мандельштамов. Мало того, Осип Эмильевич доверил Рудакову подготовку собрания своих сочинений. Через несколько месяцев совместных трудов лучшего, нежели Рудаков, знатока и комментатора Мандельштама просто не существовало.

Рудаков погиб в боине, именуемой у нас Великой Отечественной, не дожив до времен, в которых он мог бы закрыть множество лакун в наследии Мандельштама. Погибли и его бумаги: записи бесед, копии и автографы стихов и писем – не только Мандельштама, но и Гумилёва, архив последнего в опасные времена был передан на хранение Анной Ахматовой. Не буду останавливаться на несчастии, обрушившемся на уже более чем полностью незащитного Сергея Борисовича. Лишь упомяну: вдова Мандельштама сочла Рудакова причастным к корыстному разбазариванию архивов погибших поэтов. Образ Рудакова в её воспоминаниях приобрел несправедливые inferнальные черты законченного негодяя. Мой погибший товарищ, не имея даже гипотетической возможности самооправдать себя с того света, оказался уничтожен во второй раз. Лишь в конце семидесятых годов Эмма Герштейн опубликовала в журнале «Подъём» обширное исследование «Мандельштам в Воронеже», в котором расставлены многие точки над *i* и открыты подлинные черты Рудакова. Разумеется, резонанс филологической статьи в провинциальном журнале неизмеримо скромнее, нежели резонанс трагических потрясающих воспоминаний Натальи Яковлевны Мандельштам. Но, памяти Сергея Борисовича, принадлежавшего к благороднейшим и безупречнейшим людям, встреченным мной в жизни, – при вынесении суждений о нём примите, Бога ради, во внимание факты и соображения из помянутой статьи!

Мне тяжело вспоминать о посмертной трагедии Рудакова еще и потому, что моя матушка оказалась в истории, некоторые черты которой в чем-то схожи с историей Рудакова. История эта связана также с архивом поэта – Михаила Кузмина. Я был свидетелем последних лет его жизни. Настолько близким, что лишь незначительная часть людей из круга моего общения могла утверждать, что никак не связана с Кузминым и не бывает более или менее регулярно у него в гостях. Мои родители Михаила Александровича полюбили и оценили. Никогда, к их чести, они не пытались диктовать мне какие-либо условия, касающиеся моих знакомств и предпочтений. Смерть Михаила Александровича они переживали как личную трагедию и хлопоты и распоряжения, связанные с организацией похорон, во многом взяли на себя.

Бедный Михаил Александрович! Судьба была к нему несправедлива. По ряду причин общественный интерес нашей читающей публики прикован к поэзии начала века, к первым двум ее десятилетиям. Конечно, поэзия Кузмина в это время прелестна, грациозна и благоуханна, подобно клумбе, за которой ухаживал опытный садовник с безупречным вкусом. Но поэтом совершенно исключительной силы, силы, от которой захватывает дух и в сугубо человеческое происхождение которой верится с трудом, он стал позднее. Знакомство с Кузминым обязывает к дотошным, исчерпывающим тему и ресурсы собственной памяти, мемуарам, в рассказе же о себе самом я буду вынужденно краток. Значительная часть архива Кузмина оказалась на хранении в моей семье и, к стыду нашему, несколько смягчаемому нашим же бессилием пред сокрушающим ходом событий, оказалась утрачена навсегда.

В ряду горестных утрат: утрат близких и друзей, надежд и архивов, горчайшая – утрата самого себя. Самое страшное, со мной случившееся, началось в феврале 1938 года и не закончится уже никогда.

Знай американский промышленник Генри Форд, какое значение и смысл придадут его детищу в «первой в мире социалистической стране», – смог бы он заново совершить своё открытие? В Советском Союзе конвейером называли наиболее распространенную пытку, позволявшую добиться полной покорности истязаемого своим мучителям. Пытка многодневным и круглосуточным отсутствием сна... Пытка невозможностью дать отдых измученным стоянием телу, спине, ногам, отекающим так, что лопаются обувь... Пытка, наконец, сознанием того, что ты сам соучаствуешь в издевательствах над собой самим. Ибо бунт против принудительных стояния и бодрствования приведет к побоям. Мучительным настолько, что физическая неспособность вытерпеть эти муки заставит тебя вновь принять условия палачей. Шатаясь, встать. Согласие стоять, причиняя себе боль каждой секундой этого стояния, станет первым шагом, сделанным навстречу ряду предательств самого себя. И ряду предательств других. Предательств неповинных людей. Точнее, людей, повинных только в том, что ты оказался слишком слаб для того, чтобы остаться порядочным человеком.

То, что я растоптал в самом себе всё, за что можно было сохранять к себе уважение, вовсе не застраховало от повторения отработанных системой назидательных процедур воспитательного кошмара. Выпущенный в мае сорокового года, в июле сорок пятого я снова был арестован. Государство давало понять: после бойни, в которую оно ввергло своих подданных, хватку за горло ослаблять не собирается. Семь лет спустя я вернулся в то состояние, которое позволено называть свободой.

Все познается в сравнении. Если сравнивать с Рудаковым, я остался жив. Если сравнивать с Петровым, он провел в ссылках и заключении раза в два поболее моего.

Случилось так, что все мы, выжившие четверо ШПРОТ, теперь уже с выпавшим «Р», стали переводчиками. Ну да, зарабатывать на существование таким образом было хотя бы не противно. Хотя... помню я за собой и трескучие антиамериканские вирши латиноамериканских кретинов, из которых в СССР лепили «классиков». Конечно, после того, что я знаю о миссии АРА в Поволжье, антиамериканизм для меня имеет неотмываемый привкус мерзости. Что ж, отметим «с последней прямоотой» еще одно пятно в автобиографии.

Переводы печатались, преимущественно, прозаические. Я настолько привык складывать написанные стихи «в стол», что и переводные отправлялись туда же.

В моих переводах выходили Бальзак, Стендаль, Золя, Мопассан, Жорж Санд, Анатоль Франс, Андре Жид, Вальтер Скотт, Готорн, Киплинг, Генри Джеймс, Шервуд Андерсон, Альберт Швейцер, Питер Акройд, Унамуно, Валье-Инклан, Алехо Карпентьер...

Некоторые выходили отдельными изданиями. Скажем, «Гептамерон» Маргариты Наваррской, «Гуарани» Жозе де Аленкара, «Неволя и величие солдата» Альфреда де Виньи, метьюриновский «Мельмот Скиталец»...

В начале семидесятых я испытал последнее сильное чувство. Её звали Анастасия и она была родной сестрой моей любимой поэтессы, «Поэму конца» которой моя матушка распечатывала за сорок лет до этого. Обоих уже нет в живых. Остались только письма.

В восемьдесят первом я разобрал свой архив: разложил по папкам, сшил и пронумеровал. В восемьдесят третьем, через тринадцать лет после смерти моей матери, меня не стало.

Архив, включающий стихи, написанные за полвека, поступил в Центральный государственный архив литературы и искусства Ленинграда, ныне Санкт-Петербурга.

Стихи ни мои, ни моих товарищей, прочитывать нельзя. Поскольку они не изданы.

Исключение составил мой одногодок Сергей Петров. К столетию, до которого он, разумеется, не дожил, его стихи были изданы и даже высоко оценены в узком кругу. Кто-то поместил его в первый ряд поэтов столетия. Для меня он остается одним из нашей пятичленного союза, милым Сережей.

Ах, да, стихи Сергея Рудакова печатали в книге, посвященной его взаимоотношениям с Мандельштамом. Ныне библиографическая редкость.

Когда-то мы были, кажется, первыми из русских, читавшими и знавшими английских поэтов-метафизиков. Самим англичанам для того, чтобы прочесть и понять собственных поэтов, понадобилось два с лишним столетия. В России их стали читать с подачи Иосифа Бродского, которому их, кажется, посоветовал кто-то из нас. Из моих переводов метафизиков два стихотворения были напечатаны. Пожалуй, из изданного это единственное, что может дать обо мне представление, как о поэте.

Иногда, ночами, я наведываюсь в петербургский архив. Смотрю на папки своего четырехста тридцать пятого фонда, пока не изгрызенные мышами и не затопленные прорвавшейся канализацией. И чего-то или кого-то жду...

Георгий Квантришвили

ОПРЕДЕЛЕНИЕ ЛЮБВИ (из Эндрю Марвелла)

Чудно Любви моей начало
И сети, что она сплела:
Ее Отчаянье зачало
И Невозможность родила.

Отчаянье в своих щедротах
В такую взмыло высоту,
Что у Надежды желторотой
Застыли крылья на лету.

И все же Цели той, единой,
Я, верится, достичь бы мог,
Не преграждай железным клином
К ней каждый раз пути мне - Рок.

С опаскою встречать привык он
Двух Душ неистовую Страсть:
Соединись они - и мигом
Низложена Тирана власть.

Вот почему его статутом
Мы навек разъединены
И, сердца вскруженные смутой,
Обнять друг друга не вольны.

Разве что рухнут Неба выси
В стихий последнем мятеже,
Всё сплющив, и, как точки, сблизят
Два полюса - на чертеже.

Свои в Любви есть линий ходы:
Косым скреститься привелось,
Прямые же, таясь, поодаль
Легли, чтоб в Вечность кануть врозь.

И мы - так. И Любви рождение,
Чей Року ненавистен рост,
Есть Душ Взаимонахождение
И Противостоянье Звёзд.

ПРОЩАНИЕ, ЗАПРЕЩАЮЩЕЕ ПЕЧАЛЬ (из Джона Донна)

Души смиреннейшей в ночи
Ухода люди не услышат:
Так тих он, что одни "почил"
Промолвят, а другие - "дышит".

Расстаться б так вот, растворясь
Во мгле,- не плача ни о чём, нам;
Кощунством было б тайны вязь
Предать толпе непосвящённой.

Земли трясенье устрасит:
Обвалу каждый ужаснётся,
Но, если где-то дрогнет ширь
Небес, ничто нас не коснётся.

Так и любовь потрясена
Земная - и не вспыхнет снова -
Разлукой: подорвет она
Ее столпы, ее основы.

А нам, которые взвились
В такую высь над страстью грубой,
Что сами даже б не взялись
Назвать... что нам глаза и губы?

Их тлен союз наш не предаст,
Уйдут они, - но не умрёт он:
Как золота тончайший пласт,
Он только ширится под гнётом.

И если душ в нем две, взгляни,
Как тянутся они друг к другу:
Как ножки циркуля они
В пределах все того же круга.

О, как следит ревниво та,
Что в центре, за другой круженьем,
А после, выпрямляя стан,
Ее встречает приближенье.

Пусть мой по кругу путь далёк
И клонит долу шаг превратный,
Есть ты - опора и залог
Того, что я вернусь обратно.

Перевод Алексея Шадрина

Венантий БУТРИМ

Из книги стихов “У барвах зямлі” (“В красках земли”)

Художник, писатель, поэт Венантий Викентьевич Бутрим родился в г. Барановичи 9 сентября 1936 года.

Первые публикации состоялись в 1976 году в журналах «Маладосць» и «Нёман». Стихи и проза В. Бутрима неоднократно публиковались на страницах белорусских газет, альманахов и журналов.

В 2001 году вышла первая книга поэта «У барвах зямлі», куда вошли стихи, написанные на белорусском языке.

В 2003 году, уже после смерти Венантия Бутрима (умер 16 августа 2003 года), вышла вторая книга стихов на белорусском «Паралелі».

В 2007 году - книга стихов на русском языке «В пространстве и времени».

В 2011 году – книга «Молчаливые грустные птицы», куда вошли прозаические произведения Венантия Бутрима, написанные на русском и белорусском языках.

***

А ноччу сняцца рэкі Беларусі,
І нават назвы іх, што чісты гук нясуць.
Інакш ніхто іх звацца не прымусіў,
як Шчара, Нёман, Прыпяць, Друць.

Крануўся лёд! Чаромха губіць цвет!..
А там і вялы ліст на плынь халоднай хвалі..
І журавы пайшлі, за сонцам услед!..
Ужо як дробны шрот, ужо не чуваць, прапалі...

І ў сэрцы мужным - новы лістапад...
А пасмы-касмылі пакутлівых віроў
пад тоўшчу лёду паляглі.

І ўсё жыццё, няйначай, - змена дат...
Ды ў рэчышчах старых, сярод снегоў,
плывуць надзеі новай караблі.

Перевод:

***

А ночью снятся реки Беларуси,
их имена, что чистый звук несут.
Назвать их по-иному не решусь я:
Буг, Щара, Нёман, Припять, Друть.

Лёд тронулся, черемуха цветет!
Вот первый желтый лист волною закачало...
И – журавлиный клин за солнцем вслед идет...
Всё мельче, мельче... Не слышать, пропали...

И сердцу вновь смиряться – листопад.
Метался, бился, жил – водоворот,
и все мученья зря – под лёд ушли.

И кажется, вся жизнь – лишь смена дат...
Но в руслах старых, взламывая лёд,
плывут надежды новой корабли.

***

Алесю Бокачу*

...у нячуты павер запавет,
Палюбі непазнаную мэту.

А. Разанаў

За пасмам бору – ўжо за даляглядам!.. –
па лапінах іржышч, па сівізне раллі
Калі і кім пасеяна прынада?
Чые зярняты рунню узышлі?

Не быў ніколі там.. А, мусіць, і не буду –
што не сабраць, а дзе і не дайсці:
сплываюць дні без нашага прысуду
у хуткаплынным ручаі-жыцці...

Няўмольны час гадзіну за гадзінай
зрывае з дрэва існасці тваёй.
І толькі хмар і ветру безупынны
пралёт і перасвіст над галавой...

А там.. такая позняя ўжо восень,
што лістапад, яе апошні сын,
у сонца нават промня не папросіць
для схаладалых, голых арабін.

І гнецца вецце!.. І парывам новым
страсае гронкі, бы живую кроў,
на незаменную нічым аснову
халоднай гліны, мокрых верасоў.
А ўжо і прыцемкі – наканавана.
І цемра цяжкая лягла на ўсё.
А заўтра? Сонцам мо спавіты ранак,
такі, якіх за ўсё жыццё і не было.

Каб нехта ўбачыў – славны міг удачы!.. –
не слотай змучаны, здранцвелы лог,
а рай зямны для ўсіх – і не іначай! –
ступіўшы там, дзе я прайсці не змог.

Перевод:

...Поверь в неслышимый завет
И полюби непознанную цель ...
Алесь Рязанов

За прядью бора - на пределе взгляда!.. -
по сизой пашне с латками стерни
кем - знать бы? - семя брошено когда-то,
и зерна свежей порослью взошли.

Там не был никогда... И вряд ли буду –
не соберешься, да и не дойти:
жизнь прочь уносит дни, часы, минуты
стремительным ручьем – не возвратить...

За часом час неумолимо время
срывает листья с древа бытия.
И над тобой лишь ветер тучи треплет
и горестно свистит в пустых ветвях...

И поздняя уже настолько осень,
что и последний месяц - поздний сын,
у солнца даже лучика не спросит
для голых, мокрых, зябнувших рябин.

И гнутся ветви!.. И порывом новым -
что кровью брызнет - гроздь рябины скинет
на вечно неизменную основу,
где мокрый вереск на холодной глине.

И сумерки, как суждено, густеют.
Всё тьмой тяжелою заволокло.
А завтра? Смотришь, солнце пламенеет,
за жизнь за всю - так не было светло.

Чтоб вдруг увидел кто-то – вот удача!.. –
не мхом сырым заросшие пути,
а рай земной для всех – и не иначе! –
ступив туда, где я не смог пройти.

- Алесь Бокач – белорусский поэт, подвижник национальной литературы. Его стараниями увидели свет многие белорусскоязычные произведения современных авторов, в том числе и 3 из четырех книг В. Бутрима

***

Дануте Бічэль-Загнетавай*

...Змые пыл, жыватворным напоіць –
Ажыве, расцвіце, усіхнецца...
Неспадзеўкі раскажа пра тое,
Што драмала і ў думках, і ў сэрцы.
Прынясе цёплым ветрам здалёку,
З ператканых прменнямі даляў,
Буслянят няўрымслівых клёкат,
перазваны крынічных крышталяў,
шапаценне врбы, плёскат хвалі,
Шолах лоз, асакі і чароту.
І трывогі аціхлі, апалі,
Разам з рэхам апошніх грымотаў...
Праспявае зусім нечаканым,
Дзень будзённы, як свята, расквеціць.
І зашэрхнуць, загояцца раны,
І не будзе ўжо болю на свеце,
Страт, нападаў, гвалтаў і боек,
Ганьбы нават нязначных падманаў.
Неўпрыкметна пасохне благое.
І ачнецца амаль беззаганны

Ціхі вечар пасля навальніцы
Над табой, над дарогай, над Краем.
Недзе чуў пра такое... Як сніцца...
Што ж, бывае.

Перевод:

...Смоет пыль, животворным напоит,
оживёт, расцветёт, улыбнётся...
Ненароком такое откроет,
что дремало в душе, там, на донце.
Тёплым ветром из далей далёких,
что лучами пронизаны словно,
принесёт юных аистов клёкот,
чистых вод перезвон родниковый,
шёпот вербы, волны колыханье,
шелест лоз, камыша, тростника ли.
И тревоги уходят, стихают,
вместе с эхом последних раскатов...
Запоёт вдруг о чём-то неожиданном,
будний день, словно праздник, расцветит.
Отболят, зарубцуются раны.
И - не станет страданий на свете,
битв, потерь, нападений, разбоя,
унижений от мелких обманов.
Незаметно иссохнет плохое,
и придёт чистым, лёгким дыханьем
тихий вечер с далёкой зарницей
над тобой, над дорогой, над Краем.
Где-то слышал про это... Иль снится?..
Что ж, бывает.

* Данута Бичель-Загнетова, белорусская поэтесса, тонкий знаток слова. В. Бутрим состоял с ней в творческой переписке. Ей он доверил право быть редактором его первой книги стихов на белорусском языке “У барвах зямлі” (В красках земли).

Перевод с белорусского Сергей Пиденко

Велимир Хлебников

Из «Досок судьбы»

У каждого крупного художника, как писал Хармс, была идея, которую он ставил выше своего художественного творчества. Ницше, Толстой, Блейк, Введенский... Из этого же перечня и Велимир Хлебников. «Доски судьбы» - итоговое произведение В. Хлебникова, в котором отражены результаты его работы над "законами времени". При жизни автора вышел один "лист" (глава), вскоре после смерти - еще два. Недавно вышла книга: Хлебников Велимир. Доски Судьбы. Бабков Василий. Контексты Досок судьбы. М., 2000, где было опубликовано 7 "листов". На сегодняшний день это самое полное издание, однако в архиве Хлебникова в РГАЛИ (Москва) остается еще большое количество неопубликованных материалов, относящихся к этому произведению. Произведение это чрезвычайно огромно и сложно устроено. Размышления о принципах устройства Вселенной чередуются с личными воспоминаниями и математическими расчетами. Мы решили познакомить читателей альманаха с фрагментами этого интереснейшего творения «председателя Земного шара» с тайной целью, что кто-то захочет найти и прочитать целиком «Доски судьбы».

Редакция альманаха «Графит»

Промеры судьбы

Судьба Волги дает уроки судьбознанию.

День измерения русла Волги стал днем ее покорения, завоевания силой паруса и весла, сдачи Волги человеку. Промеры судьбы и изучение ее опасных мест должно сделать судьбоплавание настолько же легким и спокойным делом, насколько плавание по Волге стало легким и безопасным ремеслом после того, как сотни буйнов алыми и зелеными огнями отметили опасные места, камни, отмели и перекаты речного дна. Так же можно изучать трещины и сдвиги во времени.

Подобные же промеры можно делать и для потока времени, строя законы завтрашнего дня, изучая русло будущих времен, исходя из уроков прошлых столетий и вооружая по способу судьбомерия разум новыми умственными очами в даль грядущих событий.

Давно стало общим местом, что знание есть вид власти, а предвидение событий — управление ими.

Вот два уравнения: одно касающееся и очерчивающее судьбы Англии, а другое дающее основной чертеж во времени Индии.

Нужно помнить, что вообще степени трех ($3n$) соединяют обратные события, победу и разгром, начало и конец. Три есть как бы колесо смерти исходного события.

Как растет свобода

Посмотрим, как через сроки времени, меры $2n$ дней, два в любой степени, растет свобода, ее площадь, ее чистый объем, а толпы людей, причастных ей, растут в числе. Окажется, что Свобода — босоножка, повторные движения ног которой послушны стуку, отбиваемому показателем счета времени.

Если в стране звуков звук делает четкий скачок и иначе ощутится ухом, когда показатель степени в его числе колебаний делает шаг на единицу, то и в стране судьбы сдвиги в ощущении времени и переломы его понимания 6-ым чувством человека, чувством судьбы возникают тогда, когда показатель степени в числе дней подымается или опускается на одну единицу. Древние населяли богами небо. Древние говорили, что боги управляют событиями, так называя управляющих событиями. Ясно, что эти небеса совпадают с действием возведения в степень чисел времени, и что жильцы этих небес, показатели степени, и есть боги древних. Поэтому можно говорить о струнах судьбы, о струнах столетий, о звуколюдях.

Боги древние, спрятавшиеся в облаках несочтенного = числа степени.

Я снова говорю: не события управляют временами, но времена управляют событиями.

Допустим, что есть великий священный лес чисел, где каждое число, сложно переплетаясь с другими, есть основание возведения в степень для одних чисел и показатель для других. Они живут двойной и тройной жизнью. Эти числа растут как стволы и свешиваются хлопьями хмеля. Войдем любопытным дикарем, для которого все кругом него — тайна, в этот священный лес двоек и троек.

В этом лесу переплетаются стволы разных счетов, и господствующая воля к миру около ничего оставляет только числа один, два, три. А воля к наибольшему объему равенства, охваченному обручем неравенства, скупость на числа, дает числам крылья лететь в действие возведения в степень.

Если взять в этом лесу какую-нибудь тройку и выделить ее из среды остальных, легко будет увидеть, что она служит одновременно и основанием степени для одних чисел (из мира времени) и показателем для других (из мира пространства).

Пусть эти другие числа отрицательные и определяют размеры пространства. Возведенные в степень тройки, они остаются отрицательными, т.е. направленными в обратную сторону, противособытием. Возведенные в степень двойки, они становятся положительными. В этом лесу наш ум понял бы, почему между встречными, между обратными событиями время строится плотником мира по закону $3n$ дней, а между волнами последовательного роста

по закону $2n$ дней: отрицательная единица, четное число раз умноженная сама на себя, делается положительной, нечетное — остается отрицательной.

Азбука неба

Если мировая изба построена из бревен двойки и тройки, это лучше всего можно увидеть на временах неба.

Только для этого нужно расстаться с домашним скарбом действия сложения, а взять с собой в дорогу действие возведения в степень.

Действие сложения удобно для малых дел: счета денег в равные столбики, счета числа овец в стаде. Оно было спутником пастухов овец и пастухов денег.

Пастухи звезд берут с собой как свой руководящий посох возведение в степень.

Так как, если чистые законы вселенной существуют, то числа их должны занять места показателей степеней; только в этом положении каждое их движение, самое ничтожное, давало сдвиг, от которого шаталось мироздание, и таким образом дело управления вселенной становилось легким и приятным занятием, почти игрой, а жезл вселенной — игрушкой.

Числу в этом положении присущи свойства божественной власти; напротив, в других положениях на нем лежит печать рабства.

Починка мозгов. Пути

Мы часто ощущаем, проходя тот или иной шаг по мостовой судьбы, что сейчас все мы, всем народом опускаемся в какой-то овраг, идем к низу, а сейчас взлетаем кверху, точно на качелях, и какая-то Рука без усилия несет нас на гору.

И тогда у целого народа кружится голова от ощущения высоты, Внезапно открытой ему, точно человек на качелях взлетел на самую высокую точку ролей, над самой головой.

Эти вековые качели народов, молитвенным служением им был храм, стоящий на площади каждой деревни, любимая игра сел, языческий храм в виде двух столбов с доской среди праздничной молодости, следуют следующему правилу времени:

Ныряние наступает через естественные гнезда дней, в $3n$ единиц, после взлета; закат народа через $3n$ после восхода, окунание в ничто и жалкое прозябание через $3n$ после лет бурной мощи и подъема.

Аршином для большого полотна судеб служит одиннадцатая степень трех или 485 лет.

Три в пятой = 243 дня — аршин малых переломов отдельной человеческой судьбы.

Можно проследить эти взлеты и падения народов через $3n$ на досках прошлого человечества, на столетиях, уже прожитых человечеством. В пору подъема народам свойственно свое настоящее продолжать по касательной к кривой рока

в будущее. Это источник самообманов и разочарований, смешных до жестокого. Время упадка напоминает, что касательная не передает своенравной природы кривой.

Можно быть недовольным убожеством словаря живых существ и приступить к существотворчеству.

Назовем существом А то, которое к прошлым и будущим векам человечества относится как к пространству, и шагает по нашим столетиям как по мостовой. Его душа будет мнимой по отношению к нашей, и его время дает прямой угол по отношению к нашему.

Существо В то, которому наше малое кажется большим и великое малым. В главном уравнении мира у него будет отрицательным показатель степени, если у нас положительный. Вселенная будет казаться пылинкой водорода, а пылинка — вселенной. Ясно, что для него будет трудным действие сложения и близкими высшие действия. Ему будут присущи те начала, которыми сделана вселенная.

****

Как кажется, вселенная грубо сделана топором возведения в степень, и если мы будем располагать "живые числа" в виде степеней наименьших трех чисел, мы увидим, что лучи власти окружают высоко стоящие числа скрепы, у потолка степени. Отсюда сияние лучей власти.

По мере спуска от потолка скрепы к ее полу они утрачивают знаки власти и из "образов бога" делаются лучиной для самовара. Но тайны игры степеней известны очень мало; это нетронутая земля.

Изучая снова, мы увидим высеченные кумиры древних божеств мира, как головы первых трех чисел в облаках тайны.

Мы увидим, что законы вселенной и законы счета совпадают. Самое величественное падение сов! свидетелем которого был когда-либо старый земной шар, наш дедушка. Свод истин о числе и свод истин о природе один и тот же. Это так.

Многие соглашались: бывающее едино. Но никто еще до меня не воздвигал своего жертвенника перед костром той мысли, что если все едино, то в мире остаются только одни числа, так как числа и есть ничто иное, как отношения между единым, между тождественным, то, чем может разниться единое.

Став жрецом этой мысли, я понял, что признак глупости, одинаково безумно сводить единое к веществу или духу, делать краеугольным камнем здания камень или пение. Нужно озирая, изучать, измерять и расставлять знаки нашего мышления по странам бывающего, подвигая окопы знания.

Но если существует один кусок жизни числа, одна ветка, то существует и все дерево чисел. Природа чисел такова, что там, где существует да единица, существует и нет единица и мнимые.

Железное перо на ветке вербы

Я пишу сейчас засохшей веткой вербы.

На ней сидят хохолки, уже помятые комочки шелка, стая пушистых зайчиков, выбежавших на дорогу.

Есть обычай вырывать растение мысли из почвы, где она родилась.

Я же хочу, чтобы к корням пристали комья земли для глаз почвоведов.

Первая статья писалась иглой лесной дикообраза лесов Гиляна.

После нее было перо из красной колючки Железноводского терновника.

Эта из вербы — другим взором в бесконечное, в — без имени.

Я не знаю, какое созвучие дают эти три пера "писателя".

За это время отшумело много событий.

На родине дикообраза Кучук Хан разбитый бежал в горы и замерз во время снежной бури. Хорошие Воины пошли в горы и мертвого туловища отрубили голову, чтобы получить за нее хорошие деньги.

Так писалась книга нравов за это время.

Но самое яркое светило, взошедшее на небо событий за это время, — эта пасха 4-х измерений худ. Митурича. Прекрасный памятник из сыра. На 4 склонах белого холма сыра, сырной горы было следующее:

На одном откосе стоял оттиснутый полумесяц Ислама, на другом отпечаток ноги Будды, на третьей крест северной веры, который одни понимают как проникание времени в пространство и их угловое отношение, другие как проясненный лик человека, где ось глаз пересекает перекладину средней черты лица, и видят в нем пространственное толкование учения Минковского, а на 4-й рожи и троек и двоек будетлян, где мера заменила веру. Это изваяние "съедобного храма" висит на скатерти. Подымаю эту вселенную, полную до краев будущим, в честь Митурича!

Слова и числа

«Цифростишия. Поэзия без букв» - так озаглавил свою книгу математик и писатель Александр Попов. Идея, положенная в основу стильного литературно-художественного издания, более радикальна, чем та, что тревожила острые умы на протяжении веков - проверить алгеброй гармонию. Мысль Александра Попова идет много дальше, дальше даже отождествления алгебры и гармонии; открытие поэзии чисел – его цель. Прежде чем судить о том, достигнута ли она, необходимо понять, достигаема ли эта цель в принципе.

Цифростишия предстают перед читателем в изящном, прекрасно оформленном литературно-художественном издании (издательство Игоря Розина), которое приятно держать в руках. Перед читателем не банальные «стихи из цифр», составленные из уложенных в прокрустово ложе стихотворного размера числительных. Не составленные из математических выражений своеобразные каллиграммы – что, возможно, было бы неплохой и вполне оригинальной идеей на стыке алгебры и графики (тем более, что им обоим свойственно выявлять конструктивные особенности вещей). И не просто калейдоскопическая бесконечность сочетаний и перестановок чисел, повинующихся таинственным – особенно для непосвященных – законам, бесстрастно формирующим из них строгие орнаментальные ряды («кружева из цифр»).

«Поэзия многогранна, - говорит автор, - Вязь ее букв доступна многим. Кружева из цифр пользуются меньшим вниманием». Александр Попов предлагает присмотреться к ним, утверждая: «это просто стихи, в углах которых таится красота». Оставим в стороне спорное высказывание о доступности поэзии, тем более, что фактически автор говорит о «вязи ее букв», и рассмотрим кружева цифр. (Но попутно отметим свойственную автору обтекаемость формулировок; не могу судить, насколько она свойственна текстам А. Попова вообще, но в данном случае ее можно признать отчасти вынужденной, призванной сгладить противоречивость многих соседствующих в книге комментариев к цифростишиям).

Такой – в духе времени – инновационный подход привлекает внимание, и, давая простор фантазии, подстегнутой удивлением, одновременно отвлекает его от нескольких простых вопросов, которые я и попытаюсь рассмотреть. Каковы отличительные признаки стихотворения?

Стихотворениям присущи ритм и, часто, рифма. Ритма в цифростишиях не наблюдается, если не принимать во внимание возможность цифр быть носителями и выразителями ритма. Но в данном случае она не проявляется, поскольку мы имеем дело с рядом воспроизведенных графически, не связанных

между собой математических уравнений, а не со словесным аналогом чего-то вроде математического (прогрессив-) рока в стиле King Crimson.

Рифмы, по моим наблюдениям, также отсутствуют. Удалось найти вот такую систему уравнений, в которой с некоторой натяжкой можно распознать палиндромное двестишье:

$$987654321:8=123456789$$

$$123456789*8=98765432,$$

- но это, скорее, случайная, чем свойственная числовым выражениям конструкция.

Однако, поэзия многолика, и остается еще одна формальная возможность, к которой могут апеллировать адепты цифровой поэзии: цифровой (в том числе фигурный) верлибр. И это неплохая возможность, учитывая повсеместную популярность свободного стиха.

Но возможна ли поэзия без букв?

Очевидно, да. Поэзия трансцендентна. Ее источник лежит за пределами видимого мира, что и ставит ее в ряд явлений, трудно поддающихся определению. Поэтому, говоря о поэзии, приходится характеризовать ее с различных точек зрения, так, чтобы данные характеристики дополняли друг друга. По этой же причине (и в первую очередь) поэзия возможна без слов. Переживание поэзии возникает при обостренном восприятии разнообразных проявлений действительности, входящем в резонанс с беззвучными колебаниями душевных струн, многократно усиливает и проявляет их, но не сразу облекается в слова.

Но слова, свои или чужие, появляются неизбежно в силу присущей человеку рефлексии и благодаря тому, что формой существования мысли является язык. Поэтическое – культивированное – слово появляется в силу стремления наиболее адекватно передать опыт, который по своей природе лежит за пределами возможности его воспроизведения, средствами материального мира. Искусство по своей природе символично, и поэтические образы суть символы, которые, согласно А. Белому, больше самих себя. И чрезмерная (не свойственная обыденной речи) смысловая нагрузка приводит в том числе к особой организации поэтической речи, упорядочивающей слова, подобно тому, как образуется кристалл.

Кристалл являет нам совершенство конструкции и волшебную игру света, но поэзия возникает, когда на него падает взгляд человека, мысленно обнимающего и соотносящего внешний и внутренний миры, отражающиеся, преломляющиеся и дробящиеся в его гранях.

Поэтому поэзия без букв и слов возможна, но для передачи ее от одного индивидуума (автора или читателя) другому (читателю) она облекается в слова. Причем в роли слова может выступать и краска, и жест, но полнотой смысла обладает все-таки слово как таковое, и это уже другая тема.

Можно ли говорить о поэзии чисел?

В переносном смысле – безусловно, да. Как уже было сказано, не принципиально, какое из явлений окружающего мира послужило причиной интенсивного переживания его данности в человеческой душе. Сочетание цифр в контексте конкретной человеческой жизни может послужить источником вдохновения, и, забегая вперед, именно это происходит в данном конкретном случае. Но мы не будем останавливаться, и перейдем к главному вопросу этого исследования: можно ли говорить о поэзии числа в прямом смысле?

Ответ не очевиден. Чтобы его получить, следует обратиться к числам.

«Я всматриваюсь в вас, о числа...»

Александр Попов дает числам противоречивые характеристики: то говорит, что числа – вовсе и не слова, то утверждает, что число – существительное, а действие над ним – глагол. Последнее не новость, а вот числа выражаются именами числительными. Числительное представляет собой самостоятельную часть речи.

Число – понятие, стоящее особняком. Согласно А. Реформатскому, «число в языке как факт грамматики языка принципиально не то, что представляет собою число в математике и философии» и, кроме того, «число в чистом виде не является предметностью; это – отношение». Но, как любое понятие, оно выражается словом.

Согласно о. Павлу Флоренскому, любой, даже самый сложный, термин, в том числе математический или физический (и, соответственно, математическое выражение), представляет собой в высокой степени сжатое словесное описание явления, стоящего за ним. С этой точки зрения наука – специфический язык, описывающий определенную группу явлений (а математика – универсальный язык науки в целом).

В ответ на теорию о существовании цифровой поэзии могу предположить, что простые числа представляют базовый набор частот (модное слово – вибраций), имеющих отношение к устройству Вселенной. И если последнее каким-то образом связано с трансцендентным Началом, можно искать в них отражение универсальных законов мироздания, а также проявления Божественной воли. Но это – сфера интересов оккультных наук, от занятия которыми предостерегает Библия как от уводящих с пути соблюдения Божественных заповедей. Отношение автора к данной проблеме не совсем понятно: он говорит, что «числа подскажут человеку, кто он на самом деле», при этом не покидая пределов математических и литературных, сопряжения между которыми упорно желает достичь.

Но если не вдаваться в подробности от лукавого, можно сказать, что числа принадлежат миру объективных закономерностей. Порядок и гармония, а также хаос – область, где порядок и гармония принимают вид, не доступный человеческому разуму, – вот область обитания чисел.

Об этом и упомянутое выше хрестоматийное стихотворение Велимира Хлебникова «Числа», в котором он констатирует: «вы даруете единство между змееобразным движением // хребта вселенной и пляской коромысла, // вы

позволяете понимать века, как быстрого хохота зубы...». И, в принципе, к этому трудно что-то добавить. В нескольких строчках сказано так много, что, наверное, их можно сравнить с уравнением Эйнштейна. Ведь поэзия – тоже особый язык, но дважды особый, поскольку не обладает определенной морфологией. Поэтическое слово несет в себе не мысль, а определенный образ мыслей, душевный строй, взгляд на мир, и воспроизводит его на любом субстрате. (Поэзию люди воспринимают даже переведенной с мертвых языков, что, кстати, говорит о том, что известие о смертности языков немного преувеличено). Причем не просто образ мыслей, а единственный, имеющий право на существование, как бы рутина жизни ни старалась убедить в обратном. В этом смысле автор книги совершенно прав, когда говорит о том, что поэзия вне информации, вольно или невольно полемизируя при этом с Владимиром Губайловским, предрекающим смерть поэзии как жанра по причине того, что функцию носителя информации поэзия утратила.

Поэзия не умирает. Она просто не может умереть. Хотя бывает неостребованной. ...итак, получается, что говорить о поэзии чисел в прямом смысле слова нельзя.

Исходя из того, что мы теперь знаем о числах, логичнее было бы говорить о музыке (и я уже вскользь затрагивала эту тему в самом начале), но мы этого делать не будем, поскольку наша тема звучит определенно: поэзия и числа. И, раз музыка исключена, остается последнее, о чем можно говорить в связи с числами в литературном контексте – интерпретация. Тоже актуальная для современной литературы тема.

Интерпретация – как раз то действие, которое выполняет над числительными автор. Он произвольно интерпретирует строгие математические ряды, сочиняя короткие истории для представления той или иной математической формулы или выражения. Художественная ли это интерпретация, оставим за скобками данного рассмотрения, на суд читателей. Я же, еще раз используя выражение о. Павла Флоренского, подчеркну, что соответствия «надо именно открыть, а не произвольно сочинить» или «установить, так сказать, административно», поскольку нельзя исключить основное требование поэзии – установление внутренних соответствий и связей между явлениями, что позволяет объективировать субъективный опыт и переживания. Если это требование соблюдается, можно говорить о поэзии. Если нет – значит, текст имеет прикладное значение. Именно прикладной характер книги в нашем случае бесспорен.

На основании анализа «Цифростиший» можно судить о любви автора к математике и склонности к литературной форме выражения своих пристрастий. А также о том, что он блестяще умеет представить свой предмет – я говорю о математике, – и заинтересовать им и детей, и взрослых, что говорит и о педагогическом таланте, и об оригинальности мышления. Для пробуждения интереса ребенка к миру чисел книга подходит как нельзя лучше, а маленькому

человеку, одаренному математическими способностями, позволит быстрее это осознать.

Не в последнюю очередь это происходит благодаря великолепным иллюстрациям, выполненным Олесей Сорокиной. Изящество рисунков и орнаментов не уступает изяществу математических выражений, обрамлением которых они служат. И даже если бы на месте цифр в этой книге были буквы или ноты, в визуальном отношении она бы не проиграла.

Елена Карева

Слова и мёд

(Из записных книжек 2008 - 2011 гг.)

В сентябре-октябре 2012 года из печати должна выйти книга моих избранных произведений. Одновременно это издание станет первым выпуском новой серии книг, которая будет называться «Коллекция альманаха «Графит». Так получилось, что большую часть моей книги составили записные книжки 1996 – 2011 гг. Фрагменты этих записей здесь и представлены.

Сергей Сумин

****

Одно из главных назначений сказки, мифа, стихотворения – восстановление внутренней гармонии произносящего или читающего слова, помощь человеку, возврат его силы и веры в жизнь, осознание собственной бесконечности.

У Д. Кэмпбелла упоминается реальная история о каком-то племени, где, если рис плохо рос, женщины выходили в поле, садились возле риса и громко рассказывали древний миф о его происхождении.

****

Невозможно хотеть написать стихотворение. Оно прозрачно, легковесно, невинно и никому не нужно. Однако когда оно появляется, само, без спроса, это означает только, что бедолага-поэт излечен, хотя бы на время, ибо это в нем, кто слаб и страдает от странности жизни и любви к ней, родилась музыка, родилась гармония, которая выше и чище его личности. Остальным людям появление стихов абсолютно не заметно, что и неудивительно: слова стихотворения – это послание твоего высшего «Я» иным «Я», послание, которое чрезвычайно внимательно должен прочесть только автор, ибо зачастую в этом послании скрыта возможность его счастья и свободы, почти призрачная.

****

На какой эффект от чтения стихов я рассчитываю? Не может же быть, чтобы я делился стихами абсолютно бессознательно. Нет, конечно, я хотел бы, чтобы мои читатели преобразились, стали светлее, очистились от однообразия и глупости социальной жизни, ощутили радость существования, почувствовали нечто подлинное в бытии, захотели сами сотворить что-то прекрасное.

Я бы хотел, чтобы они возжелали полюбить все живое, почувствовали связь всех со всеми, познали расширяющиеся повсюду потоки возможностей, я бы хотел, чтобы мои слова зазвенели в их сердцах дивной мелодией.

****

Отрицать магию как составной элемент большой поэзии – значит быть бескрылым логиком. В поэзии задействованы такие мощные ресурсы языка (связь слова со временем и пространством, стихи как лучший набор слов, скрытая энергия слов, связь с древними заклинаниями и ритуалами и т.д.), что она не может в иные моменты не быть магией.

****

Писатель – это Одиссей, в каждом новом своем произведении пытающийся достичь Родины, каждый раз ошибающийся в поиске, и, наконец, понимающий: то, что он ищет – это не что-то, содержащееся в словах, не новые книги, а горизонты абсолютно неизведанного... Даже если он и будет писать книги, встречаться с новыми словами, они не укажут ему путь, и, может быть, лишь смерть, ставшая предел человеческим поискам, что-то сообщит ему, указав на новое измерение поисков.

****

Люди не просто так не отвечают на наши письма: таким образом, жизнь учит нас ничего не ждать, воспринимая каждый миг как единственный, а каждое общение как неожиданную радость.

****

В каком-то рассказе Клейст восхищается отточенными движениями марионеток, движениями, четкими, красивыми, лишенными рефлексии. Именно этим привлекательны дикие звери, хорошие танцоры и солдаты.

Тем не менее, жест писателя, начавшийся в реальности, по строжайшей необходимости завершается в его писании, то есть на листе бумаги, и от этого его жест приобретает свойства судорожности, недостаточности действия, его сомнительности, однако только так писатель и может двигаться, если хочет, чтобы его произведение стало шедевром.

****

Кстати, все психологические книги о писателях (например, Шарпа о Кафке) исходят именно из того, что жест должен начинаться и заканчиваться внутри реальности. Шарп удивляется: Кафка делает предложение Фелиции, но не доводит поступок до женитьбы, Кафка страстно желает покинуть дом родителей, но сам ничего для этого не предпринимает. Отсюда менторский тон Шарпа, обвинения писателю в несамостоятельности и робости перед

реальностью. Здесь не прочувствована уникальность писательской позиции, сложная конструкция его душевного склада. Психологу не приходит в голову, что писатель не слишком хотел проявить себя в реальности, а стремился лишь создать произведение, которое вместило бы в себя все его эмоции и поступки, но само осталось немного вовне.

Конечно, писатель странное существо – он часто выбирает не реальность, а свое отражение, увиденное в зеркале искусства, он как бы желает навсегда застыть в своем творении – как личность, физическое тело, дух. Этот писательский жест мало кому понятен при жизни писателя, но потом, после, возможно будет оправдан судом читателей и самим временем.

****

Большая часть новомодных учений современных врачей человечества строится на воздействии слова. Нас убеждают в том, что правильно составленные в магические формулы и заклинания слова могут изменять реальность вокруг человека. Но для чего? Что хорошего создадут люди, получив доступ к словесному Чуду? Слишком многие хотели бы, чтобы их бытовые и личные желания сбывались, вовсе не понимая, что это нанесло бы окружающему миру непоправимый ущерб. Нет уж, хорошо, что формулы НЛП, тибетские мантры или песни сибирских знахарей так редко воздействуют, попав в профанное пространство современного постиндустриального общества. В самой литературе вполне достаточно чудесной Силы, и она бережно хранит ее, не стремясь что-то менять вокруг себя мгновенно.

****

В писателе все спутано, как в клубке разных ниток, однако если попытаться этот клубок распутать, отделив нити по длине и цвету, то этот магический клубочек может исчезнуть, а сам писатель лишиться своей силы.

****

Мы говорим: я болею, мне больно, я ничего не хочу... Но страдание, в общем-то, совершенно ни при чем. Даже если у тебя что-то болит, это вовсе не повод для остановки и ничегонеделания (ровно наоборот). У художников частенько были огромные проблемы со здоровьем (Кафка, Достоевский, Чехов, Китс, Вагинов), и это лишь добавляло им желания творить. Жизнь слишком коротка, чтобы обращать внимание на боль.

****

Свобода – это добровольно возложенные на себя обязательства. Единственный долг – это долг перед самим собой.

****

Чтобы писать так, как пишут сейчас лучшие поэты России (Е. Боярских, А. Кабанов, В. Гандельсман, В. Науменко, С. Янышев, Лада Дождь, В.Месяц), нужно и жить так же, иметь максимальную степень накала своего существования. Как живут, так и пишут. Эти поэты имеют настолько обостренные органы восприятия, что любое переживание перетекает у них в безоглядность строчек, решимость слов, правоту поэзии. Выражается все это естественно, почти помимо самого автора, случайно поймавшего ручкой энергию, что прошла сквозь его руку. Это огромно и страшно, но и чудесно...

****

Одно или два неудачно подобранных слова или оборота – и текст пропал, он не имеет силы (идеального попадания в цель, которого нельзя достичь усидчивостью, разумом, чтением классиков). Если стихи хороши, это означает, что они родились в той потайной сфере сознания, куда не проникают общественные скрижали и нормы, где восприятие мира свежо, как в детстве, образы смелы и уникальны. Слова подлинной поэзии ни на кого не ровняются, не стремятся никому угодить, им наплевать, что скажут о них, и они хотят лишь полностью сбыться в тексте, сбыться во что бы то ни стало – теперь!

****

Жанр, конечно, почти всегда – ограничение. Лучшим авторам во все времена приходилось называть жанр, но для современников это было всегда парадоксом, неожиданностью... Разве это роман, поэма, трактат, эссе, стихотворение?

На самом деле у автора есть лишь энергия выражения, нащупанный ритм, идеальный подбор слов, желание выплеснуться на клочке белой бумаги. Настоящий автор смел, он не обращает внимания на исторические термины и понятия, зная о них, но решительно отталкиваясь от них в поисках собственного почерка.

****

В писательском деле крайне важна мера душевного напряжения или же расслабленности. В случае полной расслабленности, абсолютного внутреннего покоя ты не сможешь создать произведение – ты счастлив! Также и наоборот. Есть такая степень напряжения и страхов, упорного желания творить, переходящего в невроз, в болезнь, что мешает человеку

написать что-то значительное. Наверное, наилучшее состояние для писателя – свобода и собранность, готовность принять все тяготы жизни и ответить на них. Александр Сергеевич вывел свой идеал творца в своем Моцарте, который абсолютно свободен в творчестве, ибо чувствует незримое присутствие тьмы, смерти, Черного человека, но не верит в окончательную смерть и претворяет все с ним происходящее в совершенные произведения искусства.

****

Думал недавно о том, как интересно происходит в жизни с любимыми персонажами художественных произведений - человек просто превращается в них...

Это пришло мне в голову по причинам банальнейшим: мои взаимоотношения с работой последние года 3 - 4 - странные, напряженные, то я ее странным образом теряю, то сам с нее ухожу, а то даже и не пытаюсь найти...

Почему? Илья Ильич Обломов - мой любимый литературный персонаж... Вот в него-то я и превратился... Забавно, лежание на диване, мечтания, размышления плюс - я Вам руки не подам - вы с холода - при явном непонимании, что делают люди в этом мире? чем занимаются?

Что ж, продолжим наблюдение за собой... Среди моих любимцев еще Гамлет, Лужин, Робинзон Крузо, Онегин, Наташа Ростова... Что-то будет дальше...

****

Недавно подумал: где то самое авторское неповторимое Я, из-за которого так часто ссорятся и бьются между собой художники, поэты? где оно?

Ведь в состав созданных ими произведений входят: семья, в которой они выросли, родной язык, который изначально им не принадлежит, литературные традиции их народа, влияние прочитанных и увиденных произведений искусства, жизнь и фразы окружающих людей и т.д.

Да, скажут мне, но есть же личный опыт, который писатель использует в качестве материала для своих писаний?

Скажу - тоже иллюзия! Ведь тот человек, что действовал и тот, кто это впоследствии описал (час, день, полгода, десять лет спустя) описал – это разные люди, совершенно различные!

Так где же то самое Я, из-за известности которого современный художник бьется на фронтах публикаций, презентаций, рейтингов? ЕГО - НЕТ! Всем пишущим надо бы успокоиться!

****

Я не собираюсь лгать своими писаниями и буду описывать только то, что буду испытывать.

Слова утешения и надежды я скажу, если буду утешен и обнадежен.

Слова горечи и разочарования я скажу, если буду обижен и разочарован, но я постараюсь избежать этих слов...

****

Парадокс литературы – пишешь, чтобы тебя любили. Не прямое действие, направленное к другому человеку, а порождение слов, уводящих от непосредственного контакта, поиск читателей, а не друзей или любимых – поиск тех, кто, возможно, будет тебя любить когда-то. Мандельштам сказал: «стихотворение – письмо, запечатанное в бутылке». Похоже, так оно и есть...

****

В литературе помимо прочего нахожу я непрерывный процесс воссоздания в себе подлинного лица, желание не раствориться в толпе себе подобных, однако путь этот постоянен – он длится всю жизнь. Нельзя сказать: все, я себя нашел...

Именно поэтому поэт рождается каждый раз вновь с новым стихотворением, оно – лишь вспышка, озарение, и вовсе не продолжение предыдущих текстов, а совершенно новое явление, открытие подлинности, метафорический взрыв для автора.

****

Для пишущего его родина – это слова, родина всегда иллюзорная, почва, на которую невозможно встать и опереться. Люди вокруг писателя часто не понимают его именно по этой причине. Им он кажется капризным и поверхностным, ибо и лес, и горы, и сельский домик быстро теряют для писателя свое очарование. Пейзажи и ландшафты земли прекрасны, но все-таки ищет писатель чего-то другого, нереального, того, чего, возможно, он никогда не увидит.

****

Паузы молчания, свободы от слов, погружение в обычную жизнь совершенно необходимы поэту, ибо только эта смена работы и наблюдения оставляет шанс написать нечто не вымороченное, а по-настоящему живое. Всегда писать и думать только о писании – болезнь, убивающая живое чувство сопричастности всему в этом мире. Стихи – лишь сгустки впечатлений и мыслей, порожденные увиденным и пережитым.

****

Ни к чему не привязывайся! Любое обладание – тюрьма. Нужно учиться буквально ничем не обладать, не иметь ничего материального, не связывать себя людьми, предметами и деньгами. Только в этом случае ты станешь чист и будешь готов пройти небесными воротами, увидеть которые можно лишь бескорыстным взором.

****

Судьба – это то, что не может не произойти, то, что ты должен сделать в любом случае. Получается, что и издание книги, и рождение нового текста, и публичное выступление есть то, что бытие позволило тебе совершить. Это никак не твое личное усилие – усилие должно всегда резонировать с небом, отражаться в более глубоком замысле. Иногда прямо-таки чувствуешь, что нечто тебе помогает и все сходится в одну сияющую точку.

****

Есть люди, которые состоят из слов. Их жизнь кажется какой-то иллюзией, шуткой, сказкой, безделицей, ибо они мало участвуют в реальных событиях. Все это, правда, кажется до тех пор, пока в свои права не вступает литература, взгляд которой вовсе не нежен, а скорее суров и требователен. Мысли, переживания и дела этих людей настолько глубоко не здесь, что про них можно было бы сказать словами Франца Кафки: «У меня нет интереса к литературе. Я и есть литература». Это не пафос, а банальная констатация факта – у этих людей жизнь провалилась в слова.

****

Как много можно успеть, если никуда не спешить.

****

Последнее время меня влечет жанр поэтического афоризма. Блейк, Новалис, Кьеркегор, Мишо, Чоран и Юганов мастерски владели им. Например, Новалис: «Что человек любит, то находит повсюду» или «Добродетель – это проза. Невинность – поэзия»...

****

Мне всегда было интересно работать над книгой стихотворений, а не над простым собранием текстов. Я хочу, чтобы книга была тщательно оркестрованным произведением, с расставленными центрами, с неявными лейтмотивами, с особым внутренним строем. Такой сборник является взаимодополняющей системой, где различные стихотворения и строчки,

переплетаясь, создают живую экосистему, лес символов. Конечно, при всем при этом это и конкретный отрезок жизни, и результат прочтения чужих текстов плюс что-то Нерушимое в бытии. В таких книгах дыхание становится свободнее, внимание глубже, а смысл ярче.

****

Поэзия существует в зазоре между миром и обыденным языком. Она не доверяет разговорному языку, общественным клише, устоявшимся нормам высказывания, и ищет всегда парадоксальных и новых смыслов и слов. Этот малюсенький зазор не позволяет превратить настоящую поэзию в средство для чего-нибудь, будь то идеология, философия, религия и т.д. Это блаженная игра называния мира точным словом, дело творцов, впервые видящих жизнь в ее первозданной свежести и силе.

****

Михаил Пришвин пишет в дневниках: «В писательстве я свою лишность превращаю в личность». Очень верно, но как это происходит? Откуда берется эта лишность и что с ней делает увеличительная линза литературы?

Думаю, дело в том, что для определенного типа людей общественные рамки, труды и законы имеют совсем малое значение, их интересует путь, движение по собственной дороге жизни... Это и заставляет их, отталкиваясь от социума, искать свободной (то есть почти всегда одинокой) жизни. Как можно объяснить другому главные вещи? Даже друзья плохо понимают нас...

Поэтому доверять можно только бумаге. Ведь писатель, поэт связаны со словом, они не могут молчать. У них не получается ничего не создавать, они выражают себя в слове, где все говорится с максимальной откровенностью и силой. Таким образом, человек и обретает свою индивидуальность, становится частью всеобщего строя жизни.

****

Я думаю, что как автор я не связан ни одной религией, философией, манерой, стилем, направлением... Я выбиваюсь из всех «измов»...

****

Если мы движемся по собственному пути, то этот рваный асимметричный узор кажется другим нагромождением точек, линий, пунктиров. Что это за хаос? — говорят они, близоруко смотря на твои усилия, но ведь это как разбросанные рядами камни пустыни Наска — никто не знал, что это, пока не изобрели самолет и не поднялись в небо — оказалось, что это прекрасные рисунки.

Так и мы чертим узор, доверяя своей душе, своей интуиции, а значит, можем надеяться, что и наш рисунок тоже хорош. Возможно, есть некто, кто видит наш извилистый путь сверху и однажды скажет: красивый рисунок получился!!

****

По отношению к словам поэзии нужно остаться абсолютно чистым, а это означает - не пытаться использовать или продавать их, оставляя за ними исключительное право в своей судьбе, не стремясь чего-то достичь... Эти слова предназначены для Света...

****

Смерть безжалостно взирает на жизнь.
Ангел сочувственно смотрит на человека.

****

Соприкосновение с тайной мира – суть поэтического творчества. Слова - магические знаки, светильники и зашифрованные письма, обращенные к человеческой душе. Можно ли употреблять их как средство для достижения чего-то?? Они самоценны! Поэта ведет простая и точная последовательность букв, внутренний строй речи, приходящей из области скрытой гармонии вселенной.

****

Женщина - это всегдашний вопрос, проблема. Связавшись с ней или отказавшись от нее, - ты все-таки остаешься стоять перед этим невыносимым молчаливым вопросом, который никуда не уходит, ибо он подлинный и этот вопрос к тебе: кто ты? кто она для тебя? где твой настоящий мир?

****

Немного о том, что заменяет реальную жизнь - о книгах. Последняя прочитанная - "Сон о героях" Бьоя Касареса. Роман в 140 страниц читался тяжело, но последние 10 страниц все оправдали – очищение, вспышка понимания, катарсис..... Сюжет прост: герой решает загадку одного происшествия своей жизни, и оказывается она в том, что он сейчас же должен умереть, обрести судьбу. На самом деле - это не слишком печально. Главный герой осознал в конце нечто подлинное, но что – трудно объяснить.

Он умирает за свою любовь, свою честь. Умирать легко, когда знаешь, что умираешь своей смертью.

То ли жара подействовала, то ли еще что, но очень хочется читать латиноамериканцев - Кларису Лиспектор, Маркеса, Хуана Рульфо, Кортасара раннего. Обязательно что-нибудь найду и прочту.

****

Почему я люблю даосов? Чем мне близки Лао-Цзы и Чжуан-Цзы? Почему я их считаю поэтами, когда как во всех учебниках говорится, что они философы?

Ну, прежде всего, ритм многих сочинений даосов есть попытка петть вместе с небом, соответствовать пульсом своего сердца пульсу вселенной. Это у них такая сверхзадача была – передать музыку мировой гармонии, единства человека и неба, полноты Дао.

Термин «Дао» пояснять не буду – кому хочется узнать, может философский словарь полистать, однако для меня подобная нечеткость формулировки, смутность, загадочность, метафоричность в обращении с высшей правдой – идеальное попадание. Я не слишком доверяю наукам, философиям и религиям, которые четко знают, что такое мир и что там наверху. Этим грешат почти все...

Я же убежден, что здесь, на Земле, знать о небесной правде точно ничего нельзя, это можно только тихонечко ощущать, пред-чувствовать, но никак не Знать. Даосы как раз и пытались словами-пунктирами, словами-образами поймать едва уловимую суть бесконечного ускользающего от слов бытия. И у многих это получалось. Это, конечно, не литература в светском понимании слова, но грань между мыслью и ощущением, попытка вслушаться в гул бытия, различить в нем скрытую мелодию. Отсюда столь странное стилистическое решение, например, «Дао дэ цзина». Это то ли верлибр, то ли ритмизованная проза, то ли перечень афоризмов и парадоксов...

То же и у Чжуан-Цзы. Он пишет притчами, историями, которые всегда имеют двойное дно – а еще третье и четвертое. Это как пирог слоеный – каждый видит лишь то, в какой степени он познал Путь. В Европе этим занимались такие философы как Гераклит, Зенон, Грасиан, Кьеркегор, Розанов, Ницше, Чоран. Единство литературы и философии, попытка живой мысли, еще не зафиксированной в терминах и формулах.

Даосы выработали свой биостиль, в котором жизнь и слово – одно, это стиль, максимально приближенный к сути вещей.

****

Немного о путешествующих, о странствующих. У кого возникает желание бросить все? Кто вообще отправляется в дорогу? Разве счастливому и

удовлетворенному жизнью человеку придет в голову срываться с места, бросать привычное житье, тратить деньги на билет и ехать неизвестно куда и зачем? Вот и оказывается, что все путешественники несчастны. Всех, кто стремится увидеть новые земли, точит червь скуки и маеты...

Но если путешествующий несчастлив, то кто счастлив? Часто те, кто остаются дома, всего лишь не могут осознать, что они несчастны, слабы, чтобы увидеть себя со стороны. У путешествующего есть все же одна черта, которая его почти оправдывает – он верит в чудо, верит, что найдет свое счастье там, за горизонтом, в новых пространствах, может быть, смутно догадываясь, что настоящее путешествие начнется только после смерти.

****

Если впитать много тишины, красоты мира, хороших книг, прекрасных идей, глубоких людей, то можно и написать что-либо ценное. К сожалению, сейчас человек сначала стремится высказаться, а потом уже что-то узнать о жизни.

****

В ком больше тонкости, чувствительности, боли – тот и пишет лучше. Это верно оттого, что поэзия – не прохладная рациональная игрушка, не сухой анализ, не профанная речь, а разговор на высотах языка, на высотах страстного взгляда, абсолютно неповторимого и безоглядного в своей открытости всему.

****

Как поэт я каждый день подтверждаю свое смирение перед тайной мира и неспособность постичь безусловный смысл мира в рациональных терминах. Логос много глубже, чем логика. Стихи изредка (непроизвольно, сами собой, случайно, вскользь) обнаруживают нечто, что я никак не могу назвать... скрытый смысл? метафору? подлинность всего??

****

Человек, который стремится во всем окружающем видеть Красоту, может надеяться, что и Красота однажды увидит его.

Хроника книгоиздания

«Персонаж» №1 2011 г. Гипертекст-проект. Тексты о текстах. Уфа. 150с.

В издающемся с осени 2011 года литературном приложении к уфимскому журналу «Гипертекст» произведения молодых писателей представлены параллельно с их критическими разборами. Авторы и критики принадлежат если не к одному, то к соседним поколениям (в основном 1970 - 1990 гг.), что, как минимум, значительно облегчает работу будущего исследователя литературных процессов по отбору материала. Практически, каждое произведение дается в сопровождении современного варианта его интерпретации, а это дает картину текста в контексте, что вкупе с четкой хронологической очерченностью рамок говорит о научном подходе, лежащем в основе проекта. Какой окажется его преимущественная ценность, покажет время. Лично мне показалось интересным, что в ходе знакомства с небольшим количеством рецензируемых изданий (5 шт.) в «Персонаже» я во второй раз встретила ссылку на Льюиса Кэрролла («О снарках» Кристины Папрецките vs. «Трескового хода» Дмитрия Голина). Но говорит ли это о тенденции к повышению «наукоемкости» современной литературы или связано с выходом на экраны в 2010 году «Алисы в стране чудес» Тима Бертона, на основании двух совпадений трудно судить. Возможно и то, и другое. Одновременно.

*я замер, превратился в натюрморт/ и чувствую, как жизнь во мне идет, /
расталкивая пальцы и сустав,/ креля меня налево и направо,/ назад, вперед.
(Алексей Клепиков)*

Р.М. Рильке, «Лирика». Книга 3 Перевод с немецкого. Челябинск, 2012 г., 250с.

«Мне никогда не пришло бы в голову переводить целую книгу Рильке, как П.Г. Богатыреву», - сказала Ольга Седакова в интервью о переводах и пояснила: поскольку она не переводчик, для которого «переводимость любого текста» «не составляет проблемы».

Учитывая сложность переводческой задачи, в идеале требующей максимальной точности воспроизведения и формальной, и содержательной составляющих поэтического текста, чаще всего наиболее удачными оказываются сборники, составленные из лучших переводов различных авторов. Но и противоположное явление – не редкость, из современных достаточно вспомнить, например, переводы Катулла В. Сосноры и

М. Амелина, или, если вернуться к переводам Рильке, сравнительно новые переводы В. Летучего.

Николай Болдырев пошел много дальше, и ни один из ранее достигнутых рекордов не устоял: перед нами выполненный им перевод собрания сочинений Рильке, включая переписку с Пастернаком и Цветаевой, 7 томов. Это само по себе уже беспрецедентное событие, свидетельствующее в равной степени и о любви к поэзии Рильке, и об амбициях автора.

Знакомство с различными версиями переводов дает шанс лучше понять смысл, вложенный автором в стихотворение (и это, кстати, аргумент в пользу того, что стихотворение не сводимо к форме), но судить о стиле и о языке автора на основании переводов не всегда возможно; для этого желательно знакомство с оригиналом. Я не знаток поэзии Рильке и не знаток немецкого, хотя перевела (для себя) порядка десятка стихотворений. Из них только одно я встретила на страницах доставшегося мне для знакомства третьего тома («Лирика») - стихотворение «Ангелы».

Сошлюсь еще раз на упомянутое выше интервью Ольги Седаковой (потому что там, на мой взгляд, многое верно подмечено): переводя, переводчик выбирает, «где проиграть». В своей работе, очевидно, Николай Болдырев рассчитывал выиграть в точности передачи смысла стихотворений. В этом случае, возможно, более логично было бы уже последовать за европейской переводческой традицией и отказаться от рифмы, поскольку, укладывая в прокрустово ложе рифмы сложный мир образных и философских построений Рильке, трудно не нарушить его стройности. Да и точности, как, например, получилось с «Ангелами», - в оригинале которых нет никаких «ушей», в которые могла бы «задувать» тоска, - и потому она этого там не делает. Также не связанному рифмой переводчику легче соблюсти стилистическое соответствие и единство текста.

Но Николай Болдырев свой выбор сделал, и обсуждению этот факт не подлежит. Однако, беря на себя столь масштабную задачу, автор должен быть готов к тому, что читатель будет оценивать не только величие замысла, но и детали исполнения. Чтобы помочь ему в этом, можно привести ссылку на сравнительный анализ переводов стихотворения «О фонтанах» (стр. 32 - 33 данного издания): <http://www.pereplet.ru/ohay/rilke/fontaen.html>

Проработка столь большого массива текста и доведение его до совершенства, очевидно, потребовали бы гораздо большего времени в масштабе жизни, чем было в данном случае отпущено. «Высокие цели, хотя бы невыполненные, дороже нам низких целей, хотя бы и достигнутых» - считал Гете. Если целью переводчика было пробудить интерес читателя к поэзии Рильке, то читателю и предоставим судить о ее выполнении.

Мы – лишь уста. Но кто, скажи, поёт? Чье сердце в каждой вещи бьется тихо?

Дмитрий Голин, «Тресковый ход» (художественная серия «Поэты Саратова»), Саратов, 2010 г., 60с.

...Как забавно быть треской.....не в пример чувственной форели, разбивающей оковы духа ради свободы изъясления любви, а, напротив, в духе устремляющейся в стольный град Иерусалим, небесный – лесами волынскими, невзирая на икромет (видимо, подозревая сакраментальную истину, известную нам из уст поэта, тень которого подобно бомбардировщику проносится над страницами книги: «зачем нам рыба, если есть икра?»).

«Поэта далеко заводит троп» - объясняет Дмитрий Голин, страдающий бог придуманного мира, существующего в малоисследованном пространстве, как его ни назови: между собакой и волком, выразителями, условно говоря, классической традиции и Кэрроллом, словом и предметом (предметами), им означаемым. Творец этого мира несет в себе ритм/ритмы, повинуюсь которым слова располагаются в том или ином порядке, рождая новую причудливую реальность, подобно фрактальным узорам. Более или менее последовательно он на деле осуществляет декларируемый Бродским принцип примата языка. У Бродского это была не более чем декларация, любимая теория и тема разговоров с общественностью в лице нобелевского комитета ли, или студенческой аудитории. На деле он писал все-таки то, что считал нужным. Носителю творческой способности и воли трудно полностью самоустраниться из творческого процесса, если он не компьютерная программа. Дмитрий Голин воплощает альтернативный подход: не изведение тысяч тонн словесной руды единого слова ради, а создание обогащенной словесной руды ради нахождения в этой руде неожиданных смыслов и игры смыслами. Не опущенные звенья и кристаллизация образа, а, наоборот, наполнение и усложнение цепи, приводящие к образованию многоуровневой смысловой конструкции, закольцовывающейся бесконечности смысла. Предлагает нам автор вариант или альтернативную трактовку предмета поэзии, судить не берусь. Но, возможно, второе, в пику чему сквозная тема в текстах Дмитрия Голина все же просматривается (а поэт – напомнил Евгений Ермолин в свежем интервью - все-таки тема). Тема, старая как мир: безвинное страдание всей твари, мучающейся вместе с человеком вследствие его грехопадения, и своим существованием умножающее страдания его наиболее тонко организованных представителей (чтобы не произносить политически некорректного определения «лучших».) «Чем согрешили кошки, что ангелы не переводят их через дорогу...»? В мире ангелов с потускневшими крылышками и скрюченными лапками – в заплеванном парадном – вопрос не имеет не только ответа, но и смысла.

Нехватка пустоты и света./ Вот все, что может быть воспето/ в местах отсутствия свобод.

Елена Карева

Элла Крылова. Не приминая трав: Стихотворения. «Геликон Плюс»: Санкт-Петербург, 2011 г., 120с.

Отношения с Богом – испытание для человека. Тем более для человека искусства. Тем паче для поэта (потому что «вначале было Слово»). Если утрата прямого пути к Нему – утрата рая, то искусство и прежде всего литература возникли поэтому: мы нащупываем и исследуем варианты и возможности возвращения на этот прямой путь с окольного. Это имеет значение для религиозного (не употребляю слово «верующего», чтобы не раздражать никого) человека. В истории поэзии полно случаев, когда религиозность питала поэзию. Назову хотя бы несколько имён: это всматривание в смерть и в то, что будет после - Ольга Седакова, Марина Цветаева (кстати, в связи с тем, что я сейчас скажу о Крыловой, рекомендую эссе Цветаевой «Искусство при свете совести»), Поль Клодель, Елена Шварц, Иван Жданов.

Тексты Эллы Крыловой питает религиозность иного рода – всматривание в жизнь, такое непосредственное, внимательное ко всем деталям (даже в пиве при желании можно Господа разглядеть). Но передо мной очень странная книга. У всех вышеназванных поэтов религиозность не убивала художественности. Однако путь «возвращения» - тяжёлый и ответственный путь. Технологии стилей, технологии создания образов как-то и насколько-то описаны; от книги Эллы Крыловой возникает ощущение, что художественный образ уступает место иному, что уже не имеет отношения к искусству и сознательно (или инстинктивно?) нетехнологично.

Здесь, безусловно, есть проблески высокохудожественные и техничные. Не буду ничего цитировать, но я прочитал книгу внимательно, искушённо и не пожалев потом – и внимательный и искушённый читатель меня поймёт. Похвала Папы Римского иногда важнее похвалы литературных критиков. Мне кажется, и для самой Эллы. Филологическое послесловие тут, по-моему, совершенно абсурдное.

Дай Бог Крыловой прямого пути. Всем советую прочитать эту книгу – но это книга человека, перестающего быть поэтом (художником) ради большего.

Каждый день всё трудней новый день начинать мне с нуля/ и встревожено слушать, как дышит планета Земля – /как астматик среди вавилонского смога.

Марианна Плотникова. Умеренно влажно. Уфа, 2011 г., 130с.

Прочитав книгу сильного, эрудированного и живого поэта, я открыл предисловие – и мне стало не по себе. Я подумал: зачем Марианне Плотниковой оправдания-превознесения в таком стиле? Впрочем, судите сами.

как только сольются ритмы
ток мыслей наполнит стебли
душа полоснёт их толщи
и просто слова и рифмы
окажутся чем-то большим
окажутся больше нас

Бывают сборники текстов (поэтических произведений?). Бывают книги стихов. «Камень» Мандельштама, например – «камень» и в акмеистическом понимании, цельный и при этом простой природный монолит. И конструкция, и знаменитый пастернаковский смысл: книга Плотниковой – «кусочек дымящейся совести», облечённый в стройную, продуманную, красивую композицию.

А искусствоведение – вещь служебная и зачастую спекулятивная. Не обращайтесь внимания на это слащавое эссе, которое сразу могло отвратить от книги читателей умных и со вкусом. Марианна Плотникова – не великий и не гениальный поэт. Но она достойна внимания и времени: перед нами – нетривиальное живое слово, весьма симпатичный личный голос. Безусловно, это имя в современной литературе.

как тонко ты чувствуешь пульс/ будь беспристрастным врачом/ если я не вернусь

Сергей Щёлоков

Николай Болдырев «Лес Фонтенбло» Челябинск, 2010 г., 510 с.

Я всегда сожалел, что позиция философствования Востока с его текучестью, парадоксальностью, склонностью к созерцанию, вслушиванию в гул вселенной мало представлена в современной отечественной литературной традиции. Но Николай Болдырев, живущий в Челябинске, компенсирует этот пробел. Философия даосизма и дзен-буддизма представляется в его писаниях чем-то очень родным и очень органичным. И дело вовсе не в блестящей образованности эссеиста, а в очевидном факте, что творчество некоторых наших классиков – Пушкина, Пришвина, Розанова, Андрея Тарковского чрезвычайно естественно вписывается в эту традицию. Читая о Пушкине, который подобно мудрецу, ветру, Небу в китайской

традиции, действовал и писал спонтанно, мы испытываем тот самый мгновенный восторг узнавания вечно присутствующей истины. Бродский и Цветаева, конечно, совсем из другого лагеря, но и о них сказано много точного, определяющего суть их мировосприятия. Также в сборник философских эссе вошла и статья о Тарковском и Кастанеде. Удивительные все-таки вещи можно обнаружить при глубоком взглядывании в творения больших мастеров. Оказывается, опыт магов племени яки каким-то невообразимым образом был близок автору «Соляриса» и «Андрея Рублева».

Вторая часть книги – переводы прозы Рильке, к которому автор испытывает давний и неиссякаемый интерес. Рильке предстает Болдыреву центральной фигурой поэзии первой половины века, автором, совместившим опыт сакрального постижения с глубоким анализом современной ему ситуации.

В концепции Рильке мы субъект-объекты колоссального космогонического процесса.

Мой край Самарский. Выпуск № 3. Сборник краеведческих материалов. 2011 г., 51 с.

Сборник лучших проектов Самарской области – итог только одного 2011 года. Первая часть – молодежные проекты, вторая – литературные журналы и альманахи. Несколько страниц отведено и литературному альманаху, выходящему в Тольятти, «Графиту». За пределами сборника осталась информация о том, с каким трудом дается редакторам этого издания находить средства на издание альманахов. Тольятти – пока не город культуры и найти здесь человека или организацию, готовых помочь, представляется задачей практически невыполнимой. В Самаре как губернском городе с культурными традициями проходит немало интересного, например, зимний фестиваль «Литературные перекрестки», в котором принимают участие как маститые, так и начинающие поэты. Особенно можно радоваться тому, что в мае 2011 года в галерее «Виктория» прошел книжный фестиваль «Самарская ЧИТА». На столах можно было найти самиздат Самары и Тольятти 1990-2010 гг. из коллекций поэтов Георгия Квантришвили и Айвенго. Выступали и художники, и театралы, и поэты, и музыканты... Очень достойное мероприятие. Среди представленных в сборнике материалов встреч и диспутов выделяется летний философский лагерь, на котором философы и поэты постигали суть вещей.

Присутствуют в сборнике и материалы о двух самарских альманахах – «Название» и «Черные дыры букв». И в том, и в другом проектах присутствуют значимые и уже известные за пределами Самары литераторы. Пожелаем всем авторам и издателям Самарской области не снижать высокой планки и в дальнейшем.

Были в истории нашего города фестивали литературные, поэтические, художественные, а книжного еще не было (В. Сушко)

Сергей Сумин

Виктор Пелевин "S.N.U.F.F.", Москва, Эксмо, 2011г.

Одно из наиболее сильных впечатлений на меня традиционно произвел последний роман Виктора Пелевина "S.N.U.F.F.", релиз которого состоялся 8 декабря прошлого года. В центре романа история отношений главного героя и высокотехнологичной «резиновой женщины» по имени Кая, обладающей высокой степенью духовности и «существа», - дорогой куклы, кредит на приобретение которой может себе позволить только представитель очень высоко оплачиваемой профессии. Любовь – чувство, которое волнует человечество на протяжении всей его истории. В одной из книг Библии говорится, что человек что ни добудет преступным путем – убьет, украдет, - принесет возлюбленной своей. О любви пишут и поэты, и философы. Стендаль, написал целое замаскированное исследование, которое так и озаглавил - «О любви». Виктор Пелевин же на первый взгляд не производит впечатление писателя, глубоко затронутого этой темой. Но только на первый. На самом деле он исследует ее постоянно. Начав с пронзительного внутреннего монолога, обращенного к Анне в романе "Чапаев и пустота", он продолжил уже в другой плоскости, перенеся свои исследования из области эмоций в область чистого разума и рассматривая разные аспекты отношений полов практически в каждой последующей книге - в «Священной книге оборотня», и в "Empire V", и «Числах», и в сборнике П5 («Зал поющих кариатид»). В центре его внимания женщина как субъект и объект любви, этим он похож на Триера. (Кстати, «Меланхолия» тоже была не слабым впечатлением). Что скрывается за словом «любовь»? – вот что волнует Пелевина. В одном из интервью - а у меня сложилось впечатление, что после Бродского интервью стало еще одним литературным жанром, - он рассуждал в том духе, что женщина сводима к биологической, детородной функции, но в какую обертку завернута эта пилюля! В общем, точка зрения не нова – еще Платон говорил о том, что любовь к женщине носит вынужденный характер, обусловлена природой, и в данном случае нельзя говорить о свободе выбора. Пожалуй, Виктор Олегович пошел в этом вопросе дальше, перейдя «заветную черту» и обратившись уже даже не к инстинкту, а к его электрохимическому механизму, общему для всех человеческих инстинктов, и отбирая у человека исключительное право на обладание душой. Глядя на Каю, обладающую высокоразвитым искусственным интеллектом, герой романа (практически, герой *нашего* времени) задается вопросом: а есть ли у

нее душа? Если Бог вдыхает душу в человека, что может помешать вдохнуть ее в совершенный механизм?

«- Скажите, спросил я, - она все-таки думает или нет?»

Он засмеялся.

- Если бы вы знали, сколько раз мне задавали этот вопрос...

- Она разумна?

— Она... Это юридически скользкая тема. Отвечу так. Когда-то ученые хотели заставить машину думать на основе правил математики и логики. И поняли, что это невозможно. В подобном смысле – нет, не разумна. Но учтите, что и сам человек думает вовсе не с помощью математических алгоритмов. А логика, если честно, нужна только нашим военным философам для деморализации противника в условиях городского боя. Люди принимают решения на основе прецедентов и опыта. Человек – это просто инструмент приложения культуры к реальности. Сура (суррогатная женщина – прим. автора обзора), в сущности, тоже».

Внешнее и внутреннее совершенство выгодно отличает Каю от биологических женщин. Это Прекрасная Дама, Вечная Женственность, природу которой Пелевин исследует в свойственной ему манере. Вопрос остается без ответа, но, может быть, продолжение следует? Во всяком случае, мне всегда интересно, что подарит Виктор Пелевин читателям на свой очередной день рождения. Не понимаю людей, которые говорят о любви к ранним произведениям этого автора и разочарованности более поздними вещами. Пелевин как фокусник отвлекает внимание, он обрушивает на неискушенного читателя тонны иронии, сарказма, и восточной философии, доводя картину мира до гротеска и абсурда, и надо потрудиться, чтобы добыть основную мысль. Хотя, как правило, хватило бы нескольких слов, чтобы выразить ее. Я не удивилась бы, если бы, открыв очередной роман, прочитала: «не можете служить Богу и мамоне», или «вы будете иметь скорби по плоти, а мне вас жаль»... Но, конечно, этого не произойдет, потому что это уже за пределами литературы.

«Белый человек» №7/2010 г. Самара, 38с.

«Белый человек» когда-то звучало гордо, поскольку было подкреплено реальными достижениями цивилизации на пути ее развития от Икара до Гагарина. Или мнимыми? Этот вопрос цивилизации неизбежно задает культура, ее вечный антипод и критик, не желающий погибать бессловесно при переходе на очередной виток спирали. Но цивилизация глуха, она целеустремленно и безжалостно совершает свое поступательное развитие,

пока вдруг не окажется лежащей в руинах, над которыми одиноким памятником возвышается давшая ей когда-то жизнь культура. Перед закатом «белый человек» звучит сексистски, политически некорректно, и путь цивилизации как будто бы выглядит иначе, от гориллы до Генсбура, и, возможно, обратно, наглядно опровергая теорию эволюции Дарвина. Так или иначе, тысячелетия пройденного пути неизбежно оседали в памяти поколений, предоставляя богатый фактический материал, подвергавшийся систематизации и переработке, и вновь, и вновь, по мере дальнейшего накопления, претерпевая изменения, изменяясь до неузнаваемости, теряя изначальный смысл и мутируя. «Белый человек» представляет собой собрание артефактов, добытых в ходе раскопок области коллективного бессознательного *сум комменто*, причем одно трудно отличить от другого. Отчасти, может быть, потому, что интерпретация – это артефакт другого поколения. Быть может. Пространство сборника организовано таким образом, что позволяет различные варианты прочтения. Читатель может

гулять по нему, как по английскому парку (несмотря на неоднократные попытки насадить французский дух на этой территории, так что упоминание «тошноты» выглядит неслучайным), смутно догадываясь, что это не лес, а все-таки дело рук садовника, на досуге пытаюсь разгадать его замысел. Пару текстов, например, вполне можно рассмотреть не только как самостоятельные произведения, но и как иллюстрацию некоторых тезисов, прозвучавших в других. Что касается текстов, хочется отметить их хороший уровень. Слова в них стоят на своих местах и не допускают перестановок. Что на самом деле не так уж часто встречается на страницах современных литературных журналов, особенно провинциальных. С учетом возложенной сверхзадачи философского плана, стилистика их выше всяких похвал. Содержательная часть разнообразна. Рассмотрению подвергаются многие явления человеческой жизни (при этом она часто производит впечатление нечеловеческой), пропущенные через призму европейской культурной традиции, в результате чего получены любопытные результаты. Мне, например, очень понравилось определение гомосексуализма («сконцентрированность на себе – вот разгадка...»), и пусть первым бросит камень в журнал тот, кто скажет, что это не одна из актуальных тем современности. Современное искусство, или, точнее, современная трактовка этого явления, реклама и дизайн, социальный дарвинизм и поиски небанальных истин – во всем авторам «Белого Человека» хочется дойти до самой сути. Может быть даже, они верят, что если заблуждения будут развенчаны и цепи ложных представлений разорваны, у белого человека еще есть будущее. Напоследок хочется привести цитату из статьи А.А. Темникова, памяти которого посвящен номер: «Мы с большой нежностью относимся к жителям нашего города. Мы любим их как-то по-есенински и никогда не бьем по голове. Мы помним, что у них было трудное детство, и малейшее проявление доброты, человечности и разума ценим в них, как

величайшее чудо.» Еще более чудесным и удивительным мне кажется появление на самарской скудной почве и в суровом климате настоящего концептуального издания «Белый Человек».

P.S. Столкнувшись с концептуальным изданием, полезно прочесть эпиграф, но, как правило, эпиграф читают, когда все концепции уже сломаны, особенно, если он (эпиграф) приведен на английском языке.

Что до Человека разумного (Homo Sapiens), то его поприщем, очевидно, должны стать философия и литература (Сергей Рутин)

Елена Карева

Воденников Дмитрий. Родился в 1968 году. Поэт, драматург, эссеист. Окончил филфак МПГУ. Автор передач на Радио России. Многочисленные публикации в различных российских и зарубежных изданиях. Автор нескольких книг стихотворений. Стихи переводились на иностранные языки. Живет в Москве.

Голин Дмитрий. Поэт, эссеист, журналист. Родился в 1970 году. С 2001 года редактирует альманах "Василиск". В 1996 году выпустил книгу стихов "Плутон и Лютня". Печатался в различных изданиях. Живет в Саратове.

Карева Елена. Поэт, критик, переводчик. Автор двух стихотворных книг, а также многочисленных публикаций стихов и статей в журнале «Город». Живет в Тольятти.

Квантришвили Георгий. Поэт, коллекционер. Родился в 1968 году. Учился в трех вузах. Многочисленные публикации стихов и статей. Живет в Самаре.

Крылова Элла. Поэт. Родилась в 1967 году. Издала несколько книг стихов. Многочисленные публикации в российских и зарубежных журналах. Стихи переводились на иностранные языки. Живет в Москве.

Лисовицкий Алексей. Поэт, редактор, журналист. Родился в 1989 году. Публиковался в независимых сборниках и на сайте «Полутона». Живет в Самаре.

Лобанов Вячеслав. Поэт. Родился в 1961 году. Окончил Тольяттинский политехнический институт, инженер-электромеханик. Публиковался в Интернете. Живет в Тольятти.

Москалюк Александра. Родилась в 1994 году. Учится на переводчика в ТГУ. Участвовала в выставке детских рисунков в Париже. Живет в Тольятти.

Нечаянная Наталья. Родилась в 1992 году. Окончила лицей № 6 и Школу юного журналиста "Легкое перо" в г. Тольятти. Учится на журналиста в Москве. Публиковалась со стихами в альманахах: "Золотая строфа", "Озарение", "Окна", в газете "В центре".

Перегудов Дмитрий. Родился в 1987 году. Писатель, эссеист. Живет в Тольятти. Публиковался в местных изданиях, сборниках «Между строк».

Пиденко Сергей. Родился в 1960 году. Поэт, прозаик, бард. Печатался в белорусских и российских журналах и альманахах, а также в самиздате. Издал 2 книги белорусских русскоязычных авторов. Руководил клубом авторской песни «Бардовская среда». Живет в Тольятти.

Попов Александр. Родился в 1949 году. Педагог, заслуженный учитель РФ, директор лицея №31 Челябинска. Автор 28 поэтических сборников и циклов рассказов. Публиковался в журнале «Юность», газетах «Первое сентября», «Учительская газета». Награжден литературной премией имени В. Катаева (2009 год). Живет в Челябинске.

Порвин Алексей. Поэт. Живет в Санкт-Петербурге. Родился в 1982 году. Стихи публиковал в столичных и провинциальных изданиях. Автор книги «Темнота бела».

Пулька Наталья. Поэт. Родилась в 1973 году. Имеет высшее экономическое образование. Живёт и работает в Тольятти.

Сумин Сергей родился в 1973 году. По образованию – филолог. Опубликовано в сборниках «Нестолличная литература» и «Самарский верлибр», журналах «Волга», «Город» и «Гипертекст». Около 20 интернет-публикаций. Активно занимается самиздатом. Живет в Тольятти.

Уколова Любовь. Поэт. Родилась в 1986 году. По образованию – психолог. Живет в Тольятти. Публиковалась в сборниках «Между строк», альманахе «Графит».

Чердаков Василий. Родился в 1962 году. Поэт. Окончил Машиностроительный техникум. Стихи печатались в периодических изданиях Самарской области. Живет в Сызрани.

Щелоков Сергей. Поэт, эссеист. Родился в 1974 году в Самаре. Окончил филологический факультет Самарского университета. Многочисленные публикации стихов. Живет в Тольятти.